ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 50 ДЕКАБРЬ 1990

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

№ 50 (3308)

8—15 декабря

УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

«Мастер и Маргарита» в постановке барнаульского театра «Синтез» (художественный руководитель В. Кожихин).

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на 1991 год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.

Цена одного номера в розницу с 1991 года — 1 рубль.

Сдано в набор 19.11.90. Подписано к печати 04.12.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 3042. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Анатолий ГОЛОВКОВ

Под ропот очередей и глухое молчание пикетов, под заклинания союзного правительства и стук продуктовых посылок из Германии в сотне шагов от палаточного городка открылся съезд народных депутатов РСФСР.

Гипсовый Ленин в очередной раз смотрел из своей ниши в Большом Кремлевском дворце на поколение людей, которое должно бы жить при коммунизме. А люди собрались в общем-то как раз для того, чтобы выполнить старое обещание большевиков: «Землю — крестьянам!»

Мне нравится атмосфера российских съездов, поддерживаемая авторитетом Бориса Николаевича Ельцина. Хотя было и тут немало милых подробностей. И протаскивание обсуждения проекта Союзного договора в повестку дня уже после того, как за повестку проголосовали... И требование отставки И. С. Силаева и Р. И. Хасбулатова... И удивленно вскинутые брови И. К. Полозкова, когда с трибуны прозвучало предложение выделить 1 миллиард из кассы российской компартии селу...

Однако все то, что развлекло бы нас еще пару лет назад, что вызвало бы иронию и толки, само собой отошло на задний план. России не до смеха. Она отдает себе отчет в том, что речь идет о революционном перевороте на селе, равном по масштабам разве что коллективизации. Что же будет?

Еще весною, когда вступил в силу союзный Закон о земле, зашел в «Огонек» старый мой знакомый, председатель колхоза «Красное знамя» из-под Курска Виктор Яценко. Года три назад, когда еще никто о фермерстве и не заикался, Яценко первым в области принялся добиваться самостоятельности, восстал против диктата райкома партии. И не без помощи нашего журнала одержал победу. В том смысле, что первого секретаря райкома сняли.

— Ну, что, дождался своего часа? — спросил я его, имея в виду новый Закон.

Виктор махнул рукой.

— Ничего не изменилось. Как командовали, так и командуют.

Партийного секретаря сменил новый, закадычный

друг прежнего, и покатилась жизнь по накатанной колее, по той, которую проложил в Курской области бывший первый секретарь обкома А. Ф. Гудков (подробности о Гудкове и его деяниях — в очерке П. Никитина «Стая», «Огонек» № 49 за 1990 год). Яценко выглядел расстроенным.

— Кто бы нашим депутатам подсказал,— в сердцах делился со мною он,— пусть приедут хотя бы в мой колхоз, посмотрят, с людьми поговорят, а потом законы принимают...

На трибуну российского съезда тоже выходили депутаты, знающие село не понаслышке. И каждый пытался выкрикнуть свою правду, выплеснуть свою боль — и арендаторы, и фермеры, и председатели колхозов, и чиновные люди агропрома. Во время перерывов разговор переходил в курилки, фойе, буфеты, где загодя прикупали кремлевские гостинцы к Новому году. И становилось понятно: народные избранники России оттого так напористы и горячи, что, вероятно, этот срочный съезд — последний шанс дать измученной русской деревне то, чего не удалось ни Пугачеву, ни декабристам, ни императору Александру II, ни Ленину,— землю и волю.

Положит ли съезд конец экспериментам над селом? Сколько их было лишь за последние годы! Чего стоили мелиоративная программа, распыление миллиардов по худым гектарам Нечерноземья (ладно бы еще по гектарам, а то ведь зачастую и по карманам!)? А увлечение азотными удобрениями при интенсивных технологиях? До сих пор разит «химией» колодезная вода. А уничтожение уникальных сортов винограда, безжалостная, имени Егора Лигачева, рубка лозы? А изгнание опытнейших кадров из сельхозуправлений под знаменем агропрома? И, конечно, брежневская «продовольственная программа», которая аккурат в наши дни должна была закончиться полной победой колхозного строя и изобилием...

Но ведь какая странная штука: никто из работающих ныне столпов агропрома, как и тем более из тех, кто удалился на «почетный отдых», вроде Мураховского, не оказался способен на публичное покаяние. Никто, кроме самого Горбачева. Слышали ли вы, читали ли в «Известиях» горькие его слова во время встречи с интеллигенцией 28 ноября: «...за все, что произошло, что сорвалось, я не снимаю с себя ответственности, беру ее на себя».

Видит Бог, наш Президент сам плоть от плоти своего времени, поскольку не в восемьдесят пятом году родился, и шел рядом с нами методом проб и ошибок. И он был автором некоторых новшеств, но ведь у каждого новшества были свои приверженцы и свои противники. Были жертвы вроде Худенко и победители вроде Мальцева. Наш Президент остается коммунистом, сторонником собственной модели социализма, который, по его мнению, вот сейчас только-только начинается...

Я больше ничего не понимаю в социализме. Но знаю, видел, как по душам человеческим, через их сердца прошел красный лемех тоталитаризма, уродуя землю нашу, круша и ломая все на своем пути.

Лет десять назад деревня еще кое-как кормила город, и горожане вспоминали о сельских проблемах разве что во время отбытия трудовой повинности на овощебазах. И пленумы «родного ЦК», добивавшие российскую деревню, проходили малозаметно для желудка. До тех пор, пока зима 1990/91 года не встретила нас грудами пустых полиэтиленовых пакетов на прилавках. Вот тут-то заметили и забили тревогу, тут-то и стали добровольно ездить на картошку, вдохновленные примером Сергея Станкевича и его команды, не забывая, однако, щедро набивать мешки и для себя. Десантники взялись за лопаты. Корабли Балтийской эскадры стали отправлять в плавание, систематически недогружая в трюмы продовольствие.

Словом, дошли до точки. Что ж дальше?

Законы о земле принимаются. А там — бесплатно ли отдадут, продадут ли людям землю в рассрочку, сдадут ли в долгую аренду — главное, чтоб кормила она народ. Чтоб от унизительных заморских подачек, от закупок зерна на валюту — хоть дети наши дождались бы сытого времени!

Российские депутаты уже приучили себя к привычному звучанию слов «частная собственность». Большинство союзных — нет, в том числе и Президент. Боже, да и без всего этого, когда дело дойдет до приватизации российских земель, а тем паче — колхозной, совхозной собственности, убежден, что без яростного сопротивления, без боя никому ни сотки земли, ни сараюшки, ни латанного-перелатанного трактора не отдадут! Сомневаетесь? Сядьте в поезд и от любого московского вокзала отъедьте километров на 300—400, сойдите на любой станции, поговорите с людьми! И станет ясно, что претворение в жизнь законов, принятых в Москве,— вопрос не столько идеологический, политический, сколько жизненный. Переворот в судьбах людей. Самая драматичная, пожалуй, со времен коллективизации ломка сознания.

Вот по телевизору показывают фермера, бывшего горожанина, крепыша, бородача в джинсах и кирзовых сапогах. Ему удалось уговорить местное начальство дать похозяйничать на дальнем хуторе. Арендатор хмурится перед телекамерой, важничает, слегка привирает, что его новая житуха хоть и невесела, но увлекательна. Начальство рядышком, ухмыляется: вымерли последние старики на хуторе, дети в город подались, а этот, из города, пусть попробует. Ферма так и так валится, работать некому... Надо ли, однако, читатель, спешить отсюда с выводами, что вот теперь немедленно двинут поднимать частную собственность не только горожане, но и профессионалы из своих колхозов-совхозов? Что им суетиться, когда уже есть дом с водопроводом, привозным газом, огород, по 5—6 окладов каждую осень, школа рядом, больница — полчаса езды?..

Деревенский житель каждое новое постановление по селу примеряет к себе лично, к своей семье, к хате... Сегодня демократическая российская власть в лице Ельцина — Силаева объявляет: бери землицу-то, строй ферму, расти хлеб или откармливай бычков на продажу, поможем, поддержим, теперь все законно, теперь можно. У российского правительства свой расчет, вызванный небывалым экономическим кризисом. Расчет с оглядкой на Америку, Западную Европу, где относительно невеликое число фермеров кормит страну да еще излишки за границу продает. Но у мужика — расчет свой!

Говорят так: вот бы эту приватизацию лет этак на десять раньше, когда молодежь еще в город не убежала! То-то бы уже жили!

Десять лет назад сам Борис Николаевич Ельцин трудился по законам «развитого социализма» на партийной ниве в Свердловской области, когда только за слова «частная собственность» могли отправить в места отдаленные. Что ж о народе говорить. Даже пяти лет перестройки оказалось мало, чтобы от тоталитарно-патриархальных замашек люди вполне перешли к правовому сознанию. Спасибо хоть на том, что все меньше морочат друг другу голову «коммунистической перспективой». Думающий крестьянин сегодня за звонкой фразой И. К. Полозкова уже не побежит, однако держится он за свой колхоз-совхоз крепко. И не как за «идеал коллективизма»,

по радио: «Все вокруг колхозное, все вокруг мое!». Которого развращали безответственностью и усердно спаивали водкою. Который усвоил «социалистические принципы» по-своему: можешь весь день пахать, а можешь загорать возле трактора, все равно бригадир наряд закроет, а потом еще и премию дадут! Которого развратили социализмом по Брежневу — Суслову, а теперь ждут, что он, мужик, из центральной усадьбы своего колхоза поедет в глухомань «неперспективной деревни», станет селиться в заколоченный чужой дом и интенсивно пахать на своем поле, которое ему удосужились вернуть через семьдесят с лишним лет...

Вот на каком этапе оказалась родина наша, Россия. Заботливо централизованная, до последней гайки, система агропрома тянет сельское хозяйство назад, а новому хозяину русской земли, арендатору, фермеру, еще не классу, но растущей день ото дня социальной группе «кулаков перестройки» предстоит еще бог весть сколько времени пробиваться через рутину, трудом доказывать преимущества частного производства и образа жизни. И ничего не остается нашей буксующей на месте экономике, государству нашему, еще не вполне осознавшему, какого будущего желает оно для народа, как **помогать фермерам всем миром.**

С этой точки зрения, возможно, начинать надо бы не с продналога, о котором уж забыли наши деды. Тогда единоличник найдет дорогу на городские рынки, к нам с вами, постепенно собьет цены. С приватизацией земли, очевидно, придется в одночасье приватизировать, переводя их в акционерные предприятия, отделения агрохимии, мастерские по ремонту сельхозтехники, семенные хозяйства, элеваторы, молочные и консервные заводы, а также автотранспортные парки. А начинать это огромное для России дело так или иначе придется с сельских дорог, которые сегодня находятся в ужасающем состоянии. Здесь и армия со своей мощной техникой хороша для подмоги, и иностранные фирмы, и совместные предприятия, и артели вроде тумановской.

Без личного интереса невозможно растить хлеб, откармливать скот, доить коров. Все так. Прав, конечно, Юрий Черниченко, который называет колхозную систему «агрогулагом». Но мысленно аплодировал я на съезде и тем немногим депутатам, которые пытались вразумить радикально настроенных коллег: приватизация на селе не пойдет, если мы скатимся до принуждения, если не сохраним хоть на первое время **выбор** для крестьянина, оставаться ему в колхозе или брать землю. Потому что речь идет не столько о способе сельскохозяйственного производства, сколько о судьбе суверенной России. Нашей с вами судьбе.

P. S. В понедельник, 3 декабря 1990 года, в 17 часов 45 минут по московскому времени принят акт, согласно которому частная собственность на землю в РСФСР узаконена наряду с другими — государственной, колхозной, кооперативной. Рубикон позади. В добрый час!

чему его всю жизнь учили коммунисты, а как за образ жизни. Его дед тут хаживал с карабином на кулака. Отец отсюда на войну ушел, а вернувшись, упирался в этом колхозике за трудодни. Домашнюю скотину по приказу Хрущева резал, распахивал клевера до обочины проселка, до берега единственной речушки — под кукурузу. Потом снова добро наживал при брежневской «централизации и укрупнении». Куда ж теперь еще подаваться-то?

Он своему сыну, рискнувшему испытать себя на фермерском хозяйстве, объясняет: «Куда тебя несет? Землю тебе, конечно, дадут, но не на центральной усадьбе, а подале... Сразу вопрос: на чем туда ездить, на чем пахать, где взять солярку, дрова, уголь? Кто тебе в твою тьмутаракань электричество бесплатно потянет? А если и получишь технику, то ремонтировать ее негде, да и драть станут втридорога (как с частника, понятно). За мешок удобрений, за каждый куб досок, за бетонную плиту, даже дрянную, бракованную... Червонцы уже и на селе не берут, а водки не напасешься».

Слушал я такие рассуждения в кулуарах российского съезда. И людей, говорящих в подобном духе с трибуны, депутаты из села, те, чьи ладони давно задубели от непомерного труда, слушали особенно внимательно, даже с кресел приподнимались. Они-то знают что почем. Они, между прочим, понимают и другое: структура районного звена переменилась мало. Опытных кадров в российских районах последние годы не хватало. Узловые должности занимает старая партийная номенклатура, которую по кругу пересаживают из кресла в кресло. Новая советская власть еще слишком слаба, а созданная десятилетиями система прочна. Жизнь научила ее не спешить, терпеливо пережидать очередной «ветер перемен», по-своему осмысливать грозные московские директивы. А теперь — и вовсе не подчиняться: захотим, мол, дадим Москве молока, а не захотим — пусть столица заводит коров на балконах.

Помимо этого, есть у противников приватизации и частной собственности на землю и другие аргументы, на которые, между прочим, не без гордости опирается коммунистическое воинство И. К. Полозкова. В наши голодные дни шарахания от социализма к капитализму и обратно, в дни, когда одни не могут выкроить денег на пальтишко для сына, а другие безболезненно выбрасывают 2—3 тысячи на вечер в ресторане, когда одни толкаются в очереди за вермишелью, а другие отовариваются за валюту, в России имеются заповедные места, где еще кормят народ. И в далеком хозяйстве председателя Вепрева, и в близком — у Стародубцева, и целые области, вроде Белгородской. Там кавалеру Золотой Звезды Пономареву, партийному лидеру Белгородщины, удалось еще 5—6 лет назад наладить производство кормов с высоким содержанием белка. Налегал Пономарев и на сахарную свеклу (не важно, что каждое лето эту свеклу пропалывают наемные бригады из Западной Украины, работая по 14—16 часов в сутки под палящим солнцем!).

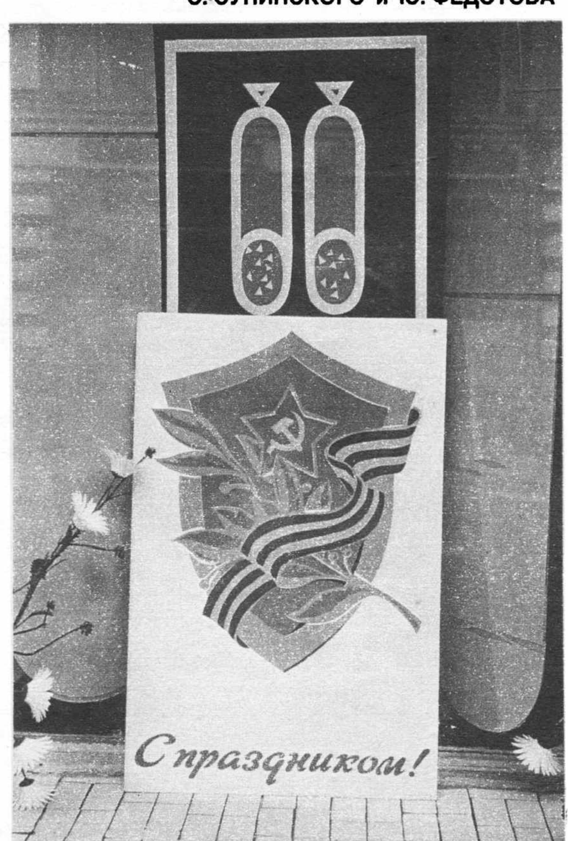
Вот у белгородцев и молочко, и сметанка, и колбаска, и яйца, и свой пышнобелый хлебушко... А теперь пойдите, объясните белгородцам, что их успехи, дескать, временные и непрочные, что колхозная система агропрома обречена, как вообще коммунистическая идея. Что эксплуатируют их нещадно. Это все равно что на заседании межрегионалки попробовать убедить наших демократов, что капитализм обречен на умирание как загнивающая система...

Ленин, которого нынче из последних сил цитируют ортодоксы, еще до октябрьского переворота пытался объяснить самому себе: годен фермерский путь для России или нет? И сделал вывод: не годен. Теперь многие из нас думают по-другому: слишком дорого обошлась стране кровавая сталинская «коллективизация». Теперь мы готовы землю приватизировать и раздать (продать) ее в частную собственность. Однако реальность такова (и считаться с ней придется, как только мы перейдем от слов к делу!), что фермерскую идею предстоит вживлять отнюдь не в хорошо подготовленную для частного производства бывшую русскую деревенскую общину, которую не удалось отстоять сторонникам Чаянова. Такой общины уже просто не существует, вопреки мнению писателя Бориса Можаева. Ее давно истребили. Придется иметь дело с другой «общиной», колхозной, сталинской, где председатель колхоза, совхозный директор — и царь, и герой. Единоличники и арендаторы там не скоро перевесят на чаше весов.

«Колхозная община», уже давно не искусственная, как в 30-е годы, живет нынче зачастую худо, бедно, но как классическая коммуна привыкла опираться хоть и на сиротские, да гарантии. Недаром вбухивали в село миллиарды, не зря долги списывали и увеличивали закупочные цены на сельхозпродукцию хотя бы в том отношении, что оклады и пенсии увеличили, детишек учат и лечат бесплатно, оплачивают работу натурой: свекловодам — сахаром, механизаторам — зерном. За твердые сорта пшеницы научились и твердую валюту зарабатывать. Колхозникам корма дают для домашней скотины, и сенцо с витаминами, и даже обрат, чтобы выпаивать телят.

Так что напрасно наши радикалы думают, что главное препятствие на пути приватизации земли — бюрократы-руководители. Проблема непременно упрется в самих сельчан, в российского мужика образца 90-х годов — не анархиста, как думали народовольцы, не врага коллективного труда, как полагал Сталин, отчего на всякий случай и уничтожил весь цвет русской деревни, но в того мужика-крестьянина, в котором десятилетия строительства коммунизма убивали хозяина. Которому напевали все эти годы

Фото В. КОВАЛЕВСКОГО, Ю. ПЕТШАКОВСКОГО, С. СУПИНСКОГО и Ю. ФЕДОТОВА

Рамон — назову его так — парень жесткий и уверенный в себе, но на поминках друга он плакал и не мог остановиться, потому что был с ним четыре года в этой чужой стране и стали они меж собою ближе, чем оставшиеся у каждого на родине братья.

«Рамон,— попросил я его через пару дней,— расскажи мне, Рамон, как вас сюда занесло, дураков, от какой нищеты и безвыходности вы спасались в медицинском институте на противоположном боку земного шара».

«Мы верили в социализм»,— сказал мне честный Рамон.

«У нас, в Эквадоре, есть организация, которая помогает желающим учиться за границей. Можно выбрать страну, какую захочешь. Ваше посольство делает в этой организации большую рекламу Союзу — стране, где каждый имеет работу и дом, но никто не имеет больше другого. Нам с другом это очень понравилось, ведь я в последних классах школы увлекся Марксом, а он обожал Достоевского, и мы ведь видели вокруг себя, как живет человек, у которого есть работа, и что такое настоящий дом. Мы подумали так: есть место, где Маркс доказал свою правоту, а Достоевский и Большой театр свидетельствуют о великой культуре народа. Мы поедем туда.

Мой отец — директор банка. Отец друга — адвокат, лидер партии. Они нам сказали: у вас есть все, ребята, что вы хотите еще? Новую машину? Свой дом? Учебу в Гарварде? Скажите! Мы сказали: нам нужно, чтобы было не только у нас, а у всех. Как в Советском Союзе. Они сказали: глупцы, так не бывает. Мы сказали: мы сделаем, чтобы было так. Тогда они сказали: если уедете в ваш сумасшедший Союз, там и останетесь, там ваше место.

Я сказал своему отцу: я мужчина. И друг сказал это.

Конкурс у вас был очень большой, но мы с другом выдержали и поступили. Условия нам обещали сказочные — учеба в столице, комфортабельное жилье, большая стипендия (по официальному курсу, это выглядело целым состоянием), медицинское обслуживание по высшему разряду, бесплатный транспорт.

Сказка кончилась в аэропорту Шереметьево, где нас никто не встретил. С трудом добрались до Москвы и убедились, что никому здесь не нужны. После нескольких кошмарных дней в гостинице «Университетская» всех наших, из Эквадора, отправили по разным городам Союза, о которых мы прежде даже не слышали,— Ташкент, Баку, Минск.

Я ехал в поезде несколько дней, такая большая ваша страна. Я не знал ни одного слова по-русски и очень хотел в туалет, но там была такая страшная грязь, что я не мог войти. Проводник и проводница оказались добрые — дали мне полный стакан, огурец и сказали, что надо выпить все, а то будут сердиться. Это была водка. Я спал потом двенадцать часов и так заметил, что советские люди очень много пьют.

В общежитии нам дали комнату на пять человек. Санта Мария, какая там была грязь! Прямо среди комнаты — куча мусора по колено, тараканы по стенам — батальонами. А мухи! Мухи!

В столовой мы не знали, как здесь покупают еду, ели пирожки прямо в очереди, и нас за это сильно ругали. Так мы начали учить русский язык.

Но страшнее всего оказалось интернациональное воспитание. Мы только немножко пожили вместе, ребята из Латинской Америки, а потом нас расселили по разным комнатам. Я попал к двум студентам; один — из Афганистана, другой — местный. Афганец потерял на родине семью, сам много пережил и был, я думаю, от этого нездоров психически. Каждый день был пьяный, курил анашу, ругал меня и выгонял из комнаты, когда хотел. Жаловаться бесполезно — он старшекурсник. Клянусь, я жил, как на войне, я очень мало спал, иногда всего 3—4 часа в неделю, и при этом должен был много заниматься. Когда я чувствовал, что умираю, шел спать в парк на скамейку, но оттуда прогоняла милиция. Так я прожил год, пока мы с большим трудом, а честно говоря, за взятку не поселились с ребятами из Перу и Боливии. Какое это было счастье! Мы устроили праздник, мы пили водку (уже научились немножко) и плакали от счастья. Но оно продолжалось недолго. Нам объявили выговор за то, что мы против дружбы народов, и снова отправили по одному к афганцам и местным ребятам.

Теперь я знаю, что самое страшное в жизни — это дружба народов. Потому что я в жаркое время моюсь два раза в день, а мои соседи ни разу, зато они бреют волосы под мышками и на лобке и считают меня грязным животным за то, что я не делаю этого. Я не могу есть, где сплю, и потому ем только в столовой, а соседи жарят рыбу прямо в комнате, на плитке, она воняет, и они ее едят на кроватях. И нужно еще заниматься! Поэтому мы часто дрались. Мы ненавидели друг друга. Но не из-за того, что один афганец, а другой перуанец, нет, и не из-за того, что один мусульманин, а другой католик. Мы просто люди очень разной культуры, которых заставили жить в одной комнате. Это... как по-русски? Пытка. Кто у вас придумал, что можно заставить людей дружить?

Второе место после дружбы — вахтеры. Вместо «здравствуйте» — мат, вместо «до свидания» — мат. Однажды такая история. Провожали на родину выпускника, и у нас с другом в ресторане украли куртки. Январь, снег, ночь! Такси нас объезжают, как сумасшедших, рубашки стали мокрые и замерзли, о-о! Слава Иисусу, остановилась «Скорая помощь», увидела, что иностранцы, и за двадцать рублей с каждого отвезла нас к общаге.

А там не пускают. Вахтер, очень толстая дама, смотрела через стеклянную дверь и говорила: «Езжайте, откуда приехали, к своим девкам, все равно не открою». Мы бегали вокруг общежития, чтобы согреться, мы стучали в дверь, умоляли ее открыть, потому что умираем от мороза, а она смотрела и смеялась там, в тепле. Потом друг обнял себя руками и сел прямо в снег, и тогда я поднял большой кусок льда и разбил стекло и готов был убить даму, но она убежала.

Так мы спаслись от смерти в тот раз, но получили выговоры за пьяный дебош в общежитии. Объяснить здесь ничего никому нельзя.

С каждым годом все хуже отношения с местными ребятами — студентами и просто с молодежью. Деканат говорит: «Кто не принимает жить в свою комнату местного, тот расист, националист, того надо отчислить из советского института, чтобы не тратить на него советские деньги». Но за мою учебу платит моя страна! Валютой!..

Столовая для иностранных студентов есть, но там всегда больше местных ребят, просто с улицы люди заходят, потому что, так объясняют нам, иностранцы не делают план. Почему я должен делать им план? Я должен успеть покушать, у меня мало времени, потому что большая нагрузка. Я учусь, а не покупаю отметки, как местные, я читаю учебники в два раза медленнее, чем они на своем родном языке. Я не могу еще думать о плане в столовой, я вообще не понимаю, что такое план столовой, я просто вижу, что опять здесь длинная-длинная очередь, а кто хочет, берет себе без очереди, и я останусь опять без ужина, если не полезу без очереди сам. Что ж такого, если каждый день в столовой драки? Зато план.

Очень смешно, когда скандал в столовой и местные кричат иностранцам: вы понаехали из своих голодных стран, а мы вас кормим, теперь нас же без очереди не пускаете! Это объяснимо. Несчастные сравнивают эту столовку с родными колхозами и совхозами, поэтому им кажется, что лучшего места на земле не может быть, и теперь им понятно, почему сюда слетелось столько иностранцев...

А вот с уличными ребятами уже не посмеешься.

Студента из Иордании прямо на пороге общежития трое парней изрешетили ножами. До этого они угнали его машину, а он нашел, кому уплатить в милиции, чтобы через день она оказалась на месте. Ну и наказали, что посмел вернуть свое.

Студент из Маврикия гулял возле общежития. Напала компания, избили так, что пять дней лежал в постели (этот не посмел обратиться даже в больницу, не то что в милицию).

Студентку из Панамы пытались изнасиловать на автобусной остановке. Ее отбили местные женщины, насильников задержали, но милиция обвинила ее в провоцировании ситуации.

На студентку из Сирии, ехавшую в такси, напал сам таксист, изнасиловать не сумел, так хоть ограбил.

Двоих ребят из Эквадора таксист завез в старый город, где дожидалась банда. Их раздели догола, потом пытались зарезать, но они чудом вырвались и бежали — на одном остался глубокий порез.

Все иностранцы в этом городе перестали носить на себе украшения, мало-мальски ценные вещи, ходят в маечках и дешевых полотняных штанах. Я сам боюсь незнакомых, если подходят ко мне на улице или просто о чем-то спрашивают. Сердце колотится вот так, вот так... И больше всего мы боимся милиции. Если вечером гуляешь с подружкой, они обязательно постараются ее забрать. Для чего? А разве непонятно?

Такое происходит каждый день. Такое происходит практически с каждым иностранным студентом, пока он здесь. Мы протестуем, говорим деканату, Минвузу, нашему консульству, нам отвечают — не сгущайте краски и ведите себя сами спокойно, никто вас не тронет.

И вот мой друг, мой брат... Его хулиганы убили на улице за тайваньские дешевые часы и обручальное кольцо.

Почему не уезжаем? Это не так просто. Гордость, конечно, а у кого-то и бедность, никакой другой возможности получить образование, но это не главное. Все равно с советским дипломом найти работу в Эквадоре очень трудно, практически невозможно, пока не подтвердишь свою квалификацию. Лучше ли эквадорский диплом? О, разумеется, качество образования в Эквадоре намного выше, потому что там нет плана. Могут поступить на факультет шестьсот человек, а закончить только шесть, но это будут настоящие специалисты... Нет, дело, повторяю, не только в дипломе, даже не только в гордости: мы ведь все подписывали контракт на учебу, а это серьезное дело — контракт. Единственное, что можем сделать,— предупредить там наших мальчиков и девочек не делать такой ошибки, не приезжать учиться в Советский Союз. Но не все нас слышат».

Со стыдом и злостью слушал я эту повесть. Мой рассказчик учится (если можно так выразиться) в Ташкенте, но вряд ли уж намного лучше чувствуют себя студенты-иностранцы в Минске, Баку, Ленинграде, да и в самой столице пригласившего их государства. Благородное дело сближения молодежи, обмена знаниями мы превратили в мелкое жульничество по сбыту небогатым и непривередливым наших сомнительных дипломов (к тому же провинциальных вузов!). Чиновники, ведающие этим делом, с великолепным равнодушием лишают юношей и девушек нескольких лучших, невосполнимых лет жизни, в течение которых они могли бы получить настоящее современное образование и состояться затем в иной судьбе. Я уж не говорю о том, какие чувства увезут отсюда эти молодые люди — не к народу, конечно, каждый все-таки встречает здесь достаточно хороших и добрых людей, чтобы сердце не держать на народ, но к нелепой системе, сделавшей жизнь среди нас столь трудной, малополезной, а в последние годы так просто опасной.

**Исповедь записал
Владимир СОКОЛОВ**

«КАК ИСТОРИК» ●
БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ? ●
УКОЛЫ ПО ПРИКАЗУ ●

■

Когда я читаю публичные выступления экс-диссидента, а ныне члена ЦК КПСС Роя Медведева, часто употребляющего слова «Я как историк», меня по педагогической привычке подмывает взять красный карандаш и нарисовать жирную запятую после слова «я». Ведь исторических трудов строго научного характера, по сути дела, у него не имеется. Поэтому уподоблять себя историку он вправе, но выступать в качестве таковового — нет. Науки в его произведениях мало. Нехитра и технология, используемая им для изготовления своих исторических экскурсов. Читая вышедшие на Западе работы, он делает их вольное переложение в соответствии с поставленной задачей. Наш же массовый читатель, как правило, положительно оценивает нестандартность подходов, независимо от того, кому они в действительности принадлежат.

Как-то он пришел к нам в Дипломатическую академию читать «лекцию» об истории советско-китайских отношений. И вот такой аудитории, где находились ученые-китаисты, знающие проблему досконально, он преподнес искаженную, основанную на домыслах картину развития событий, представив главным виновником ухудшения советско-китайских отношений Н. С. Хрущева. Главный же фактор — позицию китайского (в то время маоистского) руководства — он игнорировал как не укладывающийся в его версию. Между тем для ясности достаточно поднять хотя бы протоколы Бухарестского совещания компартий 1960 года с выступлениями Кан Шэна и Пын Чжэня. На недоуменные вопросы слушателей Р. Медведев ответил, что данные брал из сочинений американских советологов.

Возьмем его выступление на октябрьском Пленуме ЦК КПСС, где он лепит ярлыки людям, гораздо более вдумчивым, чем он сам. Доктор наук А. Ципко, по Медведеву, не особенно знающий и глубокий, хотя «претензии у него глобальные». По выражению Р. Медведева, выступление народного депутата Н. В. Иванова — нелепое и глупое, но (?) демагогическое. Характеристику Ларисе Пияшевой Рой Медведев пытается дать путем надергивания кучи цитат с одиозными фамилиями Гитлера и Геббельса. Далее, он «тонко» проводит мысль о том, что гитлеры и геббельсы приходят в действительности из «митинговой», «популистской» толпы, где деструктивные и анархистские настроения разжигаются «Огоньком» и другими органами печати «с миллионными тиражами, которые не получают должного отпора».

Надеюсь, что с выступлением Р. Медведева на Пленуме его политическая и «научная» карьера окончательно замкнется в рамках КПСС, и он разделит с ней ее судьбу.

В. ПЕЧКУРОВ,
профессор
Дипломатической академии
МИД СССР

■

Командно-административная система, не считаясь с историческим прошлым нашего народа, сложившимися традициями, производила административное деление территории по своему усмотрению. В результате подобных переустройств в 1962 году был ликвидирован Брацлавский район Винницкой области. И его центр Брацлав, бывший воеводческий и полковой город, занимавший видное место в общественной и экономической жизни Украины в XVI—XVII веках, потерял не только статус районного центра, но и все источники дальнейшего социального и культурного развития, а двенадцать окружающих его сел стали неперспективными. В настоящее время все эти села и поселок Брацлав входят в состав самого крупного Немировского района Винницкой области.

В последние три года жители Брацлава и некоторых сел поднимают вопрос о возрождении Брацлавского района, обосновывая это достаточными аргументами. Под письменными обращениями в вышестоящие инстанции ставили свои подписи сотни человек.

И вот недавно по поручению местного Совета ветеранов войны и труда группа ветеранов обратилась по этому вопросу к первому секретарю Винницкого областного комитета КП Украины, председателю областного Совета народных депутатов А. П. Нехаевскому.

Аргументы сторонников организации района секретарь обкома парировал своими контраргументами. По его мнению, район возобновить невозможно, так как в брацлавской зоне мало коммунистов и за счет их взносов, без дотации, невозможно организовать полноштатный райком партии.

Как видим, партийного лидера области сегодня больше интересует партийное влияние на район, а не то, как вернуть прежний статус поселку и 12 селам, попавшим в неперспективные, как возродить их.

В. ЖУК
п. Брацлав Винницкой области

■

Известная мудрость гласит, что сознание людей разлагается в двух случаях: если люди видят преступление, но не видят наказания, и, наоборот, если люди видят наказание, но не видят преступления. К сожалению, вся трагическая история нашего государства советского периода — яркое тому подтверждение. Так было в условиях красного террора, в страшные годы сталинских репрессий. Да и последующие годы являют собой пример, когда многие истинные высокопоставленные преступники гуляют на свободе до сих пор, а за инакомыслие или какой-либо ничтожный проступок можно было запросто оказаться за решеткой.

Сейчас, когда в нашем обществе выдвинута задача построения правового государства, мириться с таким положением больше нельзя. Но о каком построении правового государства может идти речь, если у нас по-прежнему десятки людей ежегодно оказываются в местах лишения свободы за преступления, которые не встретишь ни в какой другой цивилизованной стране мира, кроме нашей. Имеется в виду уголовная ответственность за нарушение паспортных правил, уклонение от общественного труда, за нарушение правил административного надзора, устанавливаемого органами милиции за ранее судимыми, а также целый ряд других статей Уголовного кодекса, предусматривающих лишение свободы за действия, которые с точки зрения здравого смысла никак нельзя отнести к понятию «преступление».

Как утверждают наши ведущие специалисты-правоведы, за тридцать лет с момента принятия в 1960 году Уголовного кодекса РСФСР и Уголовных кодексов союзных республик к уголовной ответственности было привлечено более 30 миллионов советских граждан, большинство из которых отбывали наказание в местах лишения свободы.

По существу, это полный крах одной из составных частей коммунистической доктрины о воспитании нового человека в условиях социалистического общества.

Не потому ли цифра, в судебной статистике отражающая общее число заключенных в колониях, остается до сих пор секретной. Правда, шила в мешке не утаишь, и бывший министр внутренних дел тов. Бакатин как-то проговорился и назвал ее: оказывается, в местах заключения в настоящее время находится более 740 тысяч заключенных. И среди них не только опасные преступники, но и многие десятки тысяч людей, оказавшихся за колючей проволокой по вине бывших и нынешних государственных мужей, которым некогда заняться пересмотром ныне действующего уголовного законодательства.

Так, спрашивается, доколе будет продолжаться это безрассудство, если мы всерьез хотим строить правовое государство, а не государство, в котором значительная часть населения поневоле становится преступниками?

А. ГЕРАСИМОВ,
депутат Ленинградского
областного Совета
народных депутатов, юрист

■

Киношная судьба забросила меня в Севастополь. Город славный, традиции великие. В свободное время бродил по улицам старого города. Горечь и обида овладевали мной от того, что я видел. Город грязен и запущен. В скверном состоянии памятники славной русской истории и культуры. Несколько раз поднимался к Владимирскому собору, где на мраморных плитах выбиты имена четырех выдающихся русских флотоводцев: адмирал Михаил Петрович Лазарев — ранен, скончался 11 апреля 1851 года; вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов — ранен, скончался 5 октября 1854 года; контр-адмирал Владимир Иванович Истомин — убит 7 марта 1855 года; адмирал Павел Степанович Нахимов — ранен, скончался 30 июня 1855 года.

Усыпальница четырех славных русских, усилиями которых России сохранен Крым, забыта. Вот уже 30 лет храм закрыт. Равнодушен к судьбе покойных адмиралов и командующий Черноморским военно-морским флотом. Военные моряки забыли о флотской чести. Не приводят сюда новобранцев военного флота для принятия присяги у могил великих моряков. О каком же нравственном воспитании подрастающего поколения можно говорить, если в пыли и забвении под ногами равнодушно шагающих людей лежат останки великих русских флотоводцев? И никому нет до них дела.

В. ЖАРИКОВ,
член Союза
кинематографистов СССР

■

В заметке «Ситуация» («Огонек» № 40) зав. санэпидемиологическим отделом Мосгорисполкома Н. Н. Филатов в связи с «недавней вспышкой дифтерии» сетует на «отказ многих родителей от вакцинации малышей». Распространенное мнение о вакцинах как о единственном мероприятии в борьбе с инфекциями, в том числе и дифтерией, дезинформирует общественность и вводит в заблуждение специалистов других смежных дисциплин медицины. Ложные «статистические достоверные результаты» способствуют полной безответственности «ответственных организаторов» здравоохранения, создавая видимое благополучие.

В письмах — а их более двух тысяч — от пострадавших родителей и специалистов врачей-практиков, присланных нам, речь идет о серьезнейших осложнениях на АКДС, БЦЖ и туберкулиновую пробу.

Можно ли проводить «тотальный охват детей», то есть вводить всем подряд, по плану препарат с 16 противопоказателями, коим является АКДС-вакцина? Нереально нашим педиатрам установить, на что реакция у ребенка, если в АКД в конечном продукте «должно содержаться» 500 мкг формалина, 100 мкг мертиолята — ртутной соли (двух сильнейших антибактериальных химических веществ), 2 мг гидроокиси алюминия и никем не определенных балластных примесей. Ну, а о том, что мертиолят как соль ртути пора исключить из вакцин, вопрос решался неоднократно.

Нами проверено 296 серий АКДС, «запущенных» для введения их детям. Серии этого препарата нестандартны, то есть одному ребенку инъекционно попадает одно количество этого коктейля, другому... Справедливости ради стоит сказать, что ни в одной другой отечественной вакцине, проверенной нами, не содержится ничего подобного.

Нельзя проводить вакцинацию насильственно, по приказу, без предварительного обследования детей, без согласия родителей, не отвечая юридически за нанесенные последствия, ущерб здоровью — за поствакцинальные осложнения, которые могут быть «от местных незначительных... поствакцинальных энцефалитов... до летальных исходов».

Если учесть все сказанное, то трудно отрицать, что такое бесцеремонное вмешательство, насилие и невестественное поступление «вакцин» (инъекции) в тончайшие, веками отработанные механизмы организма прошли и будут проходить бесследно для человека. Все давным-давно сказалось: три поколения иммуноослабленного населения!

Г. ЧЕРВОНСКАЯ,
кандидат биологических наук

Адрес:
Москва, ул. Газгольдерная, 10.
Факс: 171-13-81.
Заявки по телефонам в Москве:
171-03-97, 171-13-81,
173-44-15, 171-06-90.

“Вы хотите

иметь надежную оргтехнику и импортные компьютеры,

НО

у вас нет валюты — обращайтесь в объединение «МММ»

В сжатые сроки (максимум 10 дней) за РУБЛИ
по ценам ниже рыночных
вам поставят аппаратно-программные
комплексы на базе ПЭВМ IBM PC, AT/XT
— без предоплаты (оплата по факту)
— любая периферия ”

Гавриил ПОПОВ,
народный депутат СССР, председатель Московского Совета

ПЕРСПЕКТИВЫ И РЕАЛИИ

О СТРАТЕГИИ И ТАКТИКЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Что делать? — озаглавил книгу Николай Чернышевский сто тридцать лет назад.

Что делать? — вновь спрашивал через сорок лет в заглавии одной из первых работ Владимир Ульянов.

Что делать? — этот вопрос сегодня, спустя еще девяносто лет, вновь задают себе депутаты и избиратели, генералы и штатские, директора и рабочие, демократы и консерваторы.

Мой ответ — на последующих страницах.

Я к нему шел по очень и очень непростой дороге. Даже если бы речь шла только обо мне — и тогда задача была бы нелегкой.

А для сопредседателя межрегиональной депутатской группы, для одного из организаторов «Демократической России», для председателя Моссовета все неизбежно усложнялось во много раз.

И на анализ, и на ответ влияли успехи межрегиональной группы, ставшей реальной силой и на Съезде, и в Верховном Совете СССР за какие-то год-полтора.

И на анализ, и на ответ влияли победы «Демократической России», избрание Б. Н. Ельцина руководителем парламента РСФСР, заманчивые перспективы деятельности нового российского правительства.

И, наконец, влияло практическое ощущение власти, которую мы получили в Москве и которой отчаянно хочется воспользоваться в интересах наших избирателей.

И все же я нашел силы сделать то, что всегда делал,— посмотреть на страну, демократов и себя самого со стороны, с объективных позиций ученого.

Вот десять главных ответов на вопрос «что делать?»:

1. Борьба идет за то, какой вариант перестройки будет реализован — демократический или аппаратный.

2. Специфика расстановки сил такова, что демократы не могут реализовать сами своими силами свой вариант, а аппарат не может реализовать свой вариант: сил тоже не хватает.

3. Наиболее важно бороться за немедленное создание коалиции центра, конструктивной части аппарата и конструктивной части демократических сил. Сейчас коалиция реально может возникнуть под руководством центра, но для реализации демократической программы перестройки.

4. Она установит режим сильной исполнительной власти на переходный период в два-три года, который поддержат большинство населения страны и все сторонники перестройки за рубежом.

5. Если аппарат отвергнет коалицию и будет пытаться реализовывать нынешний президентский вариант аппаратной перестройки, необходимо за месяц-два сделать для избирателей все, что в пределах полномочий демократов, взявших в руки власть в республиках и местных органах.

6. А затем как можно скорее отмежеваться от всего, что делает аппарат в стране. Отмежеваться, чтобы сохранить доверие масс, отмежеваться, чтобы не стать сначала ширмой для реализации чуждой нам программы, а затем оказаться козлом отпущения, на которого спишут все провалы этой программы. Отмежеваться решительно, вплоть до ухода демократов с занимаемых постов, вплоть до сдачи депутатских мандатов.

7. И сразу же начать борьбу за новые Конституции СССР и РСФСР, за новые прямые выборы населением по спискам политических партий как депутатов законодательных органов, так и руководителей исполнительных органов — президентов, губернаторов, мэров, старост.

8. Создать для подготовки к выборам организацию — союз демократических сил, объединив в нем все партии союза и группы, выступающие за демократическую перестройку.

9. Добиться на этих выборах победы благодаря решительному разрыву со всей нынешней властью и более полно, чем сейчас, обеспечить руководящее положение демократических сил во всех механизмах власти.

10. Предложить аппарату от имени укрепивших свои позиции демократических сил новую коалицию, но уже не только на базе демократической программы перестройки, но и под руководством демократов.

1. КОРНИ КРИЗИСА

Верховный Совет Союза требует от республик подчинения, а Верховные Советы республик настаивают на первичности своего суверенитета.

Верховный Совет СССР часами шлифует законы, которые в республиках в лучшем случае прочтут.

Руководитель основы Союза ССР — России — отвергает программу Президента этого Союза.

Представители России, составляющие большинство в парламенте страны, голосуют за одну программу, а парламент этой же республики — за другую.

Еще в одной из республик — Грузии — победили на выборах сторонники выхода из СССР. А Президент однозначно отвергает такого рода перспективы.

На Украине меньшинство парламента отправляет в отставку правительство большинства, а в Моссовете его руководители говорят о своей возможной отставке, имея устойчивое большинство.

Советы разных уровней воюют друг с другом, со своими исполкомами, со своими президиумами и председателями.

Налицо серьезный **кризис всей нынешней государственной системы.**

Другой кризис — **национальный.** Процесс перешел в РСФСР. Одна за другой автономные республики заявляют о том, что они хотят стать обычными суверенными государствами. А ведь границы автономии еще более далеки от реальностей расселения наций, чем рубежи союзных республик.

Страна от конфликтов между нерусскими народами переходит к конфликтам, где одна из сторон — русские. Но ведь ни один из союзных руководителей армии, КГБ или МВД (не говоря уже о руководителях самой России) не удержится, если в такого рода конфликтах части, преимущественно русские по составу, будут оставаться в роли нейтральных арбитров.

Третий кризис — **экономический.** Административная система в экономике держалась только на власти. Только сила центральной власти могла заставить, например, республики или области, страдающие от нехватки мяса или яиц, отправлять эту продукцию в Москву.

Силы такой у центра уже нет. А экономическая сила интереса к товарному обмену еще не действует.

Например, Рязанская область поставила в Москву всего 2% объема обязательной поставки картофеля. Сначала — срывы поставок продовольствия. Потом начинаются срывы поставок промтоваров. И в конце концов идут срывы и по нефти, по углю, по машинам.

Все это лучше держать при себе для прямых обменов, а не отправлять по разнарядкам правительства.

Попытки Совета Министров СССР компенсировать хроническое неисполнение его директив активным воздействием с помощью вновь отпечатываемых денег только усугубляют ситуацию.

Например, и без того мизерные дополнительные ассигнования, которые правительством же выделены на социальные нужды, культуру и науку реально, с учетом инфляции, даже меньше того, что выделялось прежде. Предложения правительством новых бумажных денег, которые все меньше что-то значат, становятся издевательскими.

Развивается паралич экономики.

Итог трех кризисов — растущая **дестабилизация общества. Граждане уже получили все политические свободы, могут все что угодно требовать и требовать от кого угодно.**

Но они еще не имеют возможности что-либо сделать для себя сами.

Даже самые простые и доступные для человека участки — право покупать и продавать свое жилье или право беспрепятственно получить бесплатно участок земли, чтобы своими силами обеспечить хотя бы свою семью картофелем или овощами,— отсутствуют. Грубо говоря: полки пусты, а наша нынешняя система предлагает человеку один выход — иди на митинг и демонстрацию, требуй, угрожай.

Худшее наследие бюрократического социализма — социальное иждивенчество, раньше дополнявшееся пассивностью, теперь дополняется бурной активностью, превращаясь в исключительно опасный феномен.

Условия жизни ухудшаются, требования радикализируются. Ничего не меняется, или жизнь становится хуже — и тогда самые крайние призывы начинают находить у слушателей питательную почву.

Случайны ли эти кризисы?

Процесс перестройки везде оказался не безоблачен, везде противоречив. В ЧСФР быстрого прогресса нет. На местных выборах в Венгрии уже потерпели поражение те, кто всего несколько месяцев назад пришел к власти. В Польше произошел раскол фронта перестроечных сил. Какой-то прогресс есть только в бывшей ГДР, да и то благодаря «захвату» ее ФРГ.

Конечно, наши кризисы — наиболее глубокие. Но, как видим, кризисы появились везде.

Поэтому нельзя утешать себя легковесными объяснениями. Необходимо найти ключ к пониманию всей ситуации с перестройкой.

Во время хлебного кризиса в Москве председатель Мосгорисполкома Ю. М. Лужков приехал на хлебозавод, где шел ремонт достаточно производительной линии. Руководители завода сказали: быстрее чем за две недели пустить ее не сможем. Юрий Михайлович пошел к рабочим. Их ответ: если сделаете для нас то-то и то-то, то пустим за пять дней. И пустили.

В этом факте отражена главная экономическая проблема перестройки. Чтобы хлеб был на полках, недостаточно сделать демократов начальниками. Надо, чтобы у средств производства появился вместо государства новый хозяин. Он не только за пять дней линию исправит, он ее к концу августа, к моменту возвращения людей из отпусков и скачка спроса на хлеб, сам будет держать наготове.

Латынь из моды вышла ныне, писал когда-то Пушкин в «Евгении Онегине» об Онегине. Сегодня у иных бывших начетчиков не в моде марксизм. Между тем нашу ситуацию создавали марксисты, и объяснить ее легче всего именно в категориях марксизма.

Ленин и большевики убедили себя и страну, что экономика созрела и даже перезрела для перехода к социализму. При этом всеобщее бюрократическое

регулирование, возникшее в ходе первой мировой войны, В. И. Ленин принял за уровень развития самой экономики.

Никто не может сказать, что не были приложены грандиозные усилия. Не жалели ни людей, ни природы. Ни тела, ни души. И чужие, и свои собственные.

В военной экспансии И. В. Сталина пришлось остановиться перед атомной катастрофой. В мирном соревновании Н. С. Хрущева мы проиграли по нами же выдвинутым критериям производительности и благосостояния. И в свете семидесятилетнего опыта выводов для марксиста может быть два. Первый: попытка строить социализм была преждевременной, не соответствующей уровню развития и производства, и самого человека. Второй: надо — в полном соответствии с марксизмом — привести общество в соответствие с производительными силами и вернуться на столбовую дорогу человеческой цивилизации. Как поет один из модных певцов: «Мы ведь помним тот перекресток, где мы сели не в тот трамвай!»

В истории вернуться к чему-либо невозможно. Поэтому «возврат» означает становление в стране того, что уже достигнуто эффективно развивающимися странами. Конечно, Россия останется Россией. СССР останется Союзом республик. Поэтому речь не может идти о слепом навязывании народам нашей страны моделей других стран Запада или Востока. Мы слишком велики и своеобразны по фигуре, чтобы импортные костюмы пришлись нам «в самый раз». Нам надо создать свое, но соответствующее в своих основных, фундаментальных характеристиках мировому опыту цивилизации.

Чем заменить всеобщее огосударствление? Надо не фантазировать, а просто посмотреть на тех, кто живет нормально. Если критериями брать производительность и уровень социального развития и материального благополучия, то у успешно живущих стран государственная собственность есть везде, но составляет не более 20—25%, и то прежде всего в виде муниципальной. Везде есть и частная собственность. Но превалируют формы коллективной собственности, причем наиболее массовая из них — акционерная — базируется прежде всего на частной собственности.

Поэтому я не могу согласиться с М. С. Горбачевым, когда он коллективные виды собственности называет общественными. Урок коллективного эгоизма кооперативов, от которых кое-кто ждал заботы об обществе, видимо, или не осмыслен, или коллективную собственность изображает как общественную ради сохранения социалистического идеала.

Социалистический идеал — если это не слепая и утопическая вера, а научный факт — это вывод о том, что на определенной стадии развития производства необходимо планируемое обществом хозяйство. Сам я продолжаю считать себя социалистом потому, что, оценивая тенденции развития, вижу, что продолжают расширяться и общая часть экономики, и затраты на социальные нужды со стороны общества. Когда этот процесс достигнет уровня, нужного для социализма как строя, сейчас сказать нельзя. Поэтому честный социалист обязан помочь стране уйти от преждевременного социализма и остаться в партии, защищающей интересы одного из классов. Зачем ради социалистического идеала в очередной раз навязывать что-то экономике и стране? Чтобы в очередной раз оказаться у разбитого корыта?

Надо признать главное: **суть перестройки в экономике — денационализация, разгосударствление.** Переход не просто к плюрализму форм собственности, а к системе, где, например, говоря условно, 20% — у государства, 30% — в частных руках, а 50% — у разных коллективных хозяев. Но фундамент всего — частная собственность. Именно такая схема соответствует, как сказал бы Маркс, уровню производительных сил.

Главное в перестройке в экономическом плане — это дележ государственной собственности между новыми владельцами. В проблеме этого дележа — суть перестройки, ее корень.

Понять и объяснить суть того, почему мы пять лет топчемся на месте, что нас ждет, как оценивать программы и платформы перестройки, позиции и людей, и партий, можно только в свете этого основного процесса. И причина экономического кризиса здесь же: это нежелание реально и немедленно начать денационализацию, дележ государственной собственности, земли прежде всего.

А в чем суть перестройки в политической, государственной сфере?

Говоря кратко: в замене Советской власти нормальной демократической республикой, выворачивая известный лозунг В. И. Ленина наоборот: не республика Советов, а демократическая республика. Другими словами, **десоветизация.**

И в политической области корень наших бед — в нежелании вернуться в лоно цивилизации, в стремлении сохранить Советы.

По В. И. Ленину, в системе Советов носитель власти — Совет самого низшего уровня, в котором непосредственно заседают рабочие. А в нормальной республике носитель власти — национальный парламент, и власть от него идет сверху вниз, а не наоборот.

В советской системе Совет любого уровня — власть. А в демократической республике власть — у парламента, а на местах избирают не органы власти, а органы самоуправления — муниципалитеты (или земства, как было в России).

В системе Советов вся власть сосредоточена в руках Советов. В демократической республике никто не имеет права удерживать всю власть. Есть три системы власти: законодательная, исполнительная и судебная.

В советской системе главное — заседания Советов, а в демократической республике — работа аппарата. В советской системе должны работать депутаты, а в республике — профессиональные чиновники.

С этих позиций можно понять еще один аспект наших нынешних бед. Мало того, что на государстве все еще лежит руководство всей экономикой (что само по себе неприемлемо, даже если бы мы имели демократическую республику), так еще это государство советское, противоречащее самим основам мирового опыта государственного строительства.

Суть перестройки в политике — полная ликвидация Советов и создание нормальных институтов демократии: законодательной власти, судебной власти и исполнительной власти. Денационализации в экономике должна соответствовать десоветизация в политике.

И, наконец, **национальный вопрос.** Если не будет у центра административной силы, если будет подлинная демократия, если будет денационализация, то каким может быть СССР? Я считаю, что его заменят национальные государства. Они могут создать тот или иной новый союз в том или ином составе. Но эти будущие союзы могут быть только следствием появления независимых государств.

Никаких иных перспектив нет, любая иная схема решения национального вопроса означала бы скрытый или явный отказ и от денационализации, и от десоветизации.

Реальна только **дефедерализация,** деимпериализация и в перспективе добровольные межгосударственные ассоциации. Такая дефедерализация характерна для национального развития в XX веке — вспомним распад Австро-Венгрии, распад Британской империи. И тут нам предстоит сделать то, что уже давно сделало человечество.

Остановимся подробнее на этих трех главных проблемах перестройки.

2. ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Все проблемы денационализации, разгосударствления концентрируются вокруг вопросов:

— кто получит распределяемую собственность;
— сколько получит, в каком количестве;
— как получит — платно или бесплатно;
— кто будет делить государственную собственность.

Берем один из лучших документов на эту тему — проект Закона РСФСР о земле.

Первое решение ясное: любой гражданин страны имеет право на землю. Далее как-то нечетко: за плату или бесплатно можно будет получить землю. Третье тоже смазано: имеет ли преимущество на землю тот, кто уже живет в деревне, или права на землю действительно равны для любого гражданина России.

И, наконец, четвертое: кто и по каким меркам будет делить землю? Здесь вообще явная уступка тем, кто сегодня командует селом.

Решали такой вопрос в ходе крестьянской реформы еще в 1861 году. Царское правительство понимало, что в столь важном вопросе конфликты между крестьянами и помещиками неизбежны, и оно предложило такую схему. Сначала помещик и крестьяне пробуют договориться сами друг с другом. Получилось — хорошо. Не получается? Тогда последнее слово — за назначенными правительством и получающими зарплату от правительства мировыми посредниками. Эти посредники не зависят от заинтересованных сторон — ни от помещиков, ни от крестьян. Интересно, что Лев Толстой был одним из таких мировых посредников.

А что я слышу с трибуны Российского парламента? Спорят: будет ли делить землю сельский или районный Совет? Право делить государственную собственность всего народа хотят отдать местным Советам. Пусть даже эти Советы самые демократичные, то все равно они отражают интересы тех, кто их избрал, то есть интересы тех, кто сейчас живет на земле. И судьбу, например, тысяч москвичей, желающих получить землю, будут решать депутаты сельсовета, избранные двумя сотнями жителей трех вымирающих деревень. Неудивительно, что такие местные Советы думают не о том, как скорее отдать землю тем, кто накормит себя и страну, а о том, как на этом заработать и превратить себя в своего рода арабский эмират, живущий на незаработанную ренту.

Но реальность еще и в том, что местные Советы делить сами ничего не будут. Это станет делом аппарата этих Советов. Реальность и в том, что на практике большинство сельсоветов — и это знают все — под полным контролем директора совхоза или председателя колхоза, который их и кормит, и поит, и зимой топливо дает, и транспорт отремонтирует, и горючим заправит.

В итоге дело дележа государственной земли хотят фактически у парламента России отобрать и отдать в руки местного аппарата.

Земля — только один пример. Другой — ситуация с магазинами. У нас в Моссовете прямо-таки рвутся решать вопрос об их приватизации нынешние органы руководства торговлей. Те самые, что сейчас эти магазины держат мертвой хваткой.

Часто говорят: перестройка топчется на месте, ничего не меняется. Такое утверждение верно только для периода до XXVIII съезда КПСС. А после съезда начался бурный процесс дележа государственной собственности.

Принятый Закон об аренде, в обход всех других законов, опережает все и вся. Сначала аренда предполагалась чуть ли не главной формой денационализации. По существу, такая трактовка аренды означала попытку сохранить государственную собственность и всю бюрократию, так как именно ей обязаны платить арендную плату.

Но возник, казалось бы, технический вопрос: а как быть с прибылью? Если ее коллектив арендаторов вложил в свое предприятие, то кто хозяин этих инвестиций? Отвергнуть право коллектива улучшить дела предприятия с помощью вложений собственных средств было неразумно. Пришлось разрешить инвестиции из «своих» денег. Но тогда пришлось признать наличие на арендных предприятиях растущей доли собственности коллектива и постепенное уменьшение арендуемой части. Следствие ясно: через несколько лет завод будет собственностью тех, кто вкладывал свои средства. Логика хозяйствования заставила признать право арендатора на фактический выкуп арендуемого предприятия. Аренда превратилась в два разных вида: вечная аренда и аренда как форма выкупа собственности.

Закон об аренде предопределяет **выкуп** трудящимися у государства, то есть у бюрократии, тех средств производства, которыми эти трудящиеся владеют по Конституции и которые созданы их трудом. За свое плати тем, кто это свое у тебя отобрал и от которого он тебя отстранил.

Однако этим аппарат не ограничился. Был подготовлен правительством и принят с восторгом на Верховном Совете СССР новый Закон о предприятиях. Согласно этому Закону, главным действующим лицом на предприятии вновь стали директор и его аппарат.

Теперь сопоставим два закона. Раз реальный хозяин завода — аппарат, то именно директор и аппарат — главные действующие лица при переходе на аренду.

Другими словами, собственность надо не просто выкупать. Выкуп стал правом директора, его администрации, его аппарата. Трудящиеся от выкупа и приватизации неизбежно оказались отстраненными.

Еще один процесс. Упраздняются министерства — и союзные, и республиканские. Вместо них создаются концерны. Но министерства были органами управления. Они управляли чужой, государственной собственностью. Государство могло их в любой момент упразднить или реорганизовать. А концерны претендуют на то, что они уже не государственные организации, они претендуют на роль собственника. Государственную собственность захватывают бывшие министерства.

Это ярко проявилось у нас в Москве. Концерны самовольно заняли здания бывших министерств. Но Моссовет обязан был давать здания именно министерствам как органам Совета Министров СССР

и РСФСР, поскольку Москва — столица. Но каких-либо обязательств у Москвы перед любой хозяйственной организацией нет. И здания министерств — требуем мы — должны вернуться Моссовету. А он затем решит, пускать в него тот или иной концерн или нет, и за какую плату, и вообще разрешать ли этот концерн в Москве.

Претензии концернов на эти здания были частью их общей претензии: концерн считает бывшую государственную собственность, которой распоряжалось министерство, **своей.** Здесь налицо захват собственности, но уже не аппаратом предприятия, а аппаратом министерства.

За собственность вступила в борьбу и Академия наук СССР и получила ее с помощью самого Президента. Как будто забота об ученых. Но в Академии наук — по ее уставу — всем руководят несколько сотен всевластных и избирающих самих себя академиков. Практически Президент своим Указом о статусе Академии наук отдал ее собственность в руки академических верхов.

То же самое стоит и за Указом Президента о статусе вузов. Опять-таки их собственность он фактически передал в руки руководства вузов.

Моссовет завален просьбами различных «общественных» организаций, создававшихся в свое время КПСС, с просьбами отдать им в собственность землю, здания и т. д. Так как эти организации на 9/10 состоят из аппарата, назначенного ЦК КПСС, с полуфиктивными членами, то просьба организации о том, что она хочет стать собственником здания, означает на деле просьбу дать собственность аппарату этой организации, а то и просто ее руководителям. Надо же и им подготовиться к жизни в условиях рынка.

Но кто больше всех преуспел в дележе собственности, так это аппарат КПСС. Старый Мосгорисполком перед уходом в спешке переписывал на баланс КПСС здания. Перед этим систематически «уходили» к КПСС типографии, базы отдыха, гостиницы, совхозы.

Говорят: есть решения Советов о передаче КПСС зданий или газет. Хотел бы я посмотреть на Советы, которые в то время посмели бы не принять такое решение. Но отменяем же мы законные когда-то приговоры судов о репрессиях только потому, что признания обвиняемых были вырваны силой? Чем признание в застенке об участии в заговоре против партии отличается от принудительного голосования за передачу этой партии здания или газеты на сессии Совета?

Но даже если что-то и финансировалось самой КПСС, и в этом случае собственность КПСС нельзя считать негосударственной, так как она формировалась в условиях монопольного диктата КПСС над государством.

А в последний год аппарат КПСС создает и совместные, и кооперативные предприятия. Смело «зарабатывает» и деньги, и валюту.

Самое характерное: аппарат партии социалистического выбора ни одного рубля в государственный сектор не вкладывает, только — в негосударственные формы предпринимательства.

С одной стороны, это радует. Значит, аппарат КПСС окончательно сделал выбор в пользу приватизации и рынка.

Но очевидно и другое — выбран вариант, когда собственность партии рассматривается только как собственность аппарата партии, точнее, руководителей этого аппарата. Новый Устав КПСС специально обошел кардинальный вопрос: кто же хозяин партийной собственности?

От аппарата КПСС не отстает аппарат профсоюзов, аппарат комсомола, аппарат всех прочих «приводных ремней» однопартийной диктатуры.

Нетрудно понять, что вскоре государственная собственность в армии станет собственностью армии, то есть генералов. От армии не отстанет МВД и т. д.

Словом, процесс разгосударствления и денационализации уже идет. И если его не форсируют, скрывают, прячут, то главным образом из-за неготовности всего аппарата активно включиться в эту работу.

И, во-вторых, из-за споров между союзным, республиканским и местным аппаратами о том, кто же из них будет осуществлять разгосударствление и чего.

Перед нами четко выраженный подход к дележу государственной собственности: аппаратный. А так как аппарат — продукт прошлого, то вывод один: речь идет о таком варианте дележа госсобственности, который осуществляют силы, сформировавшиеся в административном социализме,— государственные, партийные, хозяйственные и так называемые общественные. Бюрократия, созданная в прошлом, хочет стать собственником того государственного имущества, которым она командовала, и хочет вступить в новое общество уже в новом качестве — в качестве собственника.

Этот подход — самое главное, самое основное, что определяет нынешний ход перестройки.

Есть ли другой альтернативный подход? Есть. Собственность государства должны делить высшие органы государства — органы власти и созданные ими и подчиненные только им особые органы нового типа — органы дележа государственного имущества. Сначала республики решают, что остается центру, и центр сам делит эту свою часть. Затем республиканские парламенты решают, что будут делить их органы, а что передается для дележа вниз — местным Советам. И при парламентах республик, и при местных Советах создаются независимые от всех других органов учреждения разгосударствления.

При такой схеме и земля может оказаться в руках местного Совета. Но только часть земли, именно часть и по вполне конкретным соображениям (например, сельсовет делит ту часть земли, которая по общим нормам приходится на местных жителей).

Следующая проблема: **кто** может претендовать на государственную собственность? Например, на имущество Московского университета могут претендовать только нынешние органы руководства МГУ или и еще какая-то созданная преподавателями альтернативная организация, если они захотят ее создать? А может быть, вообще претендентом может выступать группа преподавателей, никакого отношения к МГУ не имеющая, пожелающая создать свободный университет?

С демократической точки зрения, любой гражданин страны должен иметь право претендовать на свою долю в любой государственной собственности.

Но когда речь идет о тех, кто уже сегодня работает на этой собственности, то необходимо им дать не исключительное, но первоочередное право — право быть первыми в общей очереди на разгосударствление, на приватизацию.

А вот если эти первые не хотят стать собственниками, не хотят начать приватизацию, а в то же время есть претенденты на эту собственность «со стороны», тогда органы разгосударствления будут обязаны организовать аукцион.

Еще один вопрос: каков размер того, что можно получить при разгосударствлении?

Аппаратная денационализация неизбежно вводит **неравенство.** То, что приходится на одного собственника в рамках Академии наук, может существенно отличаться от того, что получают в вузах. Те, кто остается в совхозе, «на голову» сохраняют совсем не то число гектаров, которое достается выделяющемуся фермеру.

А сама логика прошлого строя, где все работали на общий котел, требует, чтобы не только **каждый** гражданин имел право на свою долю, но и то, что доля **одного** равна доле другого.

Единственно возможные виды неравенства: дети могут получать меньше, чем взрослые; трудоспособные — больше пенсионеров, а среди трудоспособных можно учесть их трудовой стаж, включая стаж работы в домашнем хозяйстве.

Но самый главный, фундаментальный вопрос разгосударствления: за плату или бесплатно можно получать госсобственность?

Аппаратный вариант тяготеет к бесплатности (или символической платности) для себя и платности для всех других. Поэтому Закон об аренде так быстро и принял Верховный Совет СССР — интуитивно почувствовал «родное».

Аппаратная идея: и за землю плати, и за магазин плати. Сразу — выкуп или постепенно — аренда. Но откуда деньги у рядового гражданина? Это первое. И почему надо платить за свое? Это второе. Да и кому надо платить? Министерству, местному Совету, колхозу? Они что — хозяева госсобственности? И статьи прежних Конституций об общей собственности были фикцией? А все мы были батраками не государства, а конкретного министра или директора?

Но есть и демократический подход к денационализации: никакого выкупа, свою долю — бесплатно.

Вот один из возможных вариантов.

С одной стороны, стоимость государственного имущества. С другой — число членов общества. На каждую сотню рублей госимущества выпускается по облигации. Дети получают, положим, по десять облигаций. Пенсионеры — по двадцать. Все трудоспособные имеют столько-то лет трудового стажа, включая домохозяек. Выясняется, что на один год трудового стажа приходится по 1,5 тысячи рублей имущества, то есть 15 облигаций. И тогда работник, отработавший 20 лет, получит облигации на 30 тысяч рублей. Этими облигациями можно расплатиться за приобретаемый у государства газетный ларек или за свою долю акций на заводе.

Если этих облигаций не хватает, тогда, конечно, может возникнуть проблема доплаты уже из своих денег.

Если человек вообще не желает ничего покупать, облигации можно или продать на бирже, или сдать их в банк и иметь на них годовой доход — в зависимости от того, в какой банк их вложили и как эффективно вкладывает средства этот банк.

Иногда путают вопрос о плате за свою законную долю госсобственности и плате за желание взять у государства избыточную, сверх общей нормы, часть собственности. Рабочий получит на 15 тысяч рублей облигаций, а на заводе надо внести по 25 тысяч. Тогда, естественно, доплачивать надо. Или взяв кредит, или взяв завод в аренду. Но это именно **доплата,** а не **плата.**

Вопрос о равенстве прав каждого члена общества на государственную собственность и о бесплатности этой доли предопределяет политическую активность граждан и тип этой активности. Если все равны, если я равен всем при вступлении в будущее общество неравенства, если те, у кого сегодня деньги есть, коренных преимуществ передо мной не имеют — я горячо борюсь за перемены. Если же те, кому удалось накопить большие деньги в прошлом, собираются стать господами в новом обществе, то стоит ли бороться за перемены?

За выкуп или бесплатно — это вопрос об активности миллионов в процессе разгосударствления.

Вопрос о том, платно или бесплатно — это водораздел демократа и аппаратчика. Единственное, о чем можно спорить: должен ли быть один общий котел разгосударствленного имущества или этих котлов несколько — основные и оборотные производственные фонды, земля, жилье, фонды сферы обращения и т. д. Тут есть плюсы и минусы и в идее «общего котла» и единой доли, и в идее нескольких котлов и разных долей в каждом из них.

На базе того, что получит каждый гражданин, может возникнуть и частная собственность, и разные виды коллективной собственности, и новая государственная собственность. Государственная собственность будущего — это не осколки или остатки тающего айсберга бывшей социалистической собственности. Государственная собственность тоже будет принципиально новой, так как на госпредприятии будут работать люди, у которых есть свой «капитал» в виде облигаций, которые они не захотели вложить «в дело», предпочтя оставаться наемными работниками у государства и получать сверх госзарплаты ренту на облигации.

Ясно, что в конце концов все облигации, распределенные между членами общества, по законам товарного производства, перераспределятся. Возникнет неравенство. Но при демократическом разгосударствлении неравенство будет итогом **равного** старта и честной конкуренцией.

А при аппаратном разгосударствлении неравенство есть уже на старте, и задано оно не законами товарного производства, а тем, что было характерно для государственно-бюрократического социализма. Конечно, конкуренция разрушит это неравенство и создаст неравенство рыночное. При аппаратном пути после разгосударствления одно бюрократическое неравенство перейдет в другое — рыночное.

Но в любом случае, при любых подходах **без разгосударствления нет перестройки. Оно — фундамент всего.**

(Продолжение следует.)

■

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ НАУМА ГАБО

Наум ГАБО.
КОНСТРУКЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ.
1958—1963.

В этом году отмечается столетие со дня рождения замечательного скульптора XX века Наума Габо (1890 — 1977), выходца из России. Родился он в Брянске, учился в Мюнхене и Норвегии; выставки и работа в Москве; в 1922 году отъезд в Германию; затем Париж, Лондон, мастерская и дом в США — вот немногие известные нам вехи его жизни.

В 1920 году в Москве Наум Габо с братом Натаном Певзнером выпустили «Реалистический манифест», провозглашавший новый стиль, идеи которого значительно повлияли на искусство и архитектуру XX века.

Главная мысль манифеста: «Пространство и время — единственные формы, в которых строится жизнь и, стало быть, должно строиться искусство».

Впоследствии Габо развил идеи манифеста в концепцию «конструктивной скульптуры»:

«...Я строю ее образ из ничего. Образ рождается изнутри, и пространство также является важной его частью».

«Я не отделяю содержание от формы, они едины. Произведение не говорит о чем-то: оно существует само по себе».

«Я говорю о своем произведении, что его могла бы создать природа, но не создала. Однако природа делает это через меня, а я создан природой... Произведение абстрактно только в своем методе».

Наум Габо создал необыкновенно красивые скульптуры, пользуясь довольно простыми геометрическими элементами. Работы Габо раздвигают пространство фона и несут ощущение полноты времени и бесконечности мира... Созданные из мерцающих, переливающихся нитей, составляющих мягко деформированные поверхности, эти произведения напоминают утонченные образы красоты космических объектов.

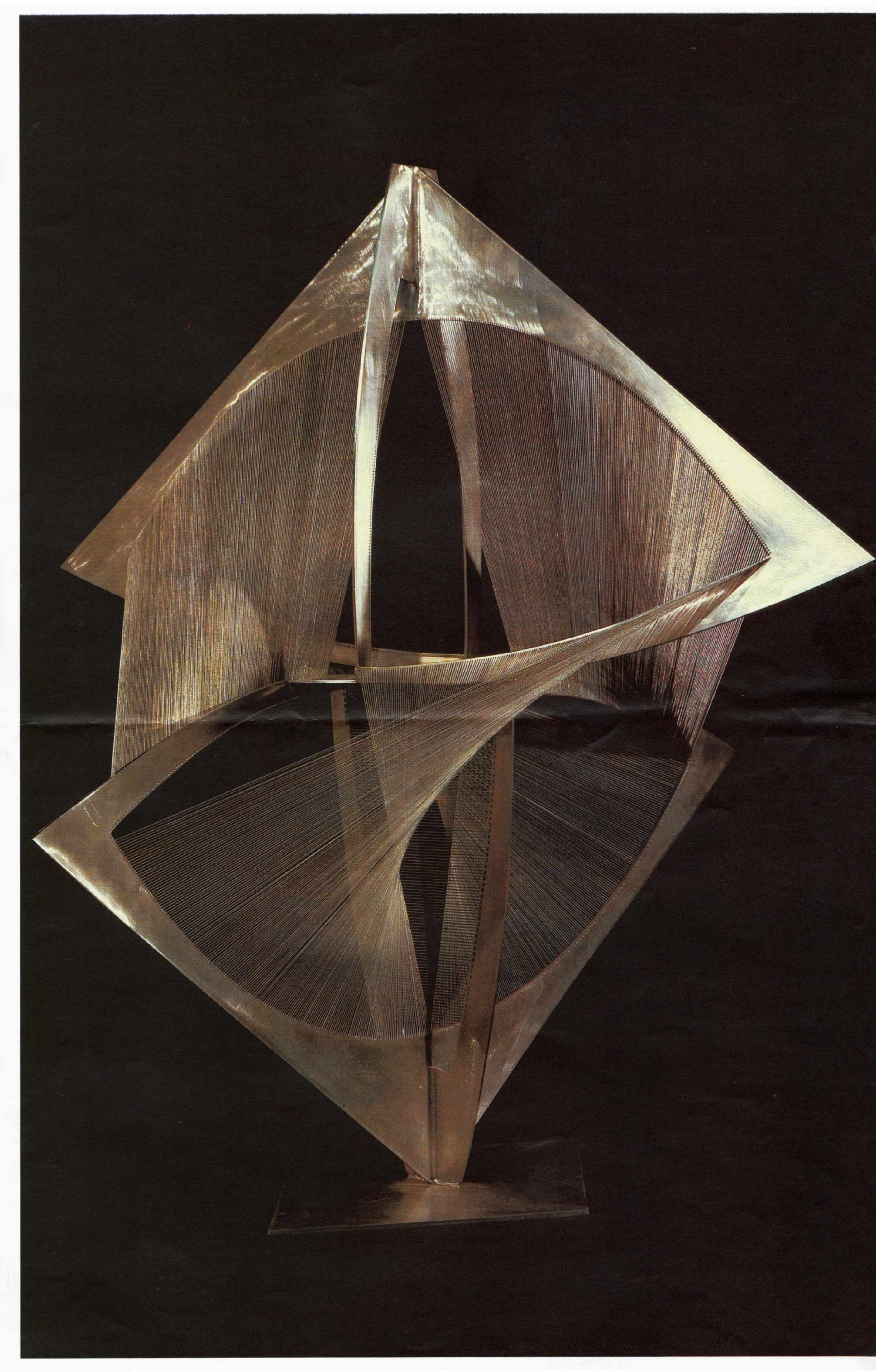
Как правило, конструкции Габо абстрактны, или, как говорил сам художник, абсолютны, однако среди них есть несколько близких к натуралистическим работ — «голов», одну из которых называют «Мадонна XX века». Она лишена привычных признаков красоты женского лица: нежной кожи, изящной формы глаз, даже поверхности щек,— и все-таки перед нами образ прекрасного женского лица; мы узнаем образ в прообразе.

Всю творческую жизнь Наум Габо, следуя принципам конструктивизма, непрерывно создавал новые реальности, приносящие радость любителям искусства и просто прохожим на улицах западных городов, где установлены его скульптуры. Он прожил долго и получил мировое признание: член Королевской академии искусств Швеции, Американской академии искусства и литературы, почетный рыцарь Ее Величества королевы Великобритании, скульптор Наум Габо практически неизвестен в России.

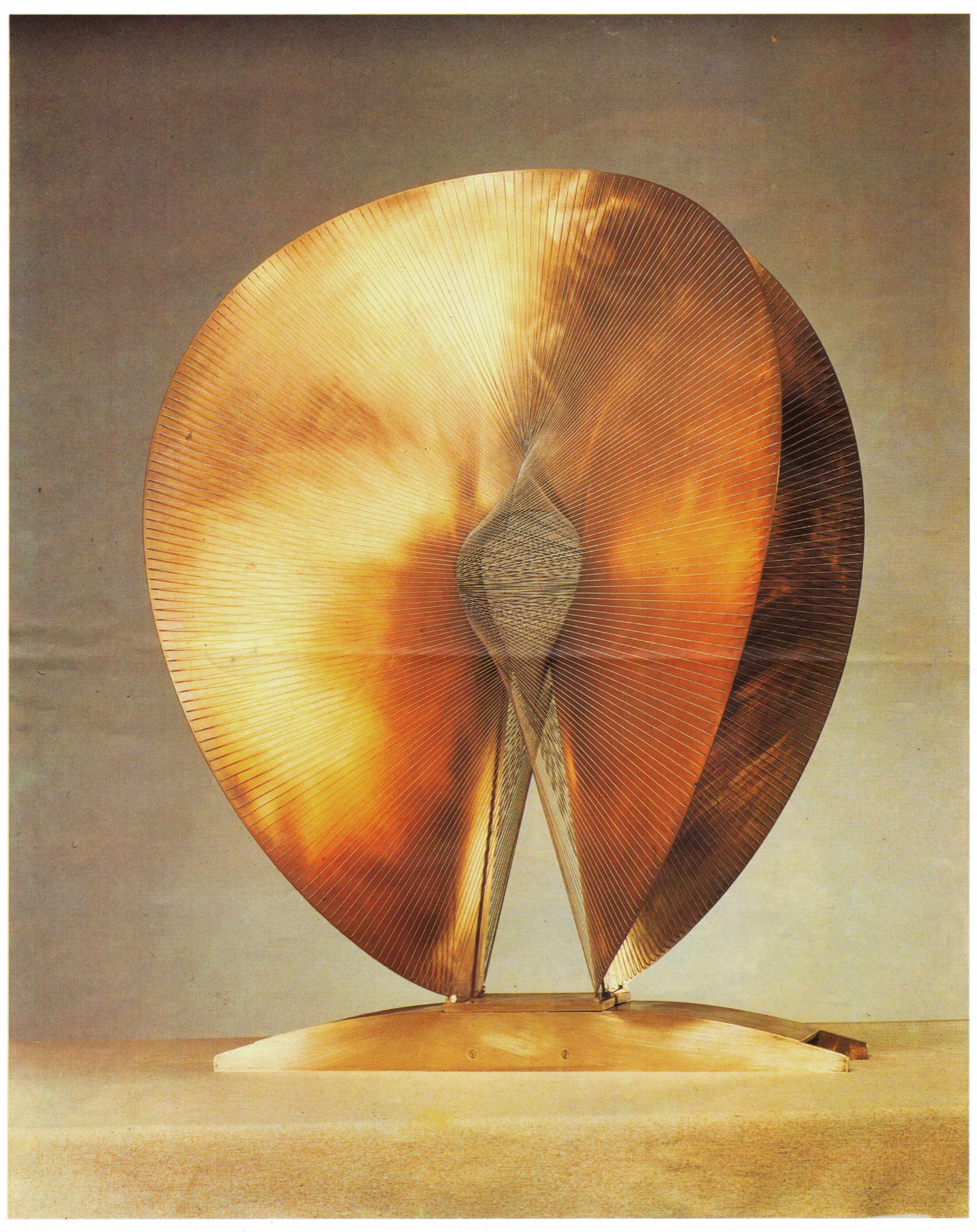
Хотелось бы вернуть имя Габо на родину.

И. ЖЕСТКОВ,
А. ВАСИЛЬЕВ

Редакция благодарит Нину и Грэхема Вильямс за слайды, любезно предоставленные для публикации в «Огоньке».

ВАРИАЦИИ.
1974—1975.

БРОНЗОВАЯ СФЕРИЧЕСКАЯ ТЕМА
(вариант).
1964—1965.

ГОЛОВА. 1966.

БЕССМЕРТНОЕ КИНО

МАРИНА ТАРАСОВА

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Холодный зал «Иллюзиона»,
в Котельниках высотный дом,
над бедной жизнью вознесенный,
как некий радужный фантом.

Убийство счастья на экране,
блестящей туфельки бросок,
под белым шарфом, в черной ране
не нож убийцы, а цветок.

Так невпопад, светло и пьяно
метель по улице метет,
журчит за кадром фортепьяно
канонов музыки в обход.

Кто ты, стихов моих предтеча,
печальный, маленький тапер,
меня твои сгибают плечи,
к тетрадке наклоняют взор.

Из вороненой гулкой дали
звенит трагически фоно...
Таперов всех перестреляли,
и стало звуковым кино.

ХРАМ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО

Золотыми багряными искрами
загорается гладь на реке.
Это день занимается чистый,
как ребенок со свечкой в руке.

Это храм пробуждается радужный,
розовеет в редеющей мгле,
самоцветом, соцветием радости
вознесенный на русской земле.

Астраханский, казанский, языческий,
мягко льющийся шелк куполов
изумлял небывалым обличием
просвещенных заморских послов.

Я смотрю на шатровый, узорчатый,
изумрудный Покровский придел...
Божий храм! Светоч русского зодчества,
как он выстоял, как уцелел?

Все мне видится, как на Успение
собирается в храме народ,
подымается стройное пение —
поминальная служба идет.

Обо всех убиенных, расстрелянных,
запропавших в тяжелых снегах,
навсегда для Отчизны потерянных
в тех проклятых, безбожных годах.

Золотую свечу поминания
светлым утром затеплить спеши,
это наше с тобой покаяние,
возрожденье оглохшей души.

ОСЕНЬ 1990

1

Ветхий домик на курьих ножках,
дымный сад о семи стволах,
в этом домике в стылых плошках
вместо хлеба насущного — прах.

Надо мною сверкнула зарница,
вспыхнул сполох и снова потух.
Мы-то думали: в небе зарница,
оказалось, красный петух.

2

Нам талоны лапшою нарезал
налетевший осенний аврал,
не хочу я, чтоб новый Цезарь
дал нам зрелищ, а хлеба не дал.

Этот бунт сокрушает по-русски
вечнорусскую жажду вождя.
В створках листьев дрожат, как моллюски,
одинокие капли дождя.

3

Ситный пригород! Серого снега щепоть...
Воробьи облепили известку стволов.
Безголосых пичуг пригревает Господь,
не услышишь на голых ветвях соловьев.

Кто же там распевает весь день под сурдинку
с безнадежным и жестким упорством репья —
в переходах подземных к Свободному Рынку,
деревяшкой протеза натужно скрипя?

СЕРГЕЙ АЛИХАНОВ

***

Неизбывна дорог твоих слякоть,
Неоглядна полей благодать.
Все несчастья твои не оплакать.
Всех злодейств твоих не оправдать.

Слова к песням твоим не прибавить.
Не означить заведомый путь.
Всех героев твоих не прославить,
Всех загубленных не помянуть.

***

Где дом стоял — там нету ничего.
Но строить стены не начну сначала,
Хоть землю жаль и деда моего,
Зарытого у Беломорканала.

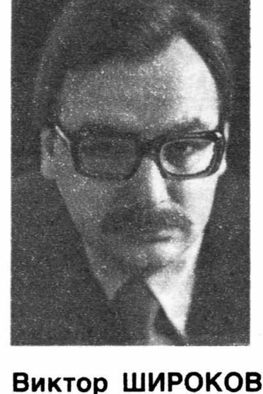
По воле было, стало по судьбе.
След заметен великой круговертью.
И обветшал бы дом сам по себе,
И дед бы умер собственною смертью.

...Когда мы прикатили по лугам,
Старухи в деревеньке встрепенулись:
— «Гляди-ка, раскулаченные к нам
На «Жигулях» на расписных вернулись»...

О ПОЕЗДКЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I НА КАВКАЗ В 1837 ГОДУ

Был сделан в канцелярию запрос —
В присутствии возможно ль высочайшем
Вельможным инородцам и князьям
Являться на приемы и балы
В привычных им, кавказцам, сапогах.
Был дан ответ, что вроде бы вполне
И позволительно, но все-таки негоже.

Затменье послепушкинской эпохи
Уж наступило.
Лишь фельдъегеря,
Сменяя лошадей, во все концы
Развозят повеленья Петербурга.

Виктор ШИРОКОВ

***

Борису Слуцкому

Деньги вроде идут к деньгам...
Как я радовался малой копейке,
с неба падавшей в мой вигвам
и сулившей большие деньги,
хоть не верил я этой идейке,
потому что всегда оплачены
были давешние труды
и доподлинно обозначены —
где, за что — моих мук следы.
Тратил я не столь на еду
(прокормиться у нас несложно),
тратил я на свою беду
всё на книги неосторожно.
И не столько писал, как читал,
а потом еще перечитывал;
сам себе — и читальный зал,
и служитель, который учитывал:
вот — несъеденный мною обед,
вот — некупленные ботинки...
Был смешон молодой поэт,
не любили его блондинки.
Но когда приходилось туго,
когда было негде занять,
мог я снять дорогого друга
и легко букинистам загнать.
А потом, кусок пережевывая,
тут же что-то вновь покупал,
вновь крутился душевного жернова
самый главный коленчатый вал.
Я готов повторить за Слуцким,
что читатель я мировой,
что не только семечки лузгал,
но работал и головой.
Если стих был неровной выделки,
если нитка чужая видна,
не боюсь я придирки и выдирки —
цель одна и любовь одна.
Был юнцом и твердил, что — средний,
а сейчас как будто подрос;
пусть примерится мой наследник
и ответит на мой вопрос.
А насчет гонораров — ша!
Поутих и норов, и гонор.
Насчитала бухгалтерша,
словно я — постоянный донор.
Не забыл я детский обет,
и почти забылись обиды...
Заработал себе обед,
и сейчас мы с судьбою квиты!

***

Белый луч — совсем не белый,
если разложить умно...
И не хватит жизни целой
на бессмертное кино.

Наше сердце чем не призма,
жгут оттенки бытия...
Смесь цинизма и лиризма,
быта мутная струя.

То сияет ярко солнце,
то скрывается средь туч...
Если этот бег прервется,
вновь сойдется белый луч.

У ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

В этом доме была традиция: в день смерти Сталина собирались люди, в основном отсидевшие в сталинских лагерях, из альбомов извлекались фотографии друзей, тех, кто погиб, кто был замучен в ГУЛАГе, и при зажженных свечах долгий вечер сидели, вспоминали, тихо разговаривали.

Я рассказываю о доме Копелевых на улице Красноармейской. Их квартира вообще никогда не пустовала, гости, приезжие, какие-то корреспонденты и всегда множество молодежи. Но как-то само собой получалось, что каждому находилось тут местечко, и доброе словцо, и, конечно, чашка чая.

Не так уж часто везло мне в жизни, но то, что я оказался по соседству с Копелевыми — Львом и Раей,— мне подарено судьбой.

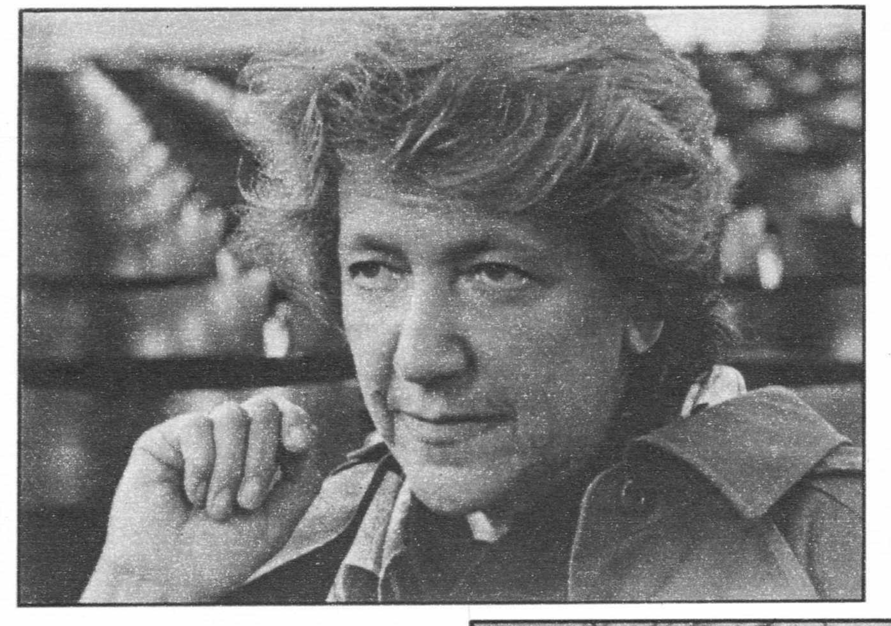
Я говорю о них вместе, хоть это мое слово в память Раи Орловой, но она и Лев соединены в моей памяти навсегда, и так будет в этом рассказе.

Лев огромный, улыбчивый, теплый, Рая же скорей деловая, напряженная, на ней весь дом, хозяйство. И звонит по телефону, и встречает у порога всегда она. Без суеты, но как-то ловко разводит по углам гостей, оставляет дела и садится напротив.

И уже понятно, что при всей своей занятости она будет с тобой столько, сколько нужно тебе.

Синие в упор глаза и энергичное: «Скажи, пожалуйста...»

«Скажи, пожалуйста, ты с Можаевым знаком? Какой он? Он написал хорошую книгу... Если увидишь, попроси для нас...»

Раиса Орлова. 1981 г.

Раиса Орлова, Лев Копелев и Анатолий Приставкин. 1988 г.

Это почти попутно, но в другой раз о Можаеве непременно вспомнят, и тут же: «А вот это читал? Возьми домой, почитай, только ненадолго, еще много желающих...»

Так попали в мой дом Солженицын, Горенштейн, Войнович, Буковский...

О моем романе «Вор-Городок» (он потом публиковался под названием «Городок», «Вора» издатели украли!) она скажет: «У меня тут замечания... Но я хотела бы быть твоим редактором, это интересно. Если случится, имей в виду».

Но однажды, еще раньше, где-то в печати выловила мой очерк о Воркуте (я рассказывал историю одной шахты), спросила при встрече: «Но там, в Воркуте же, были заключенные... Разве ты не знал? А почему ты не написал об этом?»

Очень доброжелательно, но строго и немного удивленно.

И никак не объяснишь: это невозможно — никакие зеки, конечно, в печать не проходили, а публикация после десятилетней паузы непечатания так была нужна!

Так ведь упрек исходил от человека, поставленного в условия куда хуже моего; она и Лев уже выкинуты из Союза писателей, из литературы вообще, они как бы вне закона.

Больше вслух не вспоминалось об очерке, но я до сих пор помню.

Но в том-то и дело: они не от других, они прежде всего от себя требовали правды и так поступали.

Само существование их ДОМА, как живого оазиса посреди болота, помогало нам выжить. И помогало понять, как надо в этих условиях жить.

Вдруг Рая говорила: «Вы, наверное, слышали, из Союза исключают Лидию Корнеевну... Мы идем в Союз, будем там стоять у закрытых дверей секретариата... Надо, чтобы ОНИ знали, что так просто это не проходит, и люди все видят...»

Рая никогда бы не сказала, что надо мне или кому-то еще идти, оставляя возможность самому решить, как поступить. А только так: «Мы идем в Союз...»

И тут же попутно: «Скажите, а что собой представляет Феликс Кузнецов (он в то время руководил московским Союзом), ведь когда-то, говорят, он был приличный человек? Правда?»

Рая не скажет даже в сердцах о ком-то недоброго слова, она всерьез хочет докопаться до истины. Это не наив, она повидала разное, и все-таки она несокрушимо верит в первородность добра, заложенного в человеке.

Но добра в этот раз (да и в другие тоже) и в этом Союзе, конечно, не происходит.

Я помню эти стояния у закрытых дверей; рядом с Копелевыми там были Володя Корнилов, Инна Варламова, Борин, Икрамов и другие, немного, правда, и кучка эта с годами таяла, пока не истаяла вовсе.

Но каждый из нас не мог не замечать, как всесильные секретари, в чьих руках находилась судьба любого из писателей, выскакивая из дверей, озираются на нас, таких, казалось бы, здесь беспомощных, безвластных, и с некоторым замешательством поскорей прошмыгивают мимо. В глаза при этом они не глядят. Значит, все-таки не «не ведают, что творят»? Значит, и их, железобетонных, прошибает это неравное противостояние?

Ну, ясно же, что такой ДОМ, такой источник СВЕТА не мог не вызывать у болотных упырей ответной реакции.

Уже круглосуточно дежурила против их окон машина, этакий фургончик с антеннами, нацеленными на окна, а в часы приезда каких-нибудь там западных корреспондентов прибавлялась «Волга» с четырьмя неподвижными фигурами, сторожащими подъезд. Уже вовсю раздавался по телефону отработанными голосами грязный мат и всяческие угрозы...

Видел я и тот булыжник, что влетел темной ночью в балконную дверь и лишь случайно не зацепил никого.

Копелевы переехали с первого этажа на шестой, пошутив грустно, что сюда будет добросить камень потрудней.

Но судьба их была решена. Началась травля в газетах. Их выдворили, и двери за ними захлопнулись: вышел Указ о лишении гражданства.

Я провожал их, многие провожали, и рассказать о горечи, о чувстве потери невозможно, хоть повторялось это с неизменными подробностями: Некрасов, Аксенов, Гладилин, Коржавин, Войнович, Саррочка Бабенышева, да многие... Это выдиралось с мясом, резалось по живому, и нам, остающимся, было видно, как погружаемся во мрак, как остывает воздух и наступает космический холод и пустота в душах и вокруг после их отъезда.

Для меня это была потеря всего, и как-то я написал Рае, ТУДА, о бескислородном бытии, когда вроде можно еще существовать, но дышать нечем, все духовные источники перекрыты.

Кстати, еще в те времена, когда уезжали другие, Рая, читая вслух письма, иногда восклицала: «Ну, что они пишут! Неужели можно так быстро забыть, как мы здесь живем?! Или их там, на границе, каким-нибудь дустом посыпают?»

Прощаясь, я напомнил Рае про «дуст» и просил писать почаще.

Она помнила и писала, листочки ее посланий, исписанных без интервалов, на папиросной бумаге, были подробны их жизнью, но еще более было вопросов к нам и о нас: она просила рассказывать о всяких там вроде бы несущественных подробностях — словечках, анекдотах, ценах в магазине... Ибо это и правда быстро забывается.

А еще было в этих письмах (это потом я находил и в ее книгах) об общности европейской культуры, о проблемах контактов и трудностях и радостях взаимопонимания людей.

Они много поездили, многое повидали, но произнесенные Раей с отчаянием в день отъезда слова: «Я чувствую, без России я не выживу»,— наверное, оправдывались.

Во всем, что она делала, писала, она была нацелена на Россию.

Тут бы в пору перечислить ее книги, ведь она была замечательный писатель, американист, но не о том сегодня речь.

Еще прежде, в день своего пятидесятилетия, Рая в обращении к родным и близким произнесла такие слова: «Стук молоточка, который напоминает каждому счастливому человеку, что есть несчастные, я услышала поздно. Но теперь он звучит набатным колоколом. Я молю Бога, чтобы мне даны были силы, мужество, время для расплаты...» И там же: «Мне посчастливилось с Россией — родину не выбирают, но я не хочу иной, здесь я родилась, здесь я умру».

Рая умерла далеко от России, не дождавшись президентского указа о ее посмертном восстановлении в правах... Многие не дождались. Но было в ее жизни счастливое возвращение сюда на короткий срок осенью восемьдесят восьмого, когда двери открылись, молнией, так я запомнил, пронеслась, просверкнула она в Москве, посетив друзей, редакции и журналы, она успела даже выступить на вечере памяти Виктора Некрасова в Литературном музее.

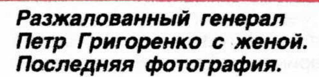
И снова были, хоть не в том уже Доме — тот был разрушен системой,— в упор молодые синие глаза и это энергичное: «Скажи, пожалуйста...»

Как мне будет этих слов не хватать!

Этих слов, этого настойчивого, призывного вопроса в глазах, после которого невозможно отсидеться дома и не пойти к секретарским и иным закрытым дверям в час, когда с кем-то происходит несправедливость... непоправимая беда...

Но много ли, спрошу, нас, и не истаивает ли вконец маленькая горстка, у кого достает бороться за правду до конца, как боролась Рая?

А. ПРИСТАВКИН

Разжалованный генерал Петр Григоренко с женой. Последняя фотография.

ГЕНЕРАЛ

Раиса ОРЛОВА, Лев КОПЕЛЕВ

Так его называли и друзья, и тюремные охранники.

Годы молодости и годы зрелости Петра Григоренко, пора, когда складывается мировоззрение и мироощущение, прошли в армии. Он был солдатом, офицером, генералом.

Армейская служба, повседневность казарм и окопов, как правило, не способствуют независимому, критическому мышлению. Военнослужащие живут по строгим регламентам, обязаны выполнять приказы не рассуждая. Судьба Петра Григоренко противоречит этому.

Он подчинялся приказам и сам приказывал. Однако не разучился самостоятельно мыслить.

...В 1961 году, в пору самой теплой оттепели, перед XXII съездом мы услышали, что на одной из районных партийных конференций Москвы выступил некий генерал, герой войны, ставший профессором Академии Генерального штаба.

Он говорил, что критика режима — тогда его называли «культом личности» — ведется непоследовательно, не по-марксистски, ибо не критикуются те условия, которые породили сталинскую диктатуру с ее губительным произволом.

Так Григоренко начал подвергать сомнениям ту политическую систему, которой он долго, верно служил, за которую воевал, был ранен, едва не погиб. Он открыто заговорил о пороках того государства, которое награждало его, обеспечивало ему привилегии, благополучную жизнь.

Генерал Григоренко... получил строгий партийный выговор, был уволен из Академии. Его назначили начальником штаба армии на Дальнем Востоке.

В те же дни 1961 года на партийной конференции в Курске с подобной же речью выступил писатель Валентин Овечкин. Он в 1952 году, то есть еще при Сталине, опубликовал в «Новом мире» правдивый очерк «Районные будни», очерк, открывший то направление в советской литературе, которое позже, в 70-е годы, было названо «деревенской прозой».

В 1961 году на Овечкина яростно ополчилось партийное начальство. Почувствовав себя безнадежно одиноким, отчаявшись, он в тот же вечер выстрелил себе в висок. Остался жив, искалеченным.

XXII съезд был резко антисталинским. Было принято (и осуществлено) решение вынести гроб Сталина из Мавзолея. Было принято (и не осуществлено) решение — поставить памятник его жертвам. Однако по всей стране сваливали статуи тирана.

Поэтому расправы с Григоренко и Овечкиным (услышали мы о них позже) казались нам событием исключительным, одиночными ударами, которые еще способны наносить уже обреченные, отступающие сталинские аппаратчики.

Григоренко это столкновение с режимом побудило размышлять все дальше:

«Мне все чаще приходило в голову, что созданный в нашей стране общественный строй — не социализм, что правящая партия — не коммунистическая. Куда мы идем, что будет со страной, с делом коммунизма, что предпринять, чтобы вернуться на «правильный путь»,— вот вопросы, которые захватывают меня все больше.

Я начинаю искать ответы на эти вопросы и по старой привычке обращаюсь за советами к Ленину. Сажусь снова за его труды... Но, Боже мой, как же поновому предстает передо мною Ленин. То, что казалось абсолютно ясным и целиком приемлемым, теперь наталкивается на непримиримые противоречия в тех же трудах...

...Устоявшиеся понятия: о демократии и о Ленине как о классическом примере демократа. И вдруг, как будто на пень свежеспиленного дерева наткнулся в темноте: ...когда Ленин был в меньшинстве, он совершенно четко утверждал, что большинство не имеет права навязывать свою волю меньшинству, а после говорит, что у большинства есть право душить меньшинство, не давать ему и пикнуть.

...Так, пересматривая Ленина и анализируя внутреннюю и внешнюю политику партии и государства, я постепенно вырабатывал свои оценки событий и свои представления о задачах, стоявших перед страной и мировым коммунистическим движением».

И с той же последовательностью, с которой Григоренко на фронте и в штабных играх ставил и выполнял тактические задачи, он перешел от размышлений к действиям. В этом сказались и характер, воспитанный армейской службой, и врожденные способности — прямодушие, отвага, неумение лицемерить, порывистость... Его мысль сразу же становится словом, а затем чаще всего — делом.

Он задумал целый ряд писем в ЦК, с тем чтобы информировать руководителей партии о действительном положении в стране и сообщить им о своих теоретических выводах.

Он искал в работах Ленина аргументы, чтобы убедить Хрущева в необходимости перестроить всю систему руководства партией и страной, доказывал необходимость свободы слова и демократических структур общества.

Не получая ответа на эти письма, он с той же неуклонной последовательностью начал действовать по-другому. Летом 1963 года, приехав в отпуск в Москву, он вместе со старшими сыновьями организовал «Союз борьбы за возрождение ленинизма». От имени этого союза он изготовил несколько листовок и сам раздавал их у входа на завод «Серп и молот».

В феврале 1964 года его арестовали. Первый допрос вел сам председатель Комитета государственной безопасности Семичастный. Но он не решился предать суду боевого генерала. Григоренко направили в психиатрическую больницу, объявили психически невменяемым и разжаловали.

Когда через год он вышел из больницы, ему пришлось долго искать работу, он стал грузчиком.

В 1966 году Григоренко познакомился с несколькими людьми, которые рассуждали так же, как он, и так же, как он, пытались действовать, прежде всего вразумлять партийное руководство, но к тому же оглашать возможно шире правду об истории, о современности, правду, подавляемую цензурой. Старые члены партии С. Писарев и А. Костерин, председатель колхоза Яхимович, молодые оппозиционеры Буковский, Гинзбург, Якобсон стали его друзьями.

«Знакомство и дружба с А. Е. Костериным,— <писал П. Григоренко>,— оказали коренное воздействие на мои убеждения и раздвинули мой критический кругозор до масштабов понимания нужд страны и народных бедствий...

Вся семья Костериных была большевистской. Старший брат — с 1903 г., отец — с 1905 года, средний брат — с 1909 г., младший — сам Алексей Евграфович — с 1916 года, мать с 1917 г. ... Когда я познакомился с Алексеем Евграфовичем, в живых оставался он один. Отец умер в зиму 1933 года от голода. Старший брат был арестован и расстрелян в 1936 году, среднего брата исключили из партии, сняли с работы и над ним навис арест... он запил и умер... Мать, когда арестовали старшего сына, положила свой партийный билет... После смерти среднего сына и ареста младшего ее не стало и ее, не выдержало сердце».

Алексей Евграфович Костерин, участник гражданской войны, был журналистом, литератором — одним из создателей литературной группы «Молодая гвардия». В 1937 году он был арестован. Семнадцать лет провел на колымской каторге.

После реабилитации и восстановления в партии он выпустил несколько сборников рассказов, опубликовал дневник дочери Нины, погибшей в 1941 году на фронте. Но главным своим делом считал борьбу против сталинщины. В гражданскую войну он сражался на Северном Кавказе, потом несколько лет там работал, он знал жизнь ингушей, чеченцев, кабардинцев, балкарцев. Страшные судьбы этих народов, изгнанных в 1944—1945 годах по сталинским указам, гибель тысяч людей были для Костерина нестерпимой болью. Он писал Хрущеву, выступал на собраниях, добивался возвращения изгнанных народов, восстановления их прав. После того как чеченцы, балкарцы, ингуши вернулись, он вместе с Писаревым продолжал отстаивать права крымских татар, месхов, немцев Поволжья.

В 1966 году в Институте истории АН СССР шла дискуссия по книге Ал. Некрича «22 июня 1941». П. Григоренко произнес речь. Он защищал Некрича от бешеных нападок партийных историков, которые не хотели допускать и тени правды о том, как бездарная, преступная политика Сталина, его слепое доверие к Гитлеру привели к гибельным поражениям 1941—1942 годов.

Григоренко обстоятельно доказывал: действительность была страшнее того, что удалось высказать Некричу. Он рассказывал, ссылаясь на документы и на свой личный опыт, как за четыре года до войны было уничтожено большинство командиров Красной Армии и флота, большинство руководителей военной промышленности.

Еще до первых выстрелов 41-го года Красная Армия понесла неизмеримо большие потери, чем любая армия, потерпевшая катастрофическое поражение.

Эта речь Григоренко широко распространялась в самиздате.

Л. Алексеева пишет:

«17 марта 1968 года в честь 72-летия А. Е. Костерина представители крымско-татарского народа в Москве устроили вечер. На этом вечере они познакомились с П. Григоренко, другом Костерина... С этого дня он принял в сердце горе крымских татар и помогал им так, как если бы был одним из них».

Весной 1968 года Петр Григоренко с группой бывших коммунистов направил письмо Будапештскому совещанию коммунистических и рабочих партий, призывая зарубежных коммунистов поддержать в СССР тех, кто сопротивляется возрождению сталинизма.

Пятого декабря, в День Конституции, он с друзьями пришел к памятнику Пушкину. Несколько человек одновременно сняли шапки, молча демонстрируя против беззаконий и солидаризуясь с политическими заключенными. С тех пор эти демонстрации стали традицией.

...В октябре 1968 года у дверей городского суда, где шел процесс Ларисы Богораз, Павла Литвинова и других участников августовской демонстрации против вторжения в Чехословакию, Григоренко собирал прямо на улице подписи в защиту обвиняемых.

* * *

В апреле 1969 года Григоренко получил телеграмму из Ташкента, его просили приехать на процесс Мустафы Джемилева, одного из отважных борцов за права крымских татар.

Григоренко поехал, был арестован. (Позже никому не удалось узнать, кто же послал телеграмму. Просто КГБ тогда еще не хотел арестовывать бывшего генерала в Москве. И ташкентский суд не решился вынести обвинительный приговор.)

Его опять направили на психиатрическую экспертизу в Ленинград, потом в Институт Сербского, а потом в специальную психиатрическую тюрьму в Черняховск.

Петр Григоренко пробыл в психиатрических тюрьмах почти шесть лет. При каждом новом испытании, перед каждой новой пыткой ему предлагали покаяться, отречься. Он знал, что отречение означало бы конец мук, выход из одиночной камеры, из палаты умалишенных. Но он не уступал и не отступал. Он был упрям тем упрямством, которое становится героизмом.

Герой всегда исключение. Людям свойственно избегать мук, уклоняться от борьбы с явно более сильным противником. Мы не считаем себя вправе осуждать тех, кто не выдержал тюрьмы, страданий, отрекся под страхом смерти или из жалости к семье. Но тем большее уважение, восхищение вызывают неколебимые, самозабвенные.

Таков Петр Григоренко.

В одиночной камере он хотел заниматься немецким языком, старался сперва по памяти, «наизусть» восстанавливать запас слов, правила грамматики.

Мы посылали ему книги, словари. Приводим некоторые из писем:

2.11.70, КПЗ

«Дорогой Лев Зиновьевич!

Предельно рад в первые же дни здесь получить от Вас весть, и хотя эта «весть» имеет реальную материальную ценность, но тронуло меня больше всего то, что Вы и без меня надежно связаны с моей семьей. 18.10. вечером я прибыл сюда, а 19-го я уже получил Вашу первую бандероль... а вчера получил вторую Вашу бандероль (Гейне и две книжки Брехта, одна на немецком, другая на русском)...

От меня горячий привет жене, дочерям, зятьям и внукам. Обнимаю Вас, мой дорогой друг. Будем надеяться на скорую встречу».

«Черняховск, 30.12.1971

Дорогой Лев, здравствуйте!

Вчера получил Вашу открытку. Искренне, от души рад ей. За мое отсутствие произошли такие потери... среди уважаемых, дорогих и близких мне людей, что узнать о том, что кто-то из них продолжает оставаться в той же ипостаси — большая радость для меня...

О себе я Вам писать не буду. Живу только одним — надеждой на скорое возвращение к семье...

...Имеется просьба. Я писал З. М., и она обещала попробовать выполнить мою просьбу — достать двухтомник Борхерта (на немецком). Получив Вашу открытку, я подумал, что, может, у Вас есть связи с «Иностранной книгой». Если да, то помогите З. М. выполнить мою просьбу. И еще. Из «Литературки» я узнал, что в ФРГ вышел новый роман Бёлля «Групповой портрет с дамой» (немецкого названия романа я не знаю, а делая обратный перевод с русского, можно и не попасть в то название, под которым он вышел в ФРГ). Мне очень хотелось бы достать этот роман. Если это в Ваших силах, подарите мне его (за мои деньги, разумеется). А вообще мне хотелось бы иметь все, что издано Бёллем. Но это программа-максимум. Этим я займусь сам, когда вернусь домой, а пока «Групповым портретом».

Какие у меня успехи в немецком? Помоему, неплохо в смысле одностороннего перевода (с немецкого). Обратного перевода не пробовал. Без бумаги и ручки начинать это невозможно. Активного запаса слов фактически нет. Да и откуда ему взяться, если ни с кем не разговариваю. Выговор у меня, наверно, тоже аховый, хотя читаю я все время вслух. Но ведь никто не поправляет...»

Л<ев Копелев> писал ему:

«24 января 1972 года.

Дорогой Петр Григорьевич,

Ваше письмо меня очень обрадовало и, так сказать, содержанием и формой — выраженным в нем бодрым настроением и самым фактом. Звонил Зинаиде Михайловне, узнал о последних невеселых новостях, у нее опять приступ астмы... И все же хочу сам и Вас всей душой призываю: надеяться, верить, беречь силы, не поддаваться унынию. Я твердо убежден, что в этом году Вы вернетесь к семье, будете иметь возможность спокойно в добром здоровье читать хорошие книги, слушать хорошую музыку, радоваться лесу, цветам, солнечному теплу... Вы с честью заслужили право на покой и благополучие, и, пожалуй, именно в нашем возрасте только и начинаешь по-настоящему понимать драгоценность каждого часа, который можно уделить таким высоким наслаждениям.

<...> И также только теперь по-настоящему становится понятным для меня, как, вероятно, и для Вас, мудрый стоицизм Пушкина и Тютчева. Не знавший старости Пушкин обладал такой поразительной просветленной мудростью, которая мне все более необходима, именно теперь, на исходе шестого десятка. Утешнее любой молитвы мне, грешному, его элегия:

...Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь...

Вашу просьбу о книгах Борхерта постараюсь выполнить возможно скорее, пока еще не достал. Посылаю три повести Бёлля — русские переводы и немецкие подлинники (две книжки с автографами автора!!!). Надеюсь, что они Вам и понравятся, и помогут в дальнейшем овладении языком. Буду рад любой возможности помочь Вам — пишите, спрашивайте, давайте заказы на книги и учебные пособия.

Будьте здоровы, здоровы, здоровы!!! Вся моя семья сердечно приветствует Вас и желает доброго здоровья и скорого возвращения домой».

В тот же день было послано письмо начальнику спецтюрьмы:

«Администрации учреждения 216/2

Уважаемые товарищи!

Очень прошу вас возможно скорее передать прилагаемые книги Петру Григорьевичу Григоренко — это переводы и подлинники повестей известного немецкого писателя Генриха Бёлля. Сопоставляя перевод с подлинником, Петр Григорьевич может совершенствовать свои знания немецкого языка, изучать теорию и практику перевода художественной литературы. Он проявляет серьезную заинтересованность этими проблемами и — могу вас заверить как специалист — высказывает очень дельные мысли.

Бодрое, жизнерадостное письмо, которое я получил от него к Новому году, очень порадовало всех, кто знал Петра Григорьевича и, естественно, озабочен его судьбой. Его занятия немецким языком и проблемами перевода несомненно благотворны для него со всех точек зрения. Полагая, что и вы могли уже убедиться в этом, я решаюсь просить вас позволить, наконец, Петру Григорьевичу пользоваться письменными принадлежностями, без чего невозможно дальнейшее активное изучение иностранного языка. Я позволю себе обратиться к вам с такой неофициальной, но очень горячей просьбой, потому что принадлежу к числу лиц, кто, не разделяя многих взглядов Петра Григорьевича, глубоко уважает его как самоотверженного, талантливого и доброго человека. Вы, вероятно, знаете, что так думают о нем все, кто знаком с ним или с его публицистическими и научными работами. А таких людей очень много и у нас в стране, и за рубежом.

Решительное изменение его судьбы, видимо, от вас не зависит, но от вас зависит, чтобы его жизнь в вашем учреждении была возможно менее тягостной. За это вы ответственны прежде всего перед вашей собственной совестью. Петра Григорьевича Григоренко — героя Великой Отечественной войны, ученого и общественного деятеля — никогда уже не забудут ни его друзья, ни знакомые и незнакомые, ни беспристрастная история, никто из людей, сталкивавшихся с ним. Не забудете его и вы, поэтому для вас же хорошо теперь поступать так, чтобы вам и через многие годы, вспоминая о нем, не пришлось испытывать угрызений совести перед детьми и внуками. Пожалуйста, поймите меня правильно: доброе, человеческое отношение к Петру Григорьевичу может быть только полезным для всех — и для него, и для спокойствия души каждого из вас, и для престижа государства.

Желаю всем, кто будет читать это письмо, и всем вашим родным в наступившем году хорошего здоровья, исполнения добрых надежд и доброго счастья».

Петр Григорьевич писал нам редко.

«5.11.72 г.

Получил ваши две бандероли, два тома Брехта, VII и VIII и клюкву в сахаре. Конечно, я благодарен за обе бандероли. Тем более — клюква в сахаре, наверное, только появилась в продаже. Сужу об этом по тому, что одновременно с вашей бандероль с тем же содержимым выслал мне Анатолий Якобсон. Но все же больше я восхищен бандеролью с книгами. Мне прямо неудобно. Вы так рискуете ценными книжками, разрозниная к тому же издания. Я, конечно, постараюсь вернуть все с полной исправностью, но я никогда не забуду эту жертву. Я уже начал читать «Жизнь Галилея» Брехта, боялся, что разговорная речь не пойдет у меня, оказывается, пошла очень хорошо. А вот «Фауст» не идет. Видимо, надо читать в нашем издании с комментариями...»

«Троицко-Антропово, 1 марта 74

...Майя спросила меня, что прислать из немецких книг. Я сказал, что полагаюсь на вкус ее папы. Затем сказал, что его вкус в прошлом меня не подвел, и кратко отозвался о том, что читал. При этом сравнил Брехта в оригинале с тем, как его поставил Любимов. Майя спросила: «А пьесы Дюрренматта Вы читали?» Я сказал, что нет. Вот она, видимо, истолковала мой ответ как мое желание познакомиться с этим автором. Сознайтесь, это очень вольное толкование. Я не мог ни желать, ни не желать этого автора, т. к. я его просто не знаю. Но т. к. всякое познавание нового — праздник ищущего ума, я, конечно, рад книге, хотя меня при этом расстраивает, что приходится рисковать авторским экземпляром...»

* * *

Р<аиса Орлова>. Я видела Петра Григоренко до его ареста мельком, слышала о нем много. И он нередко возникал в моем воображении.

Генерал на трибуне партийной конференции.

Генерал у дверей суда.

Генерал на площади.

А потом он — в тюремной одиночке.

Я в то время должна была писать книгу о Джоне Брауне. Она мне не давалась. Прочитала много книг, собрала много фактов, но никак не могла нащупать главного. Почему он ворвался в арсенал южан в Харперс-Ферри? Что им двигало? Как именно хотел он освободить негров? Что было у него на душе? Не знала. Впору было отказаться от книги, но на это я не имела никакого права...

Друг, с которым я делилась своими заботами, ответил:

— Представь себе Григоренко и пиши.

Не помню, как пошло дальше, но когда книгу опубликовали, мне несколько читателей говорили:

— А ведь тут многое похоже на наше диссидентство...

...1975 год. У нас в комнате сидит уже не воображаемый, а реальный Петр Григорьевич. Лев называет его Петро, а мне хочется — «генерал».

Сила. Огромная внутренняя сила. Дар — командовать. Будто он и рожден генералом. И сознает это. Не слышала, чтобы он повышал голос, но металл иногда звучит.

Рассказчик замечательный, почти все вижу. Потом о многом прочитала в его «Автобиографии», сначала услышала.

Строго выполняя приказ, как и все приказы, потребовал, чтобы все солдаты в его дивизии носили каски. И сам поступал так же. Начальник политотдела Брежнев упрекнул в «бюрократии»: «Вы что, за свою голову боитесь... бережете?»

Что может быть страшнее для храбреца, чем упрек в робости? Но Григоренко ответил:

— Берегу не только свою, берегу жизни солдат. Да и каски эти в тылу делали, ночей не спали не для того, чтобы их в сумках таскали...

Разрыв мины — каска действительно спасла ему жизнь. Потом с вмятиной возили по войскам, показывая солдатам, как надо выполнять приказы.

Слушая его рассказы, еще острее ощутила: ту горькую чашу, которую ему пришлось испить, он мог отстранить от себя. Он мог — легко — не стать диссидентом. У него было все, что может получить тот, кто принадлежит к самой высокой номенклатуре: звания военные и ученые, любимая работа, квартира, достаток, полная возможность дальше учиться самому и учить других.

Воевать против сверхдержавы вышел не пылкий романтический юноша. Григоренко стал участником правозащитного движения, уже прожив полвека. Ядро его личности оказалось непробиваемым.

...18 мая 1944 года в одну ночь крымско-татарский народ был сталинским указом выселен из Крыма в Казахстан, людей везли в вагонах для скота, больше половины погибли в пути.

После смерти Сталина другие «наказанные» народы вернули, в 1967 году формально, без оглашения в печати, реабилитировали и крымских татар. Но возвращаться в Крым им было запрещено. Об этом знали многие. Знали, но либо вовсе об этом не задумывались, либо отталкивали от себя горькое знание — что же поделаешь? — принимали как должное. А Григоренко, узнав,

уже не мог жить по-прежнему. Он был рожден для дел, верил в дела.

Я видела его только в небольших московских квартирах, у нас, у них, у нашей дочери, у общих друзей. Но представляла во главе войска на поле боя. Такой прикажет — и трудно ослушаться.

Впрочем, видела я Петра Григоренко и в большом зале Публичной библиотеки Нью-Йорка 3 сентября 1981 года. Он был третий год в изгнании, мы — первый. Мелькали, словно и впрямь на том свете, люди, уехавшие за прошедшие десять лет. Григоренко сидел за краешком стола,— полагалось стоять — потерянный, неумело жевал какой-то сандвич. Нет, тут он генералом не был.

Но это уже другой этап его, нашей, общей жизни.

* * *

В 1974 году Петра Григорьевича, наконец, освободили. Этому предшествовали многочисленные ходатайства, требования, протесты, которые Советское правительство получало из разных стран, от разных людей.

Вернувшись в Москву, Григоренко стал жить так же, как до ареста. В маленькой квартире с утра до поздней ночи не умолкал телефон, не прекращалось движение людей. Приходили московские и приезжие друзья и вовсе не знакомые, родственники арестованных, ссыльных, крымские татары, немцы из Казахстана, отказники-израильтяне, литовские католики, баптисты... И, разумеется, приходили иностранные корреспонденты...

В 1976 году Петр Григорьевич стал членом московской Хельсинкской группы, организованной физиком Юрием Орловым, а затем и киевской Хельсинкской группы, которую организовали его друзья — поэт Микола Руденко и учительница Оксана Мешко.

И снова ему угрожали. И прямо, непосредственно, и через «доброжелателей». Когда Петр Григорьевич и Зинаида Михайловна выходили из дому, за ними, даже не пытаясь скрываться, шли филеры.

Но он не мог жить иначе. Он написал в книге «Наши будни», которая разошлась в самиздате:

«Правозащитное движение — самое важное дело оставшихся лет, а быть может, и месяцев.

Ведь это мой 50-летний труд вложен в то, чтобы создать тот общественный порядок, при котором преступники, истребившие 66 миллионов советских людей, не только не наказаны, но окружены почетом и сами наказывают тех, кто пытается напомнить об их преступлениях. Это я приложил руку к тому, чтобы в стране утвердилось беззаконие...

Это моя прямая вина в том, что родители не могут жить в одной стране с любимым сыном...

Это такие, как я, виноваты в том, что... народ обсели со всех сторон и обжирают его тучи чиновной саранчи...»

В 1977 году были арестованы руководители и участники хельсинкских групп: Орлов, Гинзбург, Щаранский, Руденко, Тихий. В разных городах участились аресты и обыски.

Сын Андрей Григоренко с женой решили эмигрировать. Петр Григорьевич тяжело болел. Ему необходима была операция аденомы, но и семья, и врачи опасались за его сердце. Было известно, что такие операции в США делают по новому методу, более совершенному. И те, кто ему угрожал психтюрьмой, предложили выехать за границу на лечение. Друзья уговорили его и Зинаиду Михайловну. Они уехали втроем — с младшим сыном, тяжело больным от рождения.

Едва они оказались в Нью-Йорке, Советское правительство объявило о том, что Петр Григоренко лишен советского гражданства.

После операции он сразу стал продолжать жизнь, подобную московской.

Мы получили от него несколько писем.

«11 января 1980 г., Нью-Йорк [1].

Дорогой Лев!

Сам я старик задерганный, а все еще чего-то добиваюсь и, считая тебя младшим, задаю тебе работу. Первое и главное — передай как-нибудь прилагаемое письмо О... дело это очень важное. Она и теперь, как и в свое время, ожидает от Запада невыполнимого. Она думает, что если долго кричать отсюда о комнибудь по радио, то его выпустят. Но это глупости. Кремль ведет беспроигрышную игру: дает здешним накричаться, а потом кого-нибудь выпустит, но не даром, а в обмен на настоящих преступников, советских шпионов или на чилийского секретаря [2]. И этим затыкает рот Западу. А тут все начинают радоваться — кое-кто начинает благодарить Советский Союз за гуманизм. Находятся и такие, кто кричит о победе и радуется, что заставили СССР отступить. Дураки, дураки! Я давно уже понял, что тут играют в одни ворота.

Но я продолжаю писать заявления, рассказывать об арестованных друзьях, протестовать против неправедных приговоров и требовать всеобщей амнистии.

...Время у меня здесь «растянутое», не остается времени на сон и на то, чтобы пожаловаться на здоровье. Но так уж вышло, что я здесь все время был страшно перегружен. И никто в этом не виноват, кроме меня самого. Не могу себя освободить. Тоска задавит. Очень тоскую по родине и друзьям. Но хватит об этом. Продолжу то, с чего начал. Уже в прошлом году мне пришла мысль, что необходимо провести одну большую, хорошую кампанию за всех. И я начал всюду стучать во все двери, требовать, чтобы Мадридское совещание (по проверке Хельсинкских соглашений) стало поводом для такой кампании. Сейчас дело вроде двинулось. В марте — апреле хочу проехаться по Европе. Дополнительно повлиять на общественное мнение, чтобы поставить твердые требования правительственным делегациям европейских стран, чтобы они на Мадридском совещании единодушно проголосовали за немедленное освобождение всех членов хельсинкских групп и за всеобщую политическую амнистию в СССР и странах Восточной Европы. А если Кремль на это не согласится, то признать Заключительный акт Хельсинкского совещания недействительным и требовать заключения мирного договора. Прочитай мое письмо, прилагаемое для О., и увидишь, какой помощи я ожидаю от украинской Хельсинкской группы. Думаю, что и ты мог бы помочь, если напишешь соответствующее письмо, скажем, Генриху Бёллю. О чем писать — сам сообразишь, если точно осознаешь, чего мы добиваемся...

Для соответствующей подготовки общественного мнения и влияния на сово правительства нужно создать во всех западных странах группы по типу наших хельсинкских.

...О себе писать нечего. Книжку закончил. По-английски она выйдет будущей зимой, по-французски намечается еще в марте этого года. Русских и украинских издателей еще нет».

Книга, о которой тогда писал Петр Григорьевич,— его воспоминания [3]. Они оказались интересны, значительны не только как рассказ о жизни очень хорошего человека, но и как правдивое историческое свидетельство о целой эпохе в жизни нашей страны.

Его повествование не претендует на художественность, оно развивается замедленно, особенно вначале, неровно.

Однако автор вправе повторить слова Льва Толстого: мой главный герой — правда.

Сын небогатого крестьянина, Петро Григоренко едва помнит свое детство: не было в нем значительных событий, мало было радостей. Он учился, работал, стал комсомольцем, потом красноармейцем вступил в партию. Он с юности безоговорочно верил в идеалы коммунизма, в будущее справедливое общество без войн, угнетения, национальной вражды. Верил, что программа большевиков — единственный путь к такому идеальному обществу. Его веру не могли поколебать ни бедствия родной деревни в годы коллективизации, ни страшный голод, погубивший немало его близких и соседей, ни годы террора, ни арест брата...

Но, несмотря на его приверженность идеологии, несмотря на безоглядное подчинение партийной и армейской дисциплине, он сохранял глубоко укорененные основы нравственного мироощущения. Его представления о добре и зле были исконно народными, и даже когда он был убежденным атеистом, они оставались бессознательно религиозными; он сострадал терпящим бедствия, гонимым, всегда готов был прийти к ним на помощь. Ему отвратительны ложь, несправедливость, лицемерие.

Когда в 1937 году арестовали его брата, он, не раздумывая, бросился на защиту, писал ходатайства в партийные и судебные учреждения, хотя в то время все знали, как опасна защита «врагов народа».

Отец Сергей Желудков (1914—1983) называл Петра Григоренко «анонимным христианином» в 70-е годы (когда тот еще считал себя атеистом).

В июне — июле 41-го года полковник Григоренко, работник штаба армии, расположенной на Дальнем Востоке, говорил с товарищами о неподготовленности Красной Армии к войне. За это он получил выговор, но вскоре добился отправки на фронт в действующую армию. Этот выговор был снят лишь в конце войны, когда дивизия, которой командовал полковник Григоренко, одержала несколько блестящих побед. Выговор снимал политотдел корпуса, начальником которого был полковник Леонид Брежнев.

(Когда Григоренко вернулся в Москву после тяжелых тюремных лет, мы его спросили: «Почему ты ни разу не написал Брежневу? Почему не разрешил жене обратиться к нему, напомнить о фронте?» — «Он меня знает. Если бы хотел, мог бы сам проявить инициативу...»)

Петр Григоренко, крестьянский сын, украинец, ставший русским генералом и ученым, защищал права русских, украинцев, крымских татар, евреев, немцев, всех малых народов, угнетаемых империей. В этом он законный наследник традиций русской и украинской интеллигенции, традиций Герцена, Шевченко, Толстого, Горького, Короленко. Но в этом сказалась и его неизменная преданность тем юношеским комсомольским идеалам интернационализма, которые для советской партократии давно уже стали пустыми словами.

Григоренко много страдал. И в эмиграции ему жилось тяжело. Не только потому, что он неутомимо тосковал по родным краям, по сыновьям и внукам, но и потому, что он болезненно воспринимал взаимное непонимание с людьми Запада и со многими враждующими между собой эмигрантами.

И все же его нельзя назвать несчастным. Потому что он выстрадал жизнь в согласии с совестью. Потому что рядом с ним, разделяя все его испытания, была его жена и верный друг — Зинаида, обаятельная женщина и храбрый боец, перед которой отступали и самые наглые чиновники КГБ.

История жизни Петра Григоренко поможет приблизиться к пониманию того, что многим людям на Западе представляется непостижимой тайной русской истории и русской души. Он — подтверждение простой и невероятной истины: в самые страшные годы вопреки лжи, произволу в России жили люди, которые верили в идеалы социализма, оставаясь хорошими людьми, сохраняли традиции национальной культуры, народного нравственного сознания.

Жизнь Петра Григоренко — историческая трагедия. И герой ее не один, а множество людей из нескольких поколений его соотечественников. Этот коллективный герой, подвижник и мученик, отягощен трагической виной: из лучших, благородных побуждений он участвовал в злодеяниях.

Достигнут ли катарсис? Очищены ли страданиями и гибелью те, кто так и не осознавали своей совиновности?

Мы не находим однозначного ответа.

Но тут мы убеждены: Петр Григоренко очистился.

Выступая впервые в 1961 году, он не собирался быть диссидентом, противником своей партии, он не хотел бороться против Советского государства и не сомневался в праведности его основ. В ту пору он хотел прежде всего заниматься научной работой, его интересовало применение кибернетики в армии больше, чем государственная политика.

И в этом он тоже близок ученым — Андрею Сахарову, Сергею Ковалеву, Юрию Орлову, которых раньше научные проблемы привлекали больше, чем политические. И писателям Виктору Некрасову, Георгию Владимову, Владимиру Войновичу, которые хотели писать романы, рассказы, пьесы, а не воевать с прокурорами и КГБ.

Нельзя понять природу советского общества, забывая о том, что его жизнеспособность создают вовсе не те, кто им правит, не сановные бюрократы, послушные аппаратчики. А те честные люди, которые просто не умеют плохо работать, преданы своему призванию и своей стране. Многих таких людей мы знаем. Таким был Петр Григоренко.

И советская система нередко превращает в своих противников именно таких людей, лояльных, бескорыстных, стремящихся только к улучшению этой системы, но не способных ни лгать, ни приспосабливаться ко лжи.

Некоторые новообращенные антикоммунисты, выросшие в СССР, в условиях жестко двухмерного мировоззрения («кто не с нами, тот против нас»), судят и о своем прошлом, и об истории своей страны так же односторонне и так же нетерпимо, как их отцы судили о белогвардейцах, о меньшевиках, о троцкистах и т. д.

В отличие от них Петр Григоренко воплощает то видение мира, которое определяется не только памятью и зоркостью, но и сердечной добротой.

Он рассказывает о множестве разных людей, книга его густо населена. В людях он видит прежде всего хорошее.

Мы не разделяем некоторых его восторженных оценок. А в двух случаях с огорчением прочитали, как П. Григоренко осудил людей, которые этого не заслужили, — М. Улановскую и Ю. Кима.

* * *

П. Григоренко радовался своему возвращению к детской религии, к церкви, отстаивал политические и философские взгляды, противоположные тем, которых придерживался раньше. С любовью писал он о новых друзьях-диссидентах. Но это не мешало ему благодарно вспоминать и о честных людях, которые не стали его единомышленниками.

Гёте говорил о солнечной природе человеческого глаза, в силу которой он способен воспринимать солнечный свет. Вероятно, благодаря этой «солнечности» человеческий глаз еще и зеркален. И в нем отражается смотрящий на него. Отражается в глазах друзей и случайных собеседников.

Добрый взгляд Григоренко видит и в прошлом, и в настоящем больше хороших людей, чем плохих, еще и потому, что это он сам отражается в их глазах.

[1] Подлинник на украинском. Л<ев Копелев> с Петром Григорьевичем разговаривали по-украински, а переписка в годы, когда он был в тюрьме, могла вестись только по-русски.

[2] Имеется в виду обмен Буковского на Корвалана и обмен пяти советских заключенных на шпионов.

[3] П. Григоренко. В подполье можно встретить только крыс. Нью-Йорк, 1981.

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

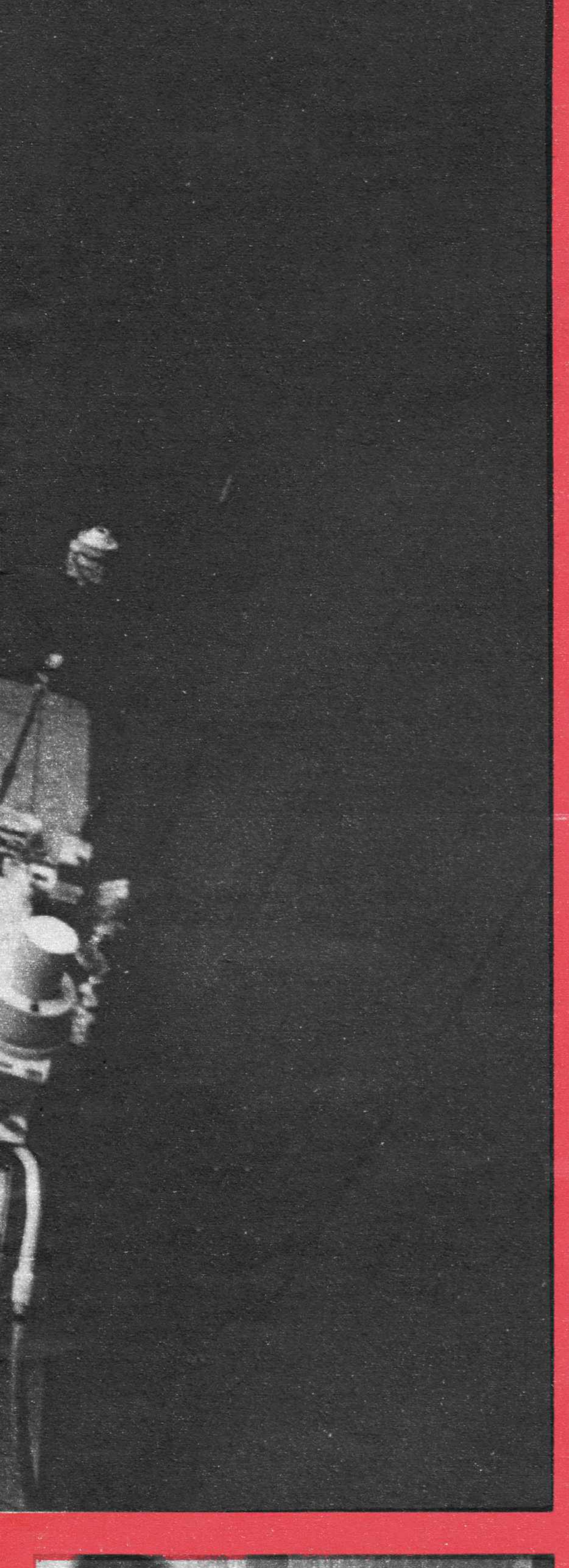
Галина КУЛИКОВСКАЯ.
Фото Александра НАГРАЛЬЯНА.

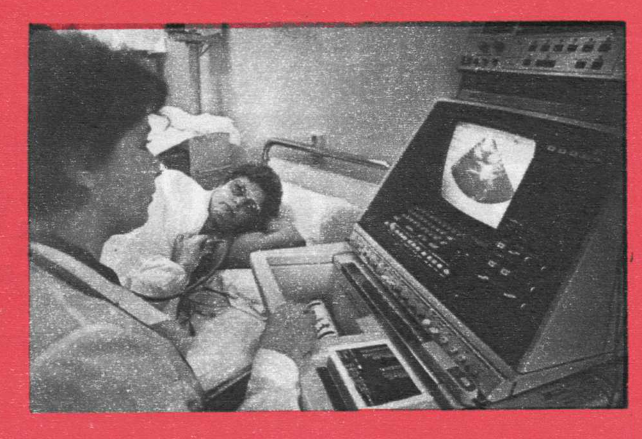

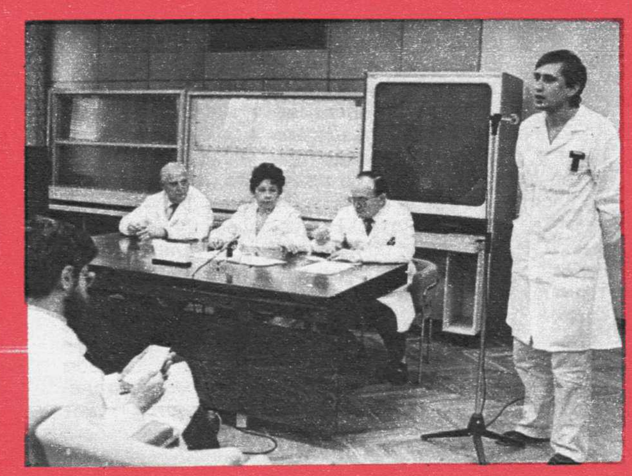
Москва, Мичуринский проспект, 6. Основательная кирпичная стена, которой, если б не чугунная решетка поверху, могла бы позавидовать сама Бутырка. Вот такой преградой отмежевались от народа его вожди — высокопоставленные пациенты, поступавшие сюда. С 1975 года здесь размещалась больница № 1 Четвертого главного управления Минздрава СССР. Естественно, что насыщалась она самой-самой что ни на есть современной аппаратурой. Ведь лечили тут членов Политбюро и ЦК КПСС.

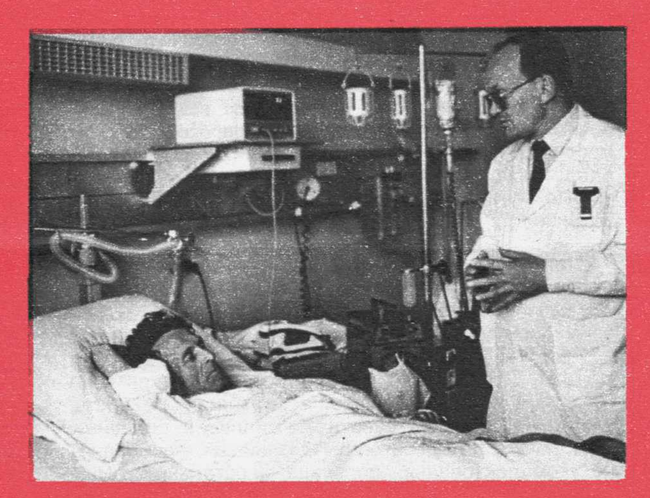
Ныне здесь другая вывеска: «Всесоюзный клинико-диагностический центр. Министерство здравоохранения СССР». То, что должно было быть доступно тяжело больному человеку вне зависимости от того, на какой ступеньке социальной лестницы он стоит, возвращено наконец народу.

Внешне сохранено все, как прежде: респектабельная, с телефонами и креслами проходная, человек с пронзительным взглядом, выписывающий и проверяющий документы, необъятная парковая ширь, сверкающий белизной корпус. Такая же, как и была, внутренняя структура больницы: стационар на 240 коек, восемь специализированных отделений, клиника на семьсот по-

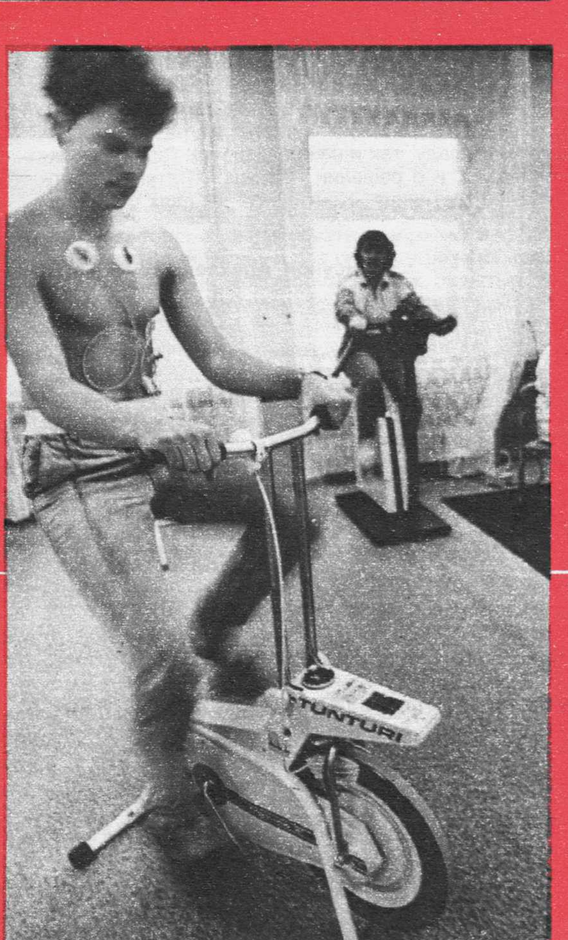
сещений в день. Впрочем, понятие «койка» здесь своеобразное, это палата на одного или двух человек с телевизором и телефоном на тумбочке возле кровати. Сохранен, как здесь говорят, «пока» и цековский рацион питания из расчета 4 рубля 30 копеек в сутки (кстати, для членов Политбюро он был без малого в два раза выше).

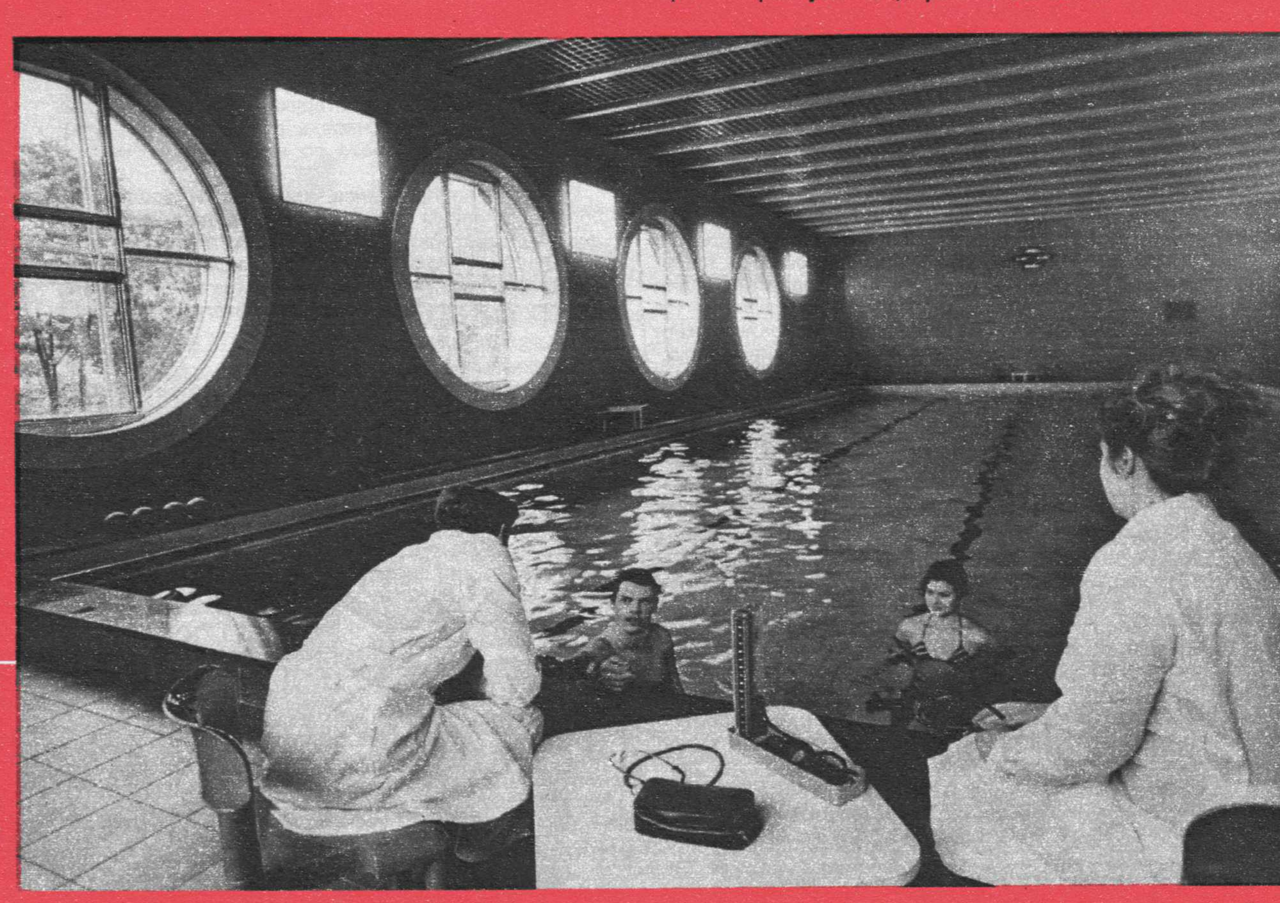
Однако главное богатство этой больницы заключено в методах диагностики и лечения всех, какие только известны, заболеваний, с помощью самых последних достижений современной медицинской науки и техники и особо внимательного и уважительного подхода к больным. В распоряжении врачей компьютерный рентгеновский томограф американской фирмы «Дженерал электрик» пятого поколения; французский ультразвуковой простатрон с компьютером; эхокардиографы; разработанные в нашей стране колонки для иммуносорбции, необходимые для очищения крови, лимфы и удаления аллергена.

В палате реанимации отделения неотложной кардиологии мы увидели в работе у постели больного инфузоматор с монитором фирмы «Браун» (ФРГ), обеспечивающий дозированное поступление лекарственных препаратов. Больной А. И. Степанов, контрольный мастер одного из заводов, был доставлен сюда «Скорой» из городской больницы № 17 с приступом якобы язвенной болезни. Немедленное обследование с помощью томографа показало: не в язве дело — тяжелейший инфаркт миокарда. Счет пошел на минуты, и жизнь А. И. Степанова была спасена. А семнадцатилетняя дочь рабочей угольной шахты в Караганде? Девушке два года говорили: «У тебя туберкулез легких». Компьютер показал опухоль. Сделали операцию и вовремя, скоро девушка сможет поехать домой.

Всесоюзный центр по технической оснащенности и уровню лечения подобен острову сокровищ в замутненном океане советского здравоохранения. Поначалу к нему были прикреплены три столичных района: Гагаринский, Солнцевский, Ленинский. Теперь сюда направляют больных Минздрав Союза, главное управление здравоохранения Москвы, диагностические центры союзных республик. Москвичей и жителей Московской области здесь больше всего — 76 процентов. Каждая история болезни человека, оказавшегося на Мичуринском проспекте, своего рода обвинительное заключение врачу, лечившему больного до поступления в Центр, и свидетельство убогой технической вооруженности больниц и поликлиник на местах.

Всесоюзный центр клинической диагностики молод: только 16 апреля был подписан приказ о его создании (последний пациент из «тех», а им был бывший секретарь ЦК КПСС Русаков, выписался 27 мая). Но уже сейчас Центр может и должен стать научно-методическим по подготовке специалистов наивысшей квалификации, а также возглавить аналогичные учреждения, создающиеся в республиках, краях и областях.

«БАРХАТНЫЙ СЕЗОН» ДЛЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

ГУРЗУФ: ВХОД ТОЛЬКО ПОСТОРОННИМ?

Галина ПОТАПОВСКАЯ

Драка, происшедшая нынешним летом в Гурзуфе, даже для местных жителей осталась в некотором роде загадкой. Истинную причину так никто объяснить мне и не взялся. Лишь хором опровергали местные жители заметку в одной центральной газете, которая объяснила конфликт желанием гурзуфцев выгнать, наконец, раз и навсегда ненавистных курортников.

И Гурзуф полупустовал в августе и сентябре этого года. «Дикари», насмерть перепуганные публикацией, разъехались, а квартиросдатчики понесли убытки. На конечной симферопольского троллейбуса гурзуфские хозяйки за руки ловили приезжих, предлагая не просто дом, но и сносный стол. Тщетно. Патриоты маленького городка не могли объяснить каждому, что курортников никто цепями и кольями с пляжей не выгонял. Смешно! Курортников, чьи отпускные рубли составляют едва ли не половину годового бюджета почти каждой здешней семьи.

Так кто же и с кем дрался? Из-за чего?

Дрались из-за набережной. Тенистая, гладко забетонированная, вечно полная народу гурзуфская набережная долгие годы была негласной вотчиной бывших кустарей, ныне кооператоров, торговавших тут сатиновыми юбчонками и рукодельными штанами под джинсы. В основном кооператоры (гурзуфцы зовут их всех «запорожцами») наезжали с Кубани и Украины. Платили дань рэкетирам. И, что ни утро, раскладывали на прилавочках свой немудреный товарец — жевательную резинку, импортное мыло, поддельную косметику, эротические открытки и резиновые шлепанцы. Рядом, не стесняясь милиции, шебаршили наперсточники. Давно притершиеся друг к другу партнеры жили мирно. Не ссорились они и с местной молодежью.

Как ни тяжко это признавать гурзуфцам, но в ставшем знаменитым сражении основной, если не главной, ударной силой была именно местная, гурзуфская молодежь. Жертвы почти явной крымской безработицы, не знающие, куда себя приткнуть ни до армии, ни после нее, они вольно или невольно с приезжими теневыми бизнесменами вступали в сотрудничество. Стояли на подхвате в ларьках, подыгрывали в актерских бригадах наперсточников, из года в год держали для денежных теневиков лучшие комнаты в своих квартирах. А в последние годы крымские совхозы, пользуясь щелочкой свободы, начали пытаться привлекать юнцов к уборке урожая. Присланные на южный берег эмиссары с изумлением передавали всем и каждому ответы на предложение заработать на виноградник двести рублей в месяц: «Да на что мне ваши копейки! Я сейчас пойду на набережную и за день сделаю «кусок» [1]!». Словом, в борьбе за рабочую силу теневая «биржа» одержала полную победу над государством.

Однако ситуация изменилась не для одних совхозов. На южный берег хлынуло новое поколение кооператоров. Сплошь и рядом зарегистрированные на другом конце нашей необъятной Родины, хорошо сцепленные с полукоррумпированными «торгами», они являлись с оптовыми партиями товаров, со своим, и отличным, транспортом и со своими же сотрудниками, никого со стороны к сотрудничеству не звавшими, то есть с укомплектованными штатами. Новые теневики начисто игнорировали прежние порядки. С рэкетирами разобрались быстро — попросту привезли своих вымогателей, которые прежних практически смели с набережной. В результате множество народу осталось не у дел.

Ситуацию усугубляло еще и то обстоятельство, что среди вновь явившихся кооператоров было много кавказцев. Гонимые еще более острой, чем крымская, «знаменитой» кавказской безработицей, они были особенно напористы, хватки и оперативны. На подхват, на черную работу они охотно брали беженцев, точно рассчитав, что люди, пережившие буквально вчера гибель близких и резню, враз потерявшие все, вынужденные кормить лишенные куска хлеба огромные южные семьи, будут работать не за страх. Набережную заполонили восточного типа мужчины, которым за курортный сезон необходимо было выбить из южного берега все, что из него возможно выбить вообще.

Этим последним прежние владыки набережной ни по части сообразительности и торговой хватки, ни запредельной отвагой не годились даже в подметки. От внезапной бескормицы бывшие владыки рынка поначалу пустились во все тяжкие. Это именно они, потеряв последнюю надежду хапнуть прежние «бабки», могли средь бела дня, солнечным полднем прижать к стене молодую женщину и, играя татуированными бицепсами, заставить ее снять с шеи золотую цепочку или грошовое колечко и исчезнуть в толпе. Или, проиграв несколько драк, решили дать пришельцам решительное сражение, выгнать всех, как они говорили, «черных». Благо среди торговцев довольно было и турок-месхетинцев, и курдов, и армян.

Те съездили за подмогой, привезли ящики с водкой, заточенные железные пруты и собачьи цепи и подбили самых оголтелых, зеленых, малоимущих и обозленных юнцов на «священный бой» за рынок сбыта. К назначенному дню неведомо кем предупрежденные кооператоры исчезли, как дым. Несколько пустых палаток разметали по ветру, одну спалили... Власти южного берега, не хуже кооператоров понимающие, что это за золотое дно, Гурзуф, поставили у подножия Медведь-горы милицейский пост, который берет с каждого приезжего автомобилиста по десятке за въезд в курортную зону. Деньги поступают в бюджет Ялты. На большее фантазии ни у кого не хватило, и по-прежнему у жителей южного берега остается достаточно унизительная альтернатива приложения своих сил — или в санаторскую обслугу, или в шоферы.

Демократическим образом избранный в марте нынешнего года местный Совет во главе с Вячеславом Михайловичем Нефедовым, главным, по определению ялтинского начальства, «сепаратистом», вот уже полгода тщетно пытается вывернуть руль своего небольшого кораблика под названием «Гурзуф» к экономической свободе.

Собственно говоря, что такое Гурзуф без курортников? Так, поселочек городского типа. Пятнадцать тысяч жителей. Трудоспособное население составляет тысяч шесть. Рабочих мест мало. Хороших ждут годами, за ними следят, за них дают взятки. «Солнечный Артек», государство в государстве, рабочих мест «аборигенам» традиционно почти не предоставлял: государственной важности Артек признавал только своих, кадровых, из Центра вывезенных работников.

Оно и понятно...

Бюджет Гурзуфа жалок. Теоретически он должен бы составлять три миллиона. Но «Большая Ялта», что распоряжается кредитами по своему вкусу, дает всего миллион и сто пятьдесят тысяч в год на все про все. По нынешним временам такая сумма просто смешна. Одна местная школа, которой спокон века ни в чем отказа не было, несмотря на бедность, ежегодно берет из заветного миллиона половину. Еще триста пятьдесят получает нищая, наполовину не укомплектованная больница, а остальные тысяч двести уходят между пальцами — детсады, дворницкие зарплаты, фонари...

Очередь в Гурзуфе на жилье составляет тысячу человек. Многие стоят аж с шестьдесят пятого года и в результате получают хибару после какой-нибудь скончавшейся одинокой старухи, хибару без исправного отопления. Так очередь движется. В Гурзуфе, если разобраться, плохо со всем. Но особенно — с водой.

Поссовет не поленился, посчитал. И вышло, что больше половины ее забирает Артек, процентов двадцать — санаторий бывшего Четвертого управления «Ай-Даниль», столько же — здравница Министерства обороны, и лишь пять процентов остается собственно городку. В результате у местных жителей вода течет из кранов дважды в сутки: час утром и час вечером. А горячую пускают раз в две недели часа на два, на мытье да постирушку. Словом, весь сезон поселок сидит на сухом пайке, привычно наблюдая, как вдоволь тратят воду роскошные курорты мощных ведомств — Минздрава, Минобороны, Мингеологии, у которых и горячая, и холодная вода не просто есть круглосуточно, но и проведена прямо на закрытые для всех посторонних пляжи.

Газа в Гурзуфе нету тоже. Весь центр городка отапливается печным отоплением, добывая уголь и дрова за спиртное и сгружая их в сарайчики во дворах. Готовят еду на газу, баллоны старые, текут и воняют. Газ горит неровным огнем и коптит. Самое нелепое, что газопровод идет прямо над Гурзуфом в Ялту, и поселочек уже долгие десятилетия не может добиться для себя небольшого отвода. Надо ли говорить, что во всех санаториях и здравницах, в солнечном Артеке в том числе, есть и газ, и электроплиты, и отопление, но все это к Гурзуфу отношения не имеет ровно никакого.

А как можно было бы жить в этом благословенном раю! Одних курортников каждый сезон по семьдесят тысяч наезжает. Предоставляй им услуги да зарабатывай, тем более что отдыхающие деньги тратят охотно, они их и настроены именно тратить.

Увы, местная Советская власть не имеет права ни на что. Вот хотя бы заключать договора с совхозами или неялтинскими предприятиями на доставку продуктов — все помещения принадлежат симферопольским и ялтинским торгам. Здравницы, вольготно раскинувшиеся на здешней земле, и не думают платить местным Советам за пребывание. Санатории-миллионеры, что возводят, ни у кого не спрашивая, многоэтажные дома прямо в центре Гурзуфа, не выделяют местным жителям ни единой квартиры. Эти здравницы — чуть не две трети городка. Особенно внушителен санаторий Министерства обороны, который обосновался в роскошной вилле с великолепным парком дореволюционного нувориша.

Придя к власти, депутаты поссовета обнаружили, что договора на текущий год по всем торговым, коммунальным, социально-бытовым и иным отраслям и помещениям уже в январе (за два месяца до выборов) заключены Ялтой и им, депутатам, только и остается, что всласть подискутировать. Народные избранники Гурзуфа на сессиях приняли множество грозных решений: и о местах в гостинице «Чайка», и о столовой при ней, которой распоряжается Ялта, и о необходимости укреплять местные милицейские ряды курсантами, и о праве взимать плату с арендующих (именно **арендующих**!) местную землю здравниц, и о бытовом обслуживании, которое давно отдано симферопольским владельцам на откуп неким днепропетровцам, и о народном образовании, игнорирующем местную власть и размещающем в школьном саду, так и не посаженном, гаражи «нужных» людей, и о решении «Большой Ялты» строить в Гурзуфе гостиницу «Континент» на паях с югославами...

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

[1] «Кусок» (жарг.) — одна тысяча рублей.

Вряд ли грозные бумаги эти в Ялтинском исполкоме дочитывают до конца. А здравницам что? В бывшей столовой «Чайка» мигают компьютерными картинами импортные игровые автоматы, которые разместила там Ялта, ликвидировав нужную Гурзуфу столовку. В бывшем Доме быта, обшивавшем и чинившем башмаки и всего Гурзуфа, и приезжих, теперь строчит машинками и гонит третьесортную мануфактуру какой-то днепропетровский цех, а милиция, все такая же ленивая, мирно точит лясы в теньке у дверей отделения. Разве что югославы, уже наученные кое-чему своим рынком, приостановили дело с гостиницей до полного выяснения обстоятельств. Кстати, они тоже считают, что должны бы подписывать договор именно с гурзуфскими муниципальными властями и деньги платить Гурзуфу, но с этим никак не хочет согласиться Ялта.

Она-то привыкла числить Гурзуф вотчиной, бесправным районом, и без особых церемоний закручивает гайки. Как бы невзначай ухудшается снабжение, хуже ходят в Гурзуф автобусы, и даже зарплату сотрудникам поссовета регулярно задерживают... Так продолжается эта «холодная война».

Искать управу на ведомства или входить хоть в какой-то с ними деловой контакт почти невозможно. Начальство далеко, в столицах. До местного Совета дела почти что нету никакого. А закон? Он только что вышел, да и сформулирован туманно. Вернее, законов два — «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле» и Закон «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР». Дело усложняет и то обстоятельство, что Украина, которой Н. С. Хрущевым отдан Крым, союзный договор пока не подписала, а потому законы эти и есть, и как бы их нету.

В итоге местным Советам не подчинены ни торговля, ни здравоохранение, ни бытовое обслуживание, ни коммунальное хозяйство, ни народное образование.

«Есть вообще в Гурзуфе Советская власть или ее не было никогда?» — отчаявшись добиться толку, спрашивают друг друга депутаты.

В положении маленького гурзуфского местного Совета, как в пресловутой «капле воды», можно увидеть горькую долю многих народных избранников, выдвинутых на депутатские посты демократическим путем и лишенных права чем-либо распоряжаться (финансами в том числе), а потому власти не имеющих. Хорошо еще, что Гурзуф настолько мал, что для местных жителей нету загадки в том, насколько отвечает за их беды местный Совет, и потому громить его никто не пойдет. А в других городах, доведенных до крайности и имеющих перед глазами простодушно-откровенные депутатские корпуса, что не сумели за год-полтора привести страну к изобилию?..

«Вы тут по золоту ходите!» — сказал один фирмач мэру Гурзуфа Вячеславу Нефедову.

И в самом деле! Сколько можно было благ получить, обретя независимость! Сколько организаций и фирм привлечь! Сколько кемпингов, автостоянок, станций техобслуживания, харчевен, кафе, магазинчиков построить! А какие деньжищи (если судить по справедливости) можно было бы на законном основании получить, наконец, со здравниц!

Но! Ведь если Гурзуф исхитрится и действительно на законном основании возьмет власть в свои руки...

«Да тогда Ялта потеряет сразу миллиона четыре, не меньше!» Так на одной из первых сессий возразил Нефедову председатель ялтинского исполкома В. В. Браиловский.

Что и говорить, без боя Ялта Гурзуф на волю не отпустит.

Вячеслав Викторович совершенно искренне полагает, что гурзуфцы, оставшись одни, погорят в два месяца. Ведь их снабжает буквально всем Ялта!

Нет, говорят в поссовете, напрасно нас товарищ Браиловский пугает и зря он так угрожает нам, а все сказанное они воспринимают как скрытые угрозы. Алупка — об этом уже были переговоры — согласна хоть завтра своим транспортом начать возить нам хлеб и молоко. Все ялтинские торги, кстати, теперь хозрасчетные, независимые подразделения, уже сами начинали разговоры об открытии в Гурзуфе фирменных магазинов и тоже хотят возить продукцию своим транспортом. Без провизии Гурзуф не останется, сразу несколько совхозов уже согласны поставлять в городок свою продукцию, от самодельного вина до мяса и даже прудовой рыбы.

* * *

Мирно маршируют в выгоревших гимнастерках солдатики стройбата, что-то достраивающие в санатории Министерства обороны, обнесенном крепким забором с затейливой решеткой. Обреченно и покорно стоит на ставшей знаменитой гурзуфской набережной худой верблюд, и возле него фотографируют детей смельчаки, отважившиеся все же отдохнуть в Гурзуфе. Бархатный сезон кончается...

Крымская область.

ВОЛЯ К ВЛАСТИ И ВОЛЯ К КУЛЬТУРЕ

Вячеслав КОСТИКОВ

В отношениях цезаря и художника, царя и поэта, а в сущности, власти и культуры всегда была некая недосказанность, тайна. Связано это, вероятно, с тем, что культура сама по себе является властью. Правители всегда интуитивно ощущали эту взаимосвязь между властью и культурой, а культура в зависимости от природы власти либо освещала ее, либо убивала.

В дневнике известного деятеля русской культуры, «просвещенного цензора» Никитенко имеется запись, связанная с болезнью Ф. И. Тютчева. Никитенко вспоминает, как императрица, узнав об ударе, случившемся с поэтом, послала к нему придворного доктора Боткина и приказала ежедневно доставлять ей бюллетень о здоровье умирающего поэта.

Мы можем, разумеется, вспомнить, что и Сталин тоже был неравнодушен к деятелям культуры и лично приезжал навестить умирающего Горького...

Но за сходными жестами могут стоять разная мораль и различная политическая логика. Осыпая почестями угодных для него писателей и артистов, Сталин относился к культуре с большим подозрением. Деспоты всегда лучше чувствуют себя за стеной невежества. Ибо культура — это всегда ограничение власти. Известная фраза Геббельса: «Когда я слышу слово «культура», мне хочется взяться за пистолет»,— вполне могла бы выпасть и из уст Иосифа Виссарионовича. Теперь мы знаем, что и до Сталина рука власти не раз тянулась к испытанному «хлысту диктатуры», к террору, когда ей приходилось решать начавшийся в октябре 1917 года и затянувшийся до сих пор спор с интеллигенцией.

НА РАЗВАЛИНАХ ХРАМА

Пробуждение интереса к культуре и интеллигенции в период, когда страна снова оказалась на сложном распутье истории, обусловлено рядом факторов. Реабилитация культуры вписывается в сложный процесс восстановления утраченных обществом моральных основ. К сожалению, всплески антиинтеллектуализма свидетельствуют о том, что «гражданская война» между невежеством и культурой, между моралью и аморализмом еще далеко не завершена. Недавние рецидивы погромных настроений против интеллигенции на Учредительном съезде Компартии РСФСР, а отчасти и на XXVIII съезде КПСС тем более огорчительны, что инвективы в адрес интеллектуальных сил общества вкладывались в уста «простых рабочих»: горькое свидетельство того, что в российском обществе все еще тлеет поджигательная идея о «двух культурах», идея, с помощью которой пришедшие к власти в 1917 году идеологи разводили народ по разным углам русского дома: в одном углу — народ, в другом — интеллигенция. Старый принцип — разделяй и властвуй!

Ошельмованная в глазах народа, интеллигенция оказалась беззащитной перед гильотиной большевистских робеспьеров. Что касается народа, то, лишенный критического зрения, он в течение семидесяти лет, как брейгелевские слепцы, блуждал по лабиринтам социализма, бросаясь из одной крайности в другую, пока не оказался в убогом тупике истории.

С точки зрения национальных интересов большевики после 1917 года совершили две серьезнейшие ошибки (если не искать более точного слова): в крестьянской стране они отняли землю у крестьян и тем самым разрушили материальную культуру нации, и они разъяли интеллигенцию и культуру, умертвив тем самым жизнь духовную. Ведь говорить об интеллигенции в отрыве от культуры — это все равно, что говорить о крестьянстве, умалчивая о самом главном в крестьянском труде — о земле. Недаром само латинское понятие «культура» означает прежде всего возделывание: возделывание духовного мира.

Следы духовной и культурной разрухи у всех у нас на глазах. Мы только не всегда их замечаем. Ведь, для того чтобы видеть уродство, надо иметь хотя бы самое простое представление о красоте. У нас оно утеряно. Даже наши «дворцы», в том числе самые престижные (Дворец съездов, например),— это апофеоз безвкусицы и поругания здравого смысла. ЮНЕСКО долго отказывался включить Московский Кремль во Всемирный список культурного наследия из-за того, что Дворец съездов нарушил целостность и гармоничность ансамбля.

У нас, наконец, одна из самых бедных в мире школа. А ведь некогда русский гимназист был, в сущности, маленьким интеллигентом в подростковой шинели, «культурным резервом» страны.

Мы ошельмовали не только взрослое, но и подрастающее поколение интеллигенции, сделав из гимназистов, бойскаутов посмешище для детворы рабочих слободок. Мы давали «путевку в жизнь» павликам морозовым; нашим героем становился приблатненный Мустафа, в лучшем случае — Павка Корчагин. Лишив детей русской интеллигенции и русской национальной буржуазии права поступать в университеты, большевики сделали лишенцем русскую культуру.

Со временем падение уровня культуры охватило у нас все слои. За редким исключением ни наши министры, ни наши партийные лидеры не владеют правильным русским слогом. Наши актеры потеряли представление о дикции; дикторы радио и телевидения допускают серьезные погрешности стиля. Не секрет, что пьесы Чехова сейчас на Западе ставят лучше, чем у нас: тоньше, проникновеннее. Причина все та же: общее падение уровня культуры. В театре невозможно сохранить то, что исчезает из обихода.

Вульгарность и бездуховность наших будней вторгаются и в наши праздники. Один из известных наших режиссеров сетовал недавно на то, что в кинематографе стало трудно найти артиста на роль интеллигентного человека. Актеры с восторгом и даже со смаком играют забулдыг, бомжей, блатных, «сферу обслуживания», парней с «Выборгской стороны», чекистов, «шараповых» и «шариковых», а сыграть скромного чеховского интеллигента почти что уже и некому. Вот Е. Евстигнеев, к счастью, недавно подарил нам великолепного профессора Преображенского из «Собачьего сердца» Булгакова. И дело, конечно, не в том, что не талантливы актеры, а в том, что в обществе утрачены понятия о том, что такое интеллигентность и интеллигент, как он должен себя вести, говорить, спорить, как держать себя за столом... Даже голоса у нас претерпели странную и неприятную метаморфозу. Когда слушаешь по радио трансляцию с наших съездов, создается полное впечатление, что стал свидетелем перебранки между подпоручиком Дубом и бравым солдатом Швейком.

«МЫ РОССИЮ ОТВОЕВАЛИ...»

Нередко можно услышать вопрос: почему при Сталине, при всех извращениях тоталитаризма уровень культуры и нравственности казался выше? Иногда говорят, что страх-де вынуждал людей быть сдержаннее, скромнее, дисциплинированнее. Объяснение это не представляется исчерпывающим. Да и сами понятия «страх» и «культура» несовместимы. В те годы, куда нас отсылают поклонники сталинизма, уровень нравственности и интеллигентности в определенных слоях общества был действительно выше. Но совсем по иной причине.

Со времени революции тогда прошло еще не так уж много лет. Несмотря на то, что большевики почти начисто выкосили элитарную интеллигенцию, средний пласт российского интеллекта

пострадал сравнительно мало. Из университетов были вычищены «мятежные профессора», отказавшиеся принять принцип двоемыслия. Но те, которые были принуждены к сотрудничеству, до поры до времени были оставлены в покое. Часть высланных из Москвы и Петербурга профессоров нашла временное пристанище в провинциальных учебных заведениях, куда рука инквизиции дотянулась не сразу; там на каком-то этапе они даже способствовали подъему уровня образования.

Разгромив партии кадетов, затем меньшевиков, к которым тяготели интеллигенция и квалифицированная часть рабочего класса, вынудив к эмиграции значительную часть высшего слоя интеллигенции (когда бродишь по русскому кладбищу Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, то возникает жуткое впечатление, что идешь по костям русской культуры), большевики фактически срыли высший и самый плодородный слой русской культуры. Немецкие оккупанты, захватив во время войны Украину, отправляли в Германию составы с украинским черноземом. Большевики (вспомним массовую высылку интеллигенции в 1922 году, о которой уже писала советская пресса) добровольно отправляли на Запад пароходами и поездами чернозем русской культуры, рассчитывая из оставшейся податливой глины лепить гибкое и покорное существо — «нового, советского человека».

Цвет русской поэзии, литературы, философии, исторической науки, музыки выбрасывается за пределы России. На заброшенной ниве русской культуры разрастается полынь.

Меньше затронутой чистками оказалась средняя школа. Там тоже шла мощная накачка идеологии, но преподавание еще вели в большинстве старые учителя — носители традиций русской культуры. Даже в конце 40-х годов школа не только учила, но и воспитывала. Кто из нас, бегавших в школу после войны, не помнит старых «учителек» с их старомодными прическами, с их строгостью, с их болью за учеников? Мы рухнули не потому, что упали цены на нефть, которой власть затыкала черные дыры нашей экономики, но прежде всего потому, что в стране исчерпался тот интеллектуальный, культурный и нравственный потенциал, который был накоплен многовековым трудом России. Экономисты подсчитали, что продовольственных и фуражных запасов царской России, несмотря на мировую и гражданскую войны, хватило еще на три года после революции. Почти полвека трудились фабрики и заводы, поставленные во время экономического бума после 1905 года. До сих пор трудятся железные дороги, основные магистрали которых были проложены до 1917-го. Сейчас много говорят о кризисе Ленинграда. Это результат того, что поколения хозяев Смольного лишь эксплуатировали огромный потенциал культуры великого города, ничего не давая взамен. Город более полувека прожил на том ресурсе, который был заложен в него строителями. Нынешний кризис Ленинграда — это крах цивилизации пришельцев, которые завоевали его в 1917 году. Помните знаменитое ленинское: «Мы Россию *отвоевали* ...мы должны теперь Россией *управлять*». Управлять не научились. Жили, проедая и пуская на идеологический ветер казавшееся неисчерпаемым русское богатство.

Дольше всего исчерпывалась культура, но и ее запасы имеют пределы. Ее деградация затронула в большей или меньшей степени все: политику, науку, культуру, армию, милицию, образование. Вирус антиинтеллектуализма поразил как власть, так и подвластных. А в силу специфики кадрового отбора для высших эшелонов власти (требовалась не культура, а демонстрация слепого поклонения догмам и вождям) наиболее пораженной оказалась именно власть, в особенности власть партийная.

С какого времени идет это падение?

Мне не хотелось бы подчеркивать самые ранние вспышки антиинтеллектуализма в 1917 году, зафиксированные Максимом Горьким в его «Несвоевременных мыслях». С известными натяжками эти варварства можно списать на революционную нетерпимость первых дней и месяцев революции. Раны, нанесенные русской культуре в 1917 году разливом анархии, были болезненны, но все же носили характер поверхностных «порезов». Эти действия еще не были ПОЛИТИКОЙ. Большевики прекратили с помощью ВЧК «революционный» бандитизм, как только он стал угрожать их собственной власти. Настоящая угроза для будущего России возникла не в дни революционного разлива, а позднее — когда большевики, одержав победу в гражданской войне и укрепив власть, занялись политикой.

В КАТАКОМБАХ КУЛЬТУРЫ

Недавно мне пришлось познакомиться с одним из самых отвратительных документов эпохи. Инструкцией Гиммлера «о культурной политике» на завоеванных германским вермахтом восточных территориях. Нет, рейхсфюрер СС, чье ведомство призвано было осуществлять инструкцию, не отрицал необходимости грамотности. Но эта грамотность, по замыслу идеологов третьего рейха, должна была носить утилитарный характер. Славянских детей следовало обучать простому счету и чтению, необходимых для того, чтобы понимать и усваивать трудовые и политические инструкции.

Как ни тягостно проводить такого рода параллели (в политике они уже не являются откровением, вспомним хотя бы пакт Молотова — Риббентропа), но и в сфере культуры и образования большевики объективно способствовали снижению и утилитаризации культуры.

В свое время у нас было сказано много восторженных слов по поводу действительно уникальной по своим масштабам кампании по ликвидации неграмотности. Всем памятны кадры кинохроники, фотоснимки, запечатлевшие бородатых крестьян и обветшалых старух, склоняющихся над букварем. Но положа руку на сердце давайте спросим себя, стал ли получивший первичную грамотность крестьянин или рабочий завсегдатаем библиотек? Сделался ли он вдумчивым читателем серьезной книги? Приобрел ли он навыки независимого и критического мышления, которые, собственно, и делают человека интеллигентом? Боюсь, что ответ будет отрицательным. Полученная грамотность была достаточна для того, чтобы прочитать на транспаранте слова «Ленин», «партия», «счастье», но недостаточна для того, чтобы понять, действительно ли большевики ведут Россию по счастливому пути.

Немецкий историк Р. Фюлоп-Миллер, специально изучавший этот вопрос, в книге «Разум и лик большевизма» уже в 1927 году отмечает специфическую черту советской политики в области культуры:

«Большевики организовали народное образование так, чтобы никто не мог выйти за пределы официально разрешенного уровня знаний и образования, дабы не возникла для пролетарского государства опасность приобретения гражданами излишнего объема знаний, что превратило бы их в «подрывной» элемент». На этот же феномен обратил внимание известный американский писатель Теодор Драйзер. Побывав в Советском Союзе, он сетовал Бухарину: «Вы берете ребенка и вдалбливаете ему определенные понятия. Кроме того, чему вы его обучаете, он ничего не знает — и не будет знать, вы постараетесь об этом. Успех вашей революции, таким образом, зависит от воспитания детей, не так ли?

— Отчасти так,— согласился Бухарин».

Нет сомнения, большевики делали усилия для расширения системы школьного образования. За два года после революции они открыли почти 10 000 школ. За этим количественным бумом стояло почти патологическое недоверие большевиков к дореволюционной интеллигенции, которую они упорно именуют «буржуазной». Отсюда и навязчивая ленинская идея — научить управлять государством «кухаркиных детей». Но... не просто управлять. А в соответствии с большевистской доктриной. Начинается массированная политизация школы и высшего образования. В школы широко внедряются классовые понятия: буржуи, кулак, пролетарий, капиталист... В высшей школе вводится гильотина классового отбора, отсекающая от абитуриентов наиболее подготовленную часть — детей интеллигенции. Главным становятся не знания, не развитие, не культура, а социальное происхождение. Создается система рабфаков, а затем и вечернего образования, в изобилии поставляющая на рынок интеллектуального труда людей с «вечерними», усеченными знаниями.

Классовая накачка не замедлила дать свои плоды. Несколько лет спустя, воспитанные в новой, советской школе, дети уже вполне были подготовлены к жизни в условиях сталинского террора. Во время Шахтинского процесса газеты широко публиковали письма молодежи, требующей расправы над контрреволюционными спецами. В частности, было напечатано письмо одного пятиклассника: двенадцатилетний юный герой просил расстрелять своего отца. К счастью, в отличие от Павлика Морозова имя его не запечатлено ни в памятниках, ни в названиях улиц и пионерских дружин.

Полынное молоко пропаганды начинают вливать в детей чуть ли не с ясельных лет. В детском саду идеологическая накачка даже сегодня превосходит все мыслимые масштабы. Недавно в прессе были обнародованы поразительные данные. Оказалось, что из 40 стихотворений и песенок, заучиваемых в детских садах, 35 носят откровенно пропагандистский характер. Часть этих «шедевров» вопиюще антинаучна, ибо закладывает в ребенка стойкие элементы мифического, иллюзорного сознания. Вдумайтесь в смысл двустишия из детсадовской песенки:

Сколько у солнышка ясных лучей,
Столько у Ленина нас, детей...

Был и такой шедевр:

Сегодня праздник у ребят,
Ликует пионерия!
Сегодня в гости к нам пришел
Лаврентий Павлыч Берия.

Для воспроизводства своей власти в условиях однопартийности большевикам нужна была своя, «особая» интеллигенция — с особыми нервами, с особой моралью, особой системой знаний. «Нам необходимо,— пишет Бухарин,— чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике».

Нетрудно догадаться, что новые поколения интеллигентов, отштампованных по матрицам идеологических органов, были как нельзя лучше приспособлены для производства и потребления культурного ширпотреба, получившего название «социалистический реализм».

Что касается русской классики, питавшей своей нравственностью и идеями весь цивилизованный мир, то в условиях идеологической диктатуры ее все активней вытесняют классики марксизма-ленинизма. В стране не хватает учебников, в школах один учебник выдается на несколько учеников, исчезают издательства, специализировавшиеся до революции на книгах для народа. Зато фантастическими тиражами издаются светочи официальной идеологии. В тридцатые годы с гордостью говорилось о том, что Маркс и Энгельс изданы в СССР тиражом в 7 миллионов экземпляров, Ленин — 14 миллионов, Сталин — более 60 миллионов. Чем больше печаталось в стране «классиков» от идеологии, включая таких знаменитейших, как Брежнев, Суслов, Черненко, тем меньше становилось пищи реальной.

Серьезно оказалась подорванной и финансовая база образования, в особенности начального. Роспуск земских учреждений не только нарушил уже сложившуюся и эффективно действующую систему взаимодействия интеллигенции (учителей, врачей, агрономов, статистиков) и народа, но и иссушил такой важный источник средств, как местный бюджет и благотворительные фонды. Фонды эти давали ощутимый привес к ассигнованиям из государственной казны.

Справедливости ради заметим, что дореволюционное правительство, которое мы так любили обвинять за то, что оно держало народ в темноте, не так уж плохо понимало важность культуры и образования для экономического подъема России. «Ликвидацию безграмотности» начали не большевики, как было приказано думать, а правительство Столыпина, принявшее в 1908 году закон о введении обязательного начального образования. В период до начала первой мировой войны ассигнования на нужды просвещения ежегодно увеличивались примерно на 21 процент. После революции сельская школа, школьные учреждения малых городов России, подпитывавшиеся из местных бюджетов, были посажены на сухой государственный паек и вскоре стали жертвой пресловутого "остаточного принципа». У большевиков всегда доставало денег для партии, армии, ВЧК/КГБ, для финансирования «интернациональных обязательств» за границей, в том числе и для финансирования зарубежных компартий, но хронически не хватало денег для школы и культуры. Воля к власти всегда была сильнее воли к культуре.

В советской печати уже мелькали сведения о том, что большевики пытались использовать русское золото, заработанное на успехах нэпа, для разжигания мировой революции. Карл Радек ездил с «золотыми дарами» в Германию, где к осени 1923 года, по прогнозам большевиков, вновь «созрели условия». Бывший советский дипломат Г. З. Беседовский в изданной в 1930 году в Париже книге вспоминал по еще не остывшим следам:

«В Москве все были как на угольях. Революционное движение в Германии развивалось все быстрее и быстрее... В Коминтерне работа шла полным ходом. Намечались будущие члены правительства советской Германии. Из числа русских советских деятелей отбиралась крепкая группа, которая должна была бы служить ядром будущего германского Совета народных комиссаров...»

Требовалось золото. И не важно было, что оно увозилось из страны, пережившей двумя годами ранее страшный голод, из страны, где не хватало книг, приютов для беспризорников, оставленных гражданской войной, старческих приютов, ликвидированных вместе с монастырями, где культура пребывала, по выражению Н. А. Бердяева, в «катакомбном периоде».

СОБАЧИЙ ВАЛЬС

Непонимание большевиками культуры как фактора развития, их подозрительность к интеллигенции далеко не случайны и обусловлены не только неприятием интеллигенцией Октября.

Отсутствие у большевистских лидеров воли к культуре связано с философскими корнями большевизма, с отрицанием личности. Аллергия большевиков к интеллигенции стала проявляться задолго до захвата ими власти. Одна из первых вспышек гнева относится к 1909 году, когда Ленин и ленинцы с неслыханной для русского образованного общества яростью на-

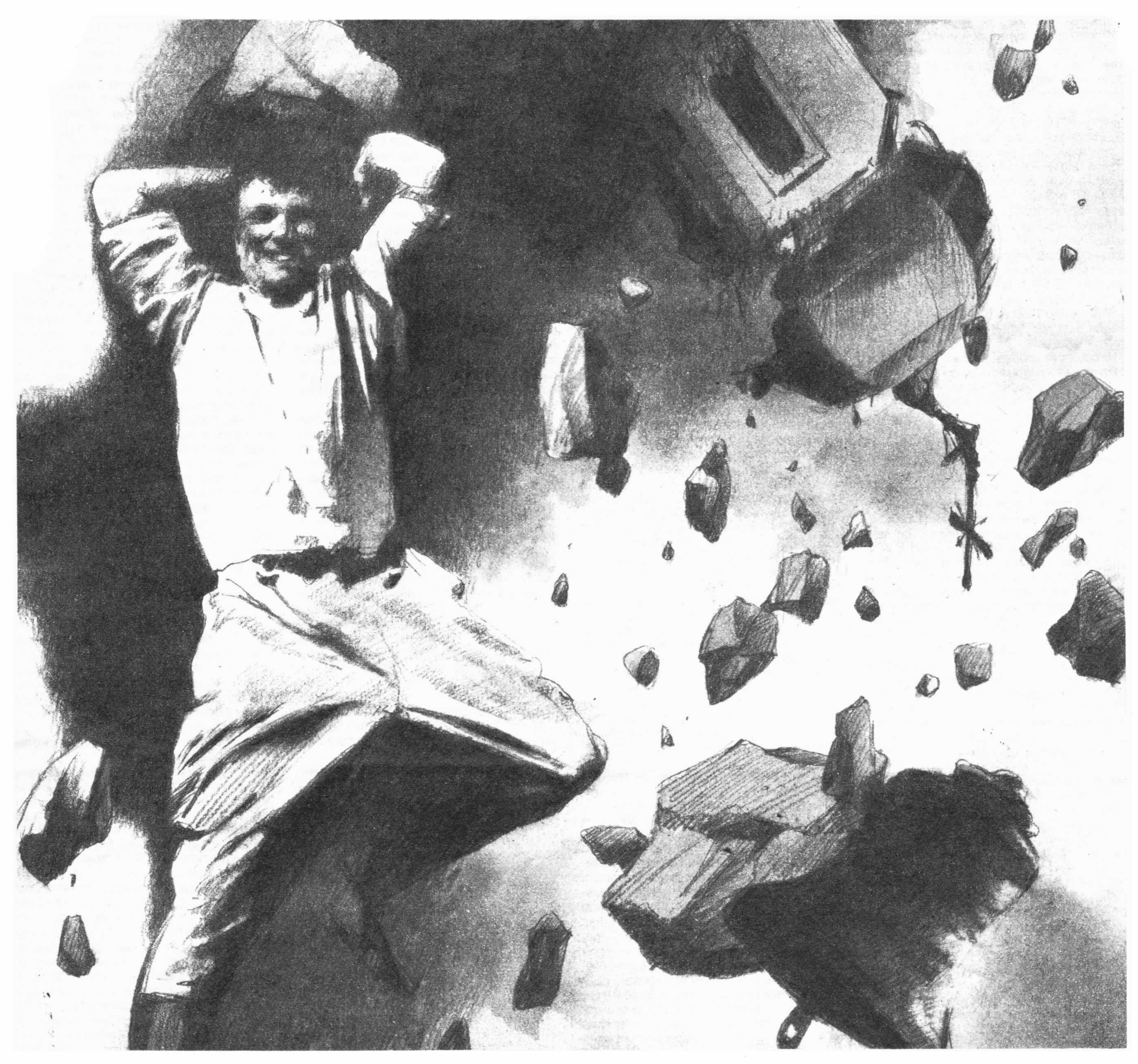

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА.

бросились на сборник статей о русской интеллигенции — «Вехи». «Вехи» были как бы манифестом русской интеллигенции. И штурм этого сборника стал для большевиков идейной репетицией Октября.

Что же так раздражало Ленина в идеях веховцев, среди которых числилась элита русской культуры и философии: Н. Бердяев, П. Струве, М. Гершензон, С. Булгаков, Л. Шестов, С. Франк и др.? Главная ересь виделась в том, что веховцы отрицали классовую борьбу как главный двигатель прогресса. Этого одного уже было достаточно для гильотины. Но в 1909 году о революционной гильотине можно было только мечтать. Пока же приходилось довольствоваться перьями. Борьба с идеологией веховства была одной из самых затяжных кампаний большевиков против русской интеллигенции. Начавшись при участии Ленина в 1909 году, она затянулась, в сущности, до наших дней.

Негодование критиков вызывало отношение веховцев к личности, к человеку, в котором они видели главный смысл прогресса. В отличие от русских мыслителей Ленина интересовал не человек, а идея, не личность, а «совокупность общественных отношений». Для Ленина «в основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма». Веховцы такой тезис считали аморальным, ибо из него прямо вытекало, что человеком (на самом же деле оказалось, что миллионами людей) можно пожертвовать во имя коммунистического идеала. Заклейменная как антинаучная и реакционная, философия веховцев на многие десятилетия была заперта под ключ, а ее представители, объявленные, как нетрудно догадаться, лакеями буржуазии, были изгнаны за границу.

Чисто философский, казалось бы, спор между ленинцами и веховцами оказался крайне разрушительным для культуры. Отрицая личность, громя элитарную (буржуазную и декадентскую, по их терминологии) культуру, большевики гасили интеллектуальные звезды на небе собственной страны. При этом было извращено само понятие культурной элитарности, «аристократичности» культуры, как говорил Н. А. Бердяев. Элитарность, высшая степень духовности и изощренности культуры, однозначно трактовалась как декадентство и извращение. Аристократичность культуры противопоставлялась народности.

Если отказаться от убогости сугубо классовых оценок, элитарность ни в коей мере не отрицает народности. Она включает в себя народную культуру, обогащая ее высшим гением и зрелым талантом. «Гений выражает судьбу народа»,— многократно подчеркивал Н. А. Бердяев.

Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Герцен, Тютчев, Блок элитарны в лучшем смысле этого слова. Они поднимали культуру на максимально высокий уровень, делая свои творения эталонами мировой культуры. Но кто из нас осмелится сказать, что эти писатели и поэты не были народны, что их культура (безусловно, элитарная) не включала в себя всей народной культуры? Я не думаю, что Пушкин и Тургенев, выросшие в дворянской и элитарной среде, знали народную культуру хуже лубочного Демьяна Бедного. Но их элитарность, такт, высокая культура и сознание высочайшей ответственности перед отечеством никогда не позволили бы им заигрывать с народом или опускаться до уровня «матросского яблочка».

В одной из своих интереснейших книг, «Судьба России», Н. А. Бердяев предупреждал: «Нельзя допустить понижения качества творчества во имя количества. Делом творцов культуры должно быть не унизительное приспособление к массовому социальному движению, а облагораживание этого движения, внесение в него аристократического начала качества. Народ выражает свое призвание в мире в своих великих творцах, а не в безликой коллективности».

Само жесткое деление культуры на массовую и элитарную условно. И здесь в оценках нас бросает из крайности в крайность. Было время, крушили элитарную, теперь — громим массовую, не давая себе труда понять их взаимо-

связь. В странах с подчеркнуто развитой элитарной культурой и уровень массовой культуры значительно выше, чем там, где интеллектуальная элита была загнана в подполье. Мы справедливо восторгаемся французской песней, французским кинематографом, французскими модами. Но ведь Ив Монтан, Эдит Пиаф, Джо Дассен, Жак Брель, Клод Франсуа, Далида — явления массовой культуры. А между тем мы их таковыми не воспринимаем. Не воспринимаем потому, что, войдя в народ, став частью широкой культуры, они постоянно находились в поле высочайшего интеллектуального напряжения французской элитарной культуры, где царствовали Жан Поль Сартр, Андре Мальро, Эжен Ионеско, Симона де Бовуар, Альбер Камю...

Владимир Набоков элитарен. И если бы он был доступен советскому писателю и читателю, нетрудно догадаться, что средний уровень нашей литературы был бы неизмеримо выше.

Наши нападки на массовую культуру проистекают от рассерженности незнания. Вместо того чтобы ругать массовую культуру Запада, было бы прибыльнее понять, почему она нередко приобретает у нас такие убогие, вульгарные формы.

На Западе добротная массовая культура является важным элементом общественного бытия, фактором стабилизации, служит умиротворению стрессов, вызываемых трудностями жизни. В лучших своих проявлениях она дает населению те образцы поведения, которых нам так не хватает. Не нужно думать, что все европейцы так уж витают в высотах культуры. Но они обладают тем «культминимумом», той **срединной культурой,** которая благотворно влияет на их поведение в обществе и в быту. Человек, приобщившийся к этим стандартам, не станет хамить в автобусе, лезть без очереди в кассу, бросать из окна мусор, гадить в подъездах и лифтах; он будет как минимум опрятно одет и не станет, будучи подшофе, приставать с пустыми разговорами к прохожим на улице и требовать «уважения». Мы гибнем не от массовой культуры, которая идет к нам с «гнилого Запада», а оттого, что у нас за годы Советской власти разрушены все уровни и стандарты культуры, включая и народную.

Подводя итоги первого десятилетия Советской России, Н. Бухарин с гордостью говорил: «Мы создаем и мы создадим такую цивилизацию, перед которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как выглядит «собачий вальс» перед героическими симфониями Бетховена».

Увы, действительность такова, что о симфониях нам лучше и не вспоминать. Как говорится, не до жиру, быть бы живу.

В наших «парках культуры», на улицах, в магазинах, в автобусах, в домах отдыха вот уже многие годы тон задает откровенный и чаще всего подвыпивший хам, которому все сходило с рук, потому что он был защищен «социальным происхождением», а все мы, вместе взятые, привыкли к постоянному унижению. В результате нашей «культурной политики» мы получили почти генетический тип городского и пригородного «люмпена», с блеском выведенного в известной песне группы «Аквариум» — «Про старика Козлодоева».

...Кумиром народным служил
Козлодоев,
И всякий его ублажал...
А ныне, а ныне попрятались суки
В окошках отдельных квартир.
Ползет Козлодоев, мокры его брюки.
Он стар, он желает в сортир.

Пьянчужка, похотливец, мелкий проныра и приспособленец, прекрасно вписавшийся в «социалистический образ жизни», герой нашего времени со временем превратился в престарелого сквалыгу, вечно недовольного и поучающего «подрастающее поколение», как жить...

БУНТ КУЛЬТУРЫ

Если реальная жизнь довольно быстро отвечала на революционные эксперименты голодом и разрухой, а в конечном счете и народными бунтами, то последствия культурного раскулачивания и коллективизации проявились лишь десятилетия спустя. На введенную большевиками продразверстку крестьянская Россия почти незамедлительно ответила крестьянской войной, а земля — страшным недородом 1921 года. Бунт культуры носил замедленный, латентный характер.

Стиснутая цензурой, травмированная первыми политическими процессами 1921—1922 годов, культурная Россия уже не могла реагировать на аномальные явления как здоровый организм. Массовая высылка и аресты интеллигенции в 1922 году вызвали больше протестов за границей, чем в РСФСР. Массированная пропагандистская кампания привела к тому, что внутри страны «сознательные рабочие и крестьяне» были убеждены, что в лице интеллигенции бьют классовых врагов, прислужников Антанты, литературных врангелевцев.

Внешне в жизни Советской республики с высылкой интеллигенции мало что изменилось. Глядя из ворот московского или петроградского дворика, можно было убедиться, что жизнь идет своим чередом, «потому что,— как говорил О. Мандельштам,— ходят трамваи».

Да, трамваи еще ходили. И рельсы, и вагоны, и звонки в вагонах, и кондукторские сумки — все это было, как прежде. И лишь немногие пассажиры (помните поездку в трамвае вернувшегося из Сибири Юрия Живаго?) догадывались, что они живут уже в другой цивилизации.

Отличительной чертой этой новой цивилизации была почти сатанинская воля к власти и к наслаждению властью. Культура рассматривалась в ней лишь как один из инструментов управления, а искусство — как один из многочисленных фронтов, куда нужно направлять верных «директории» генералов и чекистов.

Под руководством генералов от культуры из обихода советских людей были изъяты целые пласты русской и мировой культуры. Существовали не только списки опальных философов, писателей, поэтов, художников, но и списки западных композиторов, чьи произведения были запрещены к исполнению в СССР. В течение десятков лет у нас не играли Малера, Брукнера, Равеля, Р. Штрауса, Хиндемита, Стравинского, Шенберга. Долгое время запрещен был Вагнер. Лишь в 1939 году после подписания пакта Молотова — Риббентропа с этого композитора была снята советская епитимья. Музыка, которая еще вчера расценивалась как «фашистская», зазвучала со сцены Большого театра. В спешном порядке там ставили «Валькирию» и «Мейстерзингеров».

Для пытливого исследователя вообще было бы интересно провести сравнительный анализ того, что запрещали или поощряли в СССР и в фашистской Германии: сходство вкусов у «партайгеноссе» двух стран просто поразительное. Я просто теряюсь, кому отдать пальму первенства в культурном ограблении собственного народа — Андрею Жданову или д-ру Геббельсу. Недавняя выставка русского авангарда 20—30-х годов показала, какая живая сила была загнана в подполье.

СЕКРЕТ ПРОЗРЕНИЯ

В нашем обиходе есть фразы, к которым с ходом лет мы так привыкли, что даже не замечаем их нелепости. Вспомним почти хрестоматийную фразу: «С восторгом приветствовал Февральскую революцию, а Октябрьской не понял». Такими «не понимающими» у нас, как нарочно, оказывались крупнейшие российские умы и таланты — Павлов, Короленко, Бердяев, Рахманинов, Шаляпин, Флоренский, Сикорский, Корнилов, Милюков.

Список этот можно продолжать многими страницами. Некоторое время среди «не понявших» числился даже Максим Горький.

Отчего же умнейшие, образованнейшие люди своего времени — ученые, философы, историки, дипломаты, художники, прежде все так отлично и с большой пользой для отечества понимавшие,— в 1917 году так опростоволосились, что не поняли ни тезисов к великому замыслу, ни самого замысла? Отчего ворюга с Хитровки, кухарка, поп-расстрига, извозчик с Охотного ряда, кочегар с завода Михельсона, «ходоки» в истертых лаптях, заглянувшие на минутку в Кремль, солдат, не окончивший даже церковноприходской школы, торговка сбитнем с Сенного рынка — отчего все они вдруг в одночасье прозрели и поняли все, а единственный в России лауреат Нобелевской премии академик Иван Павлов все проглядел? Семьдесят лет нас учили, что секрет прозрения — в классовом чутье. Есть, однако, предчувствие, что причина не только в этом.

Нюанс в том, что у кухарки, «кухаркиных детей» и у академика И. Павлова был разный уровень культуры. В силу этого «нюанса» «хитровцы», восхищенные большевистским лозунгом «грабь награбленное», поверили, будто большевики научат их «управлять страной», а академик Иван Павлов в эту ахинею не поверил и поверить не мог. У академика Павлова в силу его высокой культуры была высока и «иммунная защита» против социальной фальши, а у «кухаркиных детей» такой защиты не было. Но именно в этом и заключалось их огромное преимущество в глазах большевиков. В результате И. Павлов оказался среди неугодных (его едва терпели в силу мировой известности), и наоборот. Возник уникальный в истории парадокс: чем ниже был уровень культуры человека, тем больше у него оказывалось шансов подняться до верхних ступенек новой общественной лестницы.

Кстати, и в самом принципе выдвижения «кухаркиных детей» было больше пропагандистского лукавства, чем действительного желания черпать в кладезе народного ума. Выдвигались «кухаркины дети» особого склада — те, которые готовы были безропотно следовать указаниям новых вождей. Поощрялись прежде всего люди с лакейской, смердяковской психологией. Это из них формировались и сама сталинская номенклатура, а затем и «подсадные утки» номенклатуры — те «сознательные рабочие и крестьяне», которые и поныне, как недавно подтвердилось, «озвучивают» на партийных съездах сокровенные мысли аппаратчиков. Выходец из народной среды, если он вдруг обнаруживал склонность к собственной мысли (вспомним пример Н. Травкина), так же неугоден для власти, как и потомственный интеллигент.

Поэт и писатель Федор Сологуб был сыном прачки и сапожника. Тем не менее он был объявлен ненужным и вредным, ибо отказался обслуживать новую идеологию. Участь его известна: вместе с другими несогласными он оказался в самых дальних подвалах советской культуры и только теперь извлекается на свет. А между тем в его романе «Мелкий бес» очень точно и как бы в перевернутом зеркале «бесов» Достоевского выведен тот тип морального пачкуна, который пышным цветом расцветет под солнцем новой морали. Умирая в 1927 году в Петрограде, уже переименованном в Ленинград, поэт шутил, что умирает от «декабрита». По сути же дела, он, как и многие русские интеллигенты, умер от «октябрита».

«МЫ В КНИГЕ РОКА...»

Есть ли выход из цивилизации культурного каннибализма?

В философском плане ответ, конечно же, звучит оптимистически, ибо для истории даже самые отвратительные царствования (вспомним Нерона, Калигулу, фашизм, сталинизм) в конечном счете обращаются в страницы летописи. Но размышления о путях возрождения русской культуры отягощены пониманием того, что именно в сфере культуры процессы созидания идут крайне медленно. При наличии политических условий можно в несколько лет воссоздать Нижегородскую ярмарку, а вслед за этим и общероссийский товарный рынок. Опыт Японии и Западной Германии дает примеры восстановления экономики из полных руин. К сожалению, план Маршалла трудно применим в сфере культуры. Возрождение культуры осложнено и тем, что болезнь культуры для самого народа не столь заметна, как пустые прилавки. Реакция желудка на кризис сильнее реакции разума.

Перебранка, вспыхнувшая на XXVIII съезде КПСС по поводу того, много это или мало — 3 или 6 копеек в день на «человекокультуру», свидетельствует о том, что не только в народе, но и в партии, претендующей на авангардную роль, все еще нет воли к культурному возрождению.

У нас продолжают гибнуть библиотеки, гнить в сырых запасниках картины, разрушаться памятники старины. У нас самые убогие в Европе школы, больницы, театры. И в это же время в самом центре Москвы наши «славные чекисты» и наши «доблестные генералы» возводят мраморные и гранитные «бункера», точно бы «на вырост».

Поистине несчастна страна, в которой скрип сапог заглушает плач культуры.

* * *

И все-таки при разговоре о возрождении русской культуры нужно уметь отвлечься от нынешних споров и страстей. Мы подвизаемся на долгий и трудный путь, и нужно понимать, что для наших внуков обиды или глупости сегодняшнего дня будут по большей части деперсонифицированы. Через несколько лет мало кто и из нас вспомнит генерала или партийного функционера, потрясших такой-то и такой-то по номеру съезд погромными речами. Для наших детей и внуков важны будут не политические страсти и не партийные склоки, а переходящее богатство жизни — культура. И в этом смысле (как ни парадоксально это звучит) и правые, и левые перед судом истории окажутся «на одной строке». Шекспировская фраза «Мы в книге рока на одной строке» приоткрывает нам путь к осознанию вечной и так трудно воспринимаемой нами истине: что в движении культуры нет победителей и побежденных. Вот почему в молитве о будущем русской культуры, а следовательно, о будущем страны неуместны анафемы и проклятия. Как бы ни раздражал нас «бородавчатый реализм»* ждановской поры, как бы ни тягостны были воспоминания о совсем недавних «бульдозерных временах», мы должны понимать, что главное не в сведении счетов. Главное сегодня — восстановить порванную в русской культуре «связь времен».

Герой романа Ф. Достоевского Иван Карамазов говорит: «Если нет Бога, то все дозволено». Страшная формула, ставшая основой политической морали «бесов». Аморализм в политике поставил под угрозу самое существование культуры в России. К счастью, культура (иного, впрочем, и не могло быть) оказалась сильнее идеологии. Даже загнанная в подполье, она вела оттуда свое жертвенное Сопротивление.

Перестройка, объединяя народ и интеллигенцию, выводит культуру из катакомб. Но она выходит оттуда нищей, ослабленной, дезориентированной. Подобно детям, пережившим Чернобыль, она нуждается в уходе ВСЕГО ОБЩЕСТВА.

Нужна общенациональная воля к культуре.

* Перелистайте великолепный рассказ Ф. Достоевского «Бобок».

Михаил ЛЮБИМОВ

И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ

РОМАН

Глава четырнадцатая,

В КОТОРОЙ БЕЗУМНАЯ НОЧЬ, ДВА ЗАКАДЫЧНЫХ ДРУГА НА ЯХТЕ, МИРНО БЕСЕДУЮЩИЕ НАД ХЛАДНЫМ ТРУПОМ, ПАРА ВЫСТРЕЛОВ, ПОЛНАЯ ЯСНОСТЬ И, ЕСТЕСТВЕННО, ХЭППИ-ЭНД

«Ночь густела, летела рядом, хватала скачущих за плащи и, содрав их с плеч, разоблачала обманы. И когда Маргарита, обдуваемая прохладным ветром, открыла глаза, она видела, как меняется облик всех летящих к своей цели. Когда же навстречу им из-за края леса начала выходить багровая и полная луна, все обманы исчезли, свалились в болото, утонула в туманах колдовская нестойкая одежда».

М. Булгаков

«...жизнь моя течет спокойно и размеренно и, если проложить в тюремный двор трубу, качающую воду из Северного моря, сделать бассейн, подогреть его, засыпать все вокруг желтым песком и зажечь над Лондоном субтропическое солнце, и вместо грабителей и убийц запустить сюда пестрый люд из нашего санатория, ей-богу, я бы не соскучился до конца своих печальных дней. Как странно, но именно санаторий лезет в башку, как средоточие всех видов хомо сапиенс нашей благотворительной организации: там и борцы за здоровую идеологию, спасающие заблудших железом и кровью, и седовласые пенсионеры-полковники, прошедшие огонь и воду, и бледнолицые, измочаленные дамы-полиглотки, сидящие на святом деле подслушивания, и мускулистые атлеты из охраны, взлетающие над волейбольной сеткой, и юркие секретарши, отдыхающие от внимания начальников, чью подноготную они изучили, как пункты морального кодекса, и мрачноватые сыщики, обычно страдающие желудком,— попробуй потрудись за объектом, сидя на сухом пайке, попробуй помотайся по городу. Там и осторожные Кадровики — Ангелы-Хранители Партийной Морали, даже на отдыхе не отрывающие взоров от личного состава, они конспиративны и глушат водку в одиночку, а бутылки тайно выносят в город, чтобы не наткнулись на них уборщицы и не просигнализировали наверх о пагубных пристрастиях, там и руководящие Настоятели с одеревеневшими физиономиями, они живут в отдельных коттеджах, подальше от рядового люда, обычно с любимыми женами, и общаются коттеджами, не снисходя до нижестоящих компаний. Самые же сливки организации предпочитают номенклатурные санатории, где публика утонченна и суперпартийна, и готовят получше, и сервис подинамичнее, и разговоры высокие — куда нам со шпионским рылом да в калашный ряд!

Как странно, Сергей, вспоминать все это в цивилизованной тюрьме с либеральным режимом, цветным телевизором, дартами и правом выписать книги даже из библиотеки Британского Музея. Почему с умилением вспоминаю я именно санаторий, где мне всегда было трудно жить, где я чувствовал себя, словно в тюрьме — малой части великого Мекленбурга? Помнится, жил я в одной палате с диссидентоведом и сыщиком, спящими с открытым окном, что для меня смерти подобно: просыпаюсь с полноценным насморком. Смеялись они до колик, когда я утром чихал до одурения, подтрунивали, что я не вхожу в море, когда вода ниже 25 градусов по Цельсию, и однажды взяли меня на пляже за руки и ноги (это жандарм и филер!), раскачали и бросили в морские воды, переполненные медузами, холодными, как скорпионы, вползавшие когда-то в мою детскую кровать. Боже, каких историй я там наслушался! Один следил-следил за поэтессой, подрывающей устои, вошел за ней в подъезд, и там у них неожиданно вспыхнула любовь, затем в цирке роман завертелся с укротительницей тигров и проходил прямо на спящем хищнике; другой работал над крупным ученым, обставлял его агентурой, прокалывал колеса машины, организовывал обыски под видом грабежа квартиры, и полюбил его (клялся мне!), как личность, и поверил, как в Бога, и сейчас, когда ученый почил и, по мекленбургским законам, признан гордостью нации, ходит, наверное, на его могилу, плачет и возлагает букеты цветов.

Впрочем, я надоел тебе воспоминаниями, Сергей, совсем забыл и о маленькой радости: назначили меня редактором тюремной газеты, и это щекочет мое тщеславие не меньше, чем получение нового чина в Монастыре.

А вообще и грустно, и тоскливо, и не знаешь, куда себя деть, и зачем жить — времени тут на философские раздумья хватает... Вот такие дела, Сергей, помнишь, как ты пел под гитару: «В Лондо́не танки, в Лондо́не танки, и вот уж в Темзе тонут янки. И взрывы, как грибы-поганки, и в стратосферу валит дым»? Взрывов пока не слышно и танков не видно, а я сижу в тюрьме и сидеть буду до славного переселения к большинству человечества (лет пять-шесть, наверное, скостят за блестящее редактирование газеты). Наконец я придумал себе достойную эпитафию: «Sic transit gloria intelligentsiae».— «Так проходит слава разведки». Гниет здесь гордая латынь, аминь!

Наверное, Сережка, человечество идет к своему концу, и потому оно так опутано шпионством, люди вырождаются, проникаются все большим недоверием и ненавистью, грязь сыплется с неба, пустеет природа, испачканная воспетым нами прогрессом, затягивает ядерная отрава.

И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть, И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ, и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом, и голодом, и мором, и зверями земными.

Бритая Голова блеснул на прощание глазенками, пожал руку через стол (не выходил, стыдился карликового роста) и сказал: «На вас возложена миссия государственного значения: найти и обезвредить Крысу. Это один из многих наших врагов. Их много, и они нам нужны, ибо борьба с врагом объединяет народ, и чем больше врагов, тем сильнее нация!»

Неуютно и тесно мне в камере, даже в столь шикарной, но еще теснее на воле, Сергей, где человек, словно комар над грохочущим вулканом, где все пылко, зыбко и непредсказуемо. Ради чего я жил, Сергей? Проще сказать, ради чего я только не жил: и ради Великой Теории, большого рояля, который никогда не умещался в моей голове и вскоре распался на куски, и ради крепости славного Мекленбурга, которого почему-то всегда застигают врасплох коварные вороги. Все это вранье, I lived for living, я жил ради того, чтобы жить, любил мотаться по миру, хорошо жрать и пить, и женщин, и новые улицы, и листать газеты, пока пальцы не почернеют от типографской краски. И все-таки, если по чести, я любил эту проклятую работу: зияющую бездну неопределенности, щекочущую нервы таинственность, дымок конспирации и горьковатый страх, когда ступаешь на канат. Я любил эту работу, я любил радость победы, когда вербуешь и чувствуешь власть и свою волю, я любил успех, когда горячо бьется пульс и гремит в ушах: «Ты победил!» Все это ужасно, и Бог вряд ли простит мне это, и все же я надеюсь, что Он простит и поможет — помогал же Он в детстве возвращать домой маму!

Помнишь, Сережка, как ты закричал на меня: «Уходи вон из нашего дома, шпион!» Вот я и ушел, и, кажется, навсегда».

...Так мы и стояли друг против друга — два старых кореша, два мастера деликатных дел, два давних соперника. Любимая женщина лежала в глубоком обмороке, а товарищ Ландер и не думал просыпаться — Коленька не пожалел ему лошадиной дозы, всегда был щедр, легко давал деньги взаймы, наверное, и Енисея отправил в вечное путешествие с помощью такой же волшебной иглы.

— Ты прекрасно выглядишь! — сказал Челюсть (комплимент пришелся к месту, и я пригладил расползшийся пробор).— Теперь нужно доставить его до судна, оно совсем рядом, а я на машине. Он вполне сойдет за пьяного матроса, загулявшего в портовом кабачке, я принес с собою голландскую форму, надо его переодеть...

Я кивнул головой, еще не зная, что делать,— Челюсть свалился на меня как снег на голову, исходил из него лучезарный свет бодрости, широкая улыбка бродила по лицу, выдающийся подбородок сливался со щеками, только уши лопухами врывались в эту гармонию, как кашель чахоточника в фугу Баха.

— Но сначала небольшой приятный сюрприз,— продолжал он резво,— читай, я специально расшифровал и отпечатал для тебя.— И протянул мне машинописный текст.

«Лондон, Тому. Мекленбургский народ... все прогрессивное человечество празднует... ура!.. поздравляем... желаем успехов в работе и счастья в личной... ура! В связи с праздником — ура! — и определенными успехами в решении поставленных задач [1] руководством принято решение повысить вас в должности и досрочно присвоить вам звание... эт цэтэра, эт цэтэра». Подпись любимой Головы.

Я щелкнул каблуками и сказал просто, как солдат: «Служу великому Мекленбургу!», хотя настроение было далеко не праздничное, как афористично говаривали незабвенные Усы, даже совсем наоборот.

— Это только начало! — Словно халвой набивал мне рот.— Дома тебя ждут еще награды. Операция прошла великолепно. Чисто сделано! Теперь доставим его на судно — и точка. Прекрасно сработано, старик!

Он зажег сигарету и по дурной привычке сунул спичку обратно в коробок — вдруг повалил оттуда дым, коробка зашипела, полыхнула и поскакала по полу, как горящая мышка-крыса.

Тут только я увидел, что мой друг напряжен, как струна, и пыжится в своих счастливых улыбках, а на самом деле бледен и чем-то смущен — впрочем, чему удивляться, ведь не каждый день приходится убивать своих друзей! Он не торопился одевать Юджина, и я видел, как за улыбками работают груды его серого вещества, прикидывая, оглушить ли меня лампой, придушить подушкой, проколоть иглой или прострелить, как шута горохового, из бесшумного пистолета.

Почему он не прикончил меня сразу? Вообще не собирался убивать, надеясь на сотрудничество? Любил старого друга? Тайна и еще раз тайна, "There are more things in heaven and earth, Horatio, than any dreamt of in your philosophy".— «Есть вещи на этом свете, Горацио, что недоступны нашим мудрецам».

— Время есть,— сказал я,— не будем суетиться, дернем по стаканчику, повод у нас хороший! — начал стелить я ласково, чуть не прослезившись по получении желанной звездочки.— Давай омоем великое событие!

Я плеснул в бокалы джин, вспомнив «гленливет», текущий по разбитой голове Юджина, и одновременно локтем прощупав в кармане палочку-выручалочку «беретту».

— За твое здоровье,— ответствовал он, расслабившись.— И помни, что должность и звездочку тебе пробил я, и не только это, не буду всего рассказывать... в общем, за тебя, старик! Тебя примут на самом верху!

Счастлив, безумно счастлив, тронут и польщен, низко кланяюсь, друг мой закадычный, и видится мне, как я приземляюсь в аэропорту Графа — владельца Крепостного Театра, оживленный проспект города Учителя, Беломекленбургский вокзал с памятником Буревестнику и Основателю Самого Лучшего в Мире Литературного Метода, чуть дальше —

[1] Тут словно сто Чижиков поработали! Как это у первооткрывателя великого Уильяма? «Я, кажется, с ума сойду от этих странных оборотов, как будто сотня идиотов долдонит хором ерунду!»

Окончание. См. «Огонек» №№ 37—49.

монолит Поэту-Самоубийце со сжатым грозно кулаком — место поэтических состязаний мейстерзингеров и вагантов в период Первого Ледохода, поворот на кольцо Садов Шехерезады, площадь Саксофона, на которой давили усопоклонников в день прощания, правый поворот на улицу Лучшего Друга Культуры, заживо похоронившего Зощенко и Ахматову, левый поворот, мимо хозяйственного магазина на Мост Кузнецов, а дальше... о любимый гастроном, куда частенько забегал юноша бледный со взглядом горящим... Стоп! Прошу выходить, леди и джентльмены, добро пожаловать, милые леди, спокойной ночи, вспоминайте нас. Роща. Поросль. Подросток. Струной веревка — и юнцу конец.

В эту минуту безумно взревел мотор, яхта резко оторвалась от причала и, быстро набирая скорость, побежала по темной воде.

Все-таки Кэти зачислили бы в шпионы — сидели в ней здоровые гены дочки полковника, борца за права белого человека в колониях. Пока мы рассыпались в любезностях, она незаметно выползла из обморока на палубу и повела фрегат навстречу стихиям... Куда? Можно и не задавать этот глупый вопрос, естественно, к беловатым дуврским скалам, где только и можно обрести покой и счастье в объятиях лучшей в мире полиции — Скотланд-Ярда.

— Мы что? Плывем? — Он отставил бокал и вскочил на ноги.— Я совсем забыл об этой суке... надо ее остановить!

— Не беспокойся, дружище, далеко мы не уйдем и как-нибудь справимся с женщиной...— Я подошел к нему и похлопал по плечу, сейчас он выкинет руку из кармана и пропорет мне брюхо той самой иглой, на которую, как шашлык на шомпол, насадил бедного Юджина.

Но Челюсть бездействовал и тревожно вслушивался в уже ритмичную работу мотора, словно это было столь важно с точки зрения превращения пышущего здоровьем Алекса в череп бедного Йорика. Шляпа ты, Коля, бездарь и лопух, под стать твоим локаторам, шляпа ты, Коля, и балда, потерял форму, засиделся в кабинетах и на совещаниях, закрутился в словопрениях с Маней и Бритой Головой и совсем забыл об оперативной хватке, утратил былой собачий нюх.

Я еще раз ласково похлопал его по плечу и обнял за талию, словно перед танцем на катке Нечистых прудов. Змеиная лапа Алекса умопомрачительно изящнейшим образом прощупала оба нижних кармана куртки и, обнаружив ЦБ-447 (если не ошибаюсь, именно так называлась эта вершина научно-технической мысли с выдвигающейся иглой), несуетливо и неназойливо извлекла сей предмет на свет Божий и переложила игрушку к себе в карман. Дурак, он даже руку держал в кармане штанов, на носовом платке, вытирал ее, неврастеник, прежде чем приступить к нейтрализации лучшего друга.

— Садись! Руки вверх! — скомандовал я.

Только тогда он и заметил «беретту» в моей руке, калибр 6,4 мм, убойная сила что надо и скорострельность ненамного хуже, чем у пистолета-пулемета «венус».

— В чем дело, старик?

Старик! Так и пахнуло античным прошлым, когда неуклюжий и ушастый юноша в клешах открыл дверь заветного кабинета, и рванул ветер, и сверхсекретный документ, как змей бумажный, взлетел над площадью... много воды утекло с тех пор, старик, старина, старче.

Римма ему нравилась всегда, еще со времен ухаживаний за Большой Землей, и в последний раз, когда мы проковыляли от кабака у памятника Виконту де Бражелону к нам домой, он танцевал с ней нарочито сдержанно, на дистанции. Знал, что у дружка Алекса глаз, как ватерпас,— все сверху видно нам, ты так и знай! — все видит Алекс, хотя память на лица и ориентировка, скажем прямо, ни в какие ворота... В тот вечер я кемарил в спальне. Что же они делали? Танго, утомленное солнце нежно с морем прощалось, танго и снова танго, в эту ночь ты призналась, кожаный диван вполне вместителен, что нет любви. Впрочем, они встречались уже давно, и на дистанции он ее держал для конспирации.

Вдруг я почувствовал прилив крови к голове, казалось, что сейчас она брызнет фонтаном из носа и из ушей, сердце заколотилось, как у венецианского мавра... тьфу, черт! безумный Алекс! Успокойся, там же прыгал Чижик. Чижик-пыжик, где ты был? — Я за Коленькой следил.

Он смотрел на меня с удивленной миной, подняв бровь, как будто я без стука вторгся в его сановный кабинет и помешал скольжению пачки «Мальборо» по секретным документам.

— Не двигайся и веди себя прилично. Юджин рассказал мне все...

Он лишь поморгал растерянно глазами (быстрой реакцией никогда не отличался, разве только жену сумел подобрать в один вечер!): или не дошло, или дошло, но прикидывал, какие сведения мог передать мне Юджин (тот тихо отдыхал в своем загробном сне, снился ему, наверное, наставник Карпыч, отрывавший ученика от приятного процесса истошным воплем «Убери стул!»), или просто выигрывал время, чтобы собраться с мыслями.

— Что за шутки, старик? О чем ты говоришь?

Я не опасался его финтов — по самбо и прочим боевым дисциплинам Коля находился в последней пятерке, иногда я даже сдавал за него зачет по стрельбе, палил он позорно, курам на смех, ухитрился однажды даже в стену влепить, и пуля отскочила рикошетом в инструктора; это вам не Алекс, стрелявший, как Вильгельм Телль, и по движущимся мишеням, и по тарелочкам, и ночью с оптическим прицелом, и на бегу, и кувыркаясь по земле, и в прыжке с крыши сарая, не говоря уж о работе рукояткой в драке, когда пистолет пытаются выбить ногами, оставляя на руках кровоподтеки.

— Ты его классно затянул в работу, Коля, но удивительно, что не успел кокнуть после того, как он застал тебя с мини-камерой над документами...— Тут я побряцал на саркастической струне своей арфы.

Я ожидал, что он начнет ломать комедию и все отрицать, но, видимо, опасно было спорить с карающей Немезидой, и он не стал портить обедню.

— Что ж, все верно. В принципе, конечно.

— На кого ты работал? — Времени у меня оставалось мало.

— На англичан... на «Сикрет Интеллидженс сервис».

Дыму бы повалить из ноздрей Алекса, душе бы выскочить из ребер от справедливого негодования, но странное дело: то ли пусто уже было мое сердце, то ли устал я от всех передряг,— не было праведного гнева в груди моей, не было! Ничего не шевельнулось, кроме горьковатой обиды, что меня обдурили. Но тут же представил я Самого-Самого и всю камарилью — что мне до них? До ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови? Но тут же стыдно стало от собственной беспринципности, чуть ли не от предательства Родины.

— Значит, все аресты и последние провалы — твоих рук дело? — подогрел я себя.

— Не все... только не веди себя, как прокурор, Алик, постарайся меня понять,— говорил он мирно и спокойно.

Урезонивать он умел, ловко примирял самые противоположные точки зрения («с одной стороны»... «с другой стороны»... «истина всегда посредине» или «посредине истины всегда проблема»... «крайности сходятся»... «семь раз примерь, один раз отрежь»), Маня без него обходиться не мог, чувствовал себя как без рук, советовался почти по всем вопросам.

— И давно ты работаешь? — Как будто это имело значение, как будто скажи, что он вообще не Колька-Челюсть, а сэр Роберт Брюс Локкарт, и все бы тогда прояснилось и стало на свои места.

Наступила пауза, зашелестели, залопотали волны, старик Нептун ласкал бедра яхты, выпрыгнув из затяжного сна. Шум и ярость.

— Давно...— ответил он неопределенно, совсем взял себя в руки, словно обсуждали мы коловращение звезд на небе или выступление Самого на активе.

Знал он, конечно, много, и не только от Мани,— проложил надежные тропки и к Самому, докладывал кое-что тет-а-тет в обход Мани, и я своими ушами слышал от Челюсти, что Сам читал ему однажды собственные лирические вирши — не каждому поверял Сам свои душевные тайны.

— Работаю я давно...— повторил он и снова замолчал.— Чего ты от меня хочешь, Алик? Покаяния? — В поднятой брови застряла грустная ирония.

— С чего это все началось? — спросил и с ужасом почувствовал, что совсем не эта история меня интересует, она мне до фени, что мне до всех нюансов его предательства, навидался я всей этой фигни на своем веку, не главное это было сейчас, и не оно точило меня, как упрямый червь.

— Только давай без туфты, Коля,— добавил я.— Не надо мне насчет кризиса системы, прогнившего насквозь Мекленбурга, вечной любви к истине, свободных леди и джентльменах... Все это я хорошо знаю.

— А я и не собираюсь! — усмехнулся он.— Что мне жаловаться на нашу систему? Всем, чего я достиг, я обязан своей стране. Я частица системы, и не мне подвергать ее критике. Все очень просто, Алик, не буду скрывать от тебя: мне нужны были деньги. Говорю прямо, не хочу морочить тебе голову, мы все же друзья. По крайней мере были раньше.

— И неужели ты побежал в английское посольство... конечно, не дома, а где-нибудь за рубежом?

— Зачем же так грубо? Я никогда не пошел бы добровольно. Меня прихватили на компромате, прихватили простенько, но крепко. Неужели тебе это так интересно?

— Ты рассказывай и поменьше задавай вопросов!

— За границу, как тебе известно, я выезжал довольно часто, но валюты постоянно не хватало, ты же знаешь наши мизерные командировочные... Приходилось вывозить кое-что на продажу, пользуясь диппаспортом: картины, антиквариат... Познакомился я в Париже с одним старичком и через него сбывал товар. Только не смотри на меня испепеляющим взглядом, как солдат на вошь, я обыкновенный человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Я люблю красивые вещи... а что можно купить у нас?

— Как же они тебя взяли? Выследили? Неужели ты не проверялся перед встречами с этим старичком? — уже дурачился я.

— Конечно, проверялся. Просто старичок оказался старым английским агентом, еще со времен Сопротивления. Британцы быстро подключились к делу, все задокументировали... Дальше тебе должно быть ясно. Что мне оставалось делать, старик? — Он сказал это так просто и задушевно, словно мы сидели в баре недалеко от памятника Внуку Арапа Петра Великого, сидели и балакали, помешивая пиво соленой соломкой.

— Не соглашаться! — сказал я и даже застыдился своей непроходимой прямолинейности. Легко сказать «не соглашайся», а что дальше? А дальше англичане доводят все материалы до сведения настоятелей Монастыря, и забирают Челюсть добрые молодцы в «черный ворон», и увозят далеко-далеко, ни в сказке сказать, ни пером описать.

Он посмотрел на меня с интересом и промолчал, деликатный человек, привыкший к глупости, наслышался он ее вдоволь под куполами соборов.

— Выходит, англичане все это время знали и обо мне, и о Генри, и о других агентах? Значит, они знали и о «Бемоли»? — Тут я почувствовал наконец настоящую обиду и начал медленно закипать, заработал омертвевший мотор.

— Сколько лет ты работаешь в разведке, Алик? — улыбнулся он.— Какой же умный агент выкладывает своему хозяину все? Кое-что я, конечно, передавал, но большую часть утаивал. Иначе бы я давно сгорел! Будто ты не знаешь, что такое бюрократия в любой разведке! Что им агент? Всего лишь винтик в большой карьере. Агентов любая служба эксплуатирует как рабов, сжигает, спаливает до конца! Зачем мне было рассказывать о тебе и «Бемоли»?! Чтобы они тебя посадили? И снова подозрение на меня, а разве мало тех провалов? Нет, я ничего не говорил, честное слово!

Тут беседа двух друзей была прервана драматическим выходом Кэти, бледной, как леди Макбет в ночь убийства, в распахнутой меховой куртке и ботфортах. Очень напоминала она рассвирепевшую фурию, с такой неподдельной яростью я сталкивался лишь раз в жизни, когда сфотографировал в Амстердаме проститутку, сидящую за витриной и зазывающую клиентов улыбкой, сделал это на память,— кто знал, что они этого терпеть не могут? — так профурсетка вылетела из своей норы и погналась за мною по улице, как собака за драным котом, призывая на помощь полицию и требуя засветить пленку, благо ноги Алекса на короткой дистанции никогда не подводили.

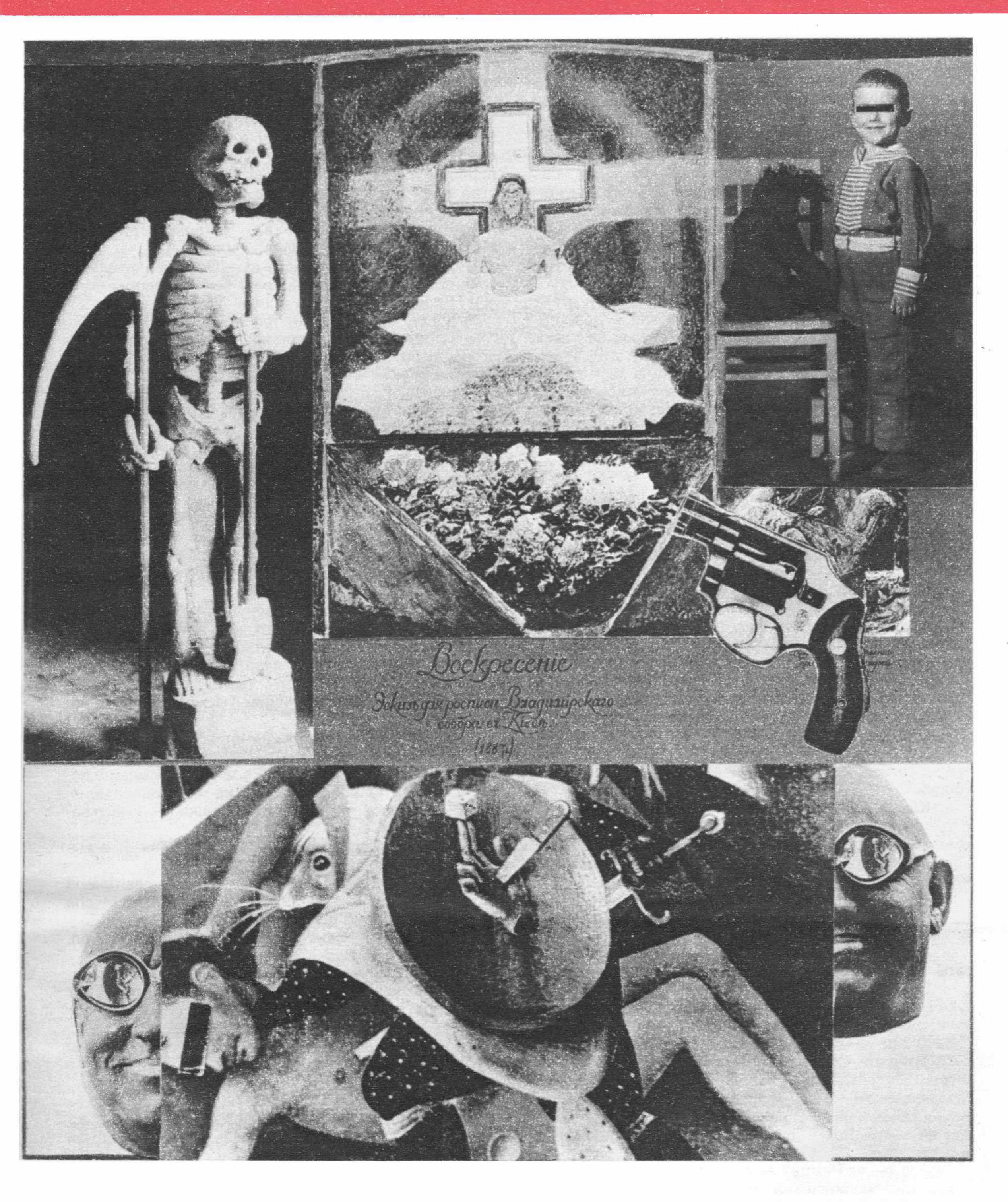
— Теперь я все поняла! — орала прозревшая Кэти (лицо ее в гневе стало просто прекрасным).— Вы говорили по-мекленбургски! Вы оба вражеские шпионы! Я вызвала по радио полицию, она с вами разберется! А ты...— это уже относилось персонально к блестящему Алексу,— ты... самый последний негодяй, ты... (дальше следовал довольно богатый арсенал слов, свидетельствующий о том, что дочки полковников не теряют времени даром в парикмахерских на Бонд-стритах и набираются знаний в народе).

— Что с тобой, милая? — попытался я мирно уладить конфликт.— Успокойся, Римма! — Непростительный кикс, даже в форс-мажорных обстоятельствах, когда думаешь об одном и том же.

Карие глаза округлились от гнева, и она бросилась на меня, как разъяренная тигрица, на миг мне показалось, что она даже порыжела и превратилась в Римму.

Я одним приемом завернул ей руку за спину, впихнул в спальню (спаленку) и запер дверь на ключ, не выпуская из рук «беретты». Некоторое время она колотила по дереву своими ласковыми кулачками, но потом умолкла — всему имеется конец, все течет. все меняется, количество превращается в качество, а остальные законы диалектики я так и не усвоил.

— Слушай меня внимательно, старик! — сказал он.— Будь благоразумен и не поддавайся эмоциям. Из-за чего сыр-бор? Неужели мы не сможем поладить? Операция прошла успешно, предатель схвачен, все о'кей!

Коллажи А. КОВАЛЕВА

— Ты предлагаешь мне работать на англичан? — У меня даже горло перехватило от его наглости.

— Что я, дурак? Давай думать о самих себе, найдем компромисс. Англичане даже не знают, что я здесь нахожусь. Конечно, я им кое-что передавал, но и дурил достаточно. Мы вернемся домой, и я порву с ними. Хватит! Любой агент рано или поздно проваливается, таков закон разведки, и следует вовремя остановиться.

Он не знал, что я оглушил Хилсмена, и рассуждал просто: дурында Алекс грузит Юджина на корабль, возвращается в Лондон, все шито-крыто, все абсолютно при своих.

— Какой тебе смысл возвращаться домой? Уж лучше дождаться полиции... здесь тебе моментально дадут политическое убежище, осыпят наградами, обласкают...— Я напускал дым, играл с ним.

— Что мне тут делать? Работать мальчиком на побегушках? К тому же я люблю свою родину! Твоя воля, конечно, старик, но я хочу вернуться домой!

Не притворялся Челюсть и не лгал, он действительно любил свой Мекленбург, новую дачу на горе святого Николаса прямо у речки, среди сосен и лужаек, усеянных хвоей и шишками, и солнце, проступающее сквозь утреннюю туманную дымку, и пар, плывущий над рекою. И еще любил он медленно и значительно идти по коридорам Монастыря, ему уступали дорогу и неестественно выпрямлялись (они все привыкают к тому, что им уступают дорогу, и однажды на Мосту Кузнецов, когда в него неожиданно врезался мужик с рюкзаком, набитым пустыми бутылками, он обалдел и долго в себя не мог прийти от изумления), и обводить немигающими глазами затихший зал, взойдя на трибуну, и крутить карандаш в президиуме, и мчаться на черном лимузине на красный свет, слегка кивая козыряющим милиционерам, любил он скорость и, когда застревал в «пробках», мрачнел и хмуро разглядывал затурканных женщин с кошелками. Он любил свой Мекленбург, никаких сомнений, что любил...

И тогда я достал из кармана коробочку, переданную мне влюбленным антропосом Генри, и швырнул ему в лицо — оттуда выкатилась и упала на пол запонка с профилем Нефертити, потерянная им у Генри, мой подарок в знак вечной и нерушимой дружбы. Коробочка попала ему в губу, и по боксерскому подбородку потекла струйка крестьянской голубой крови.

— Зачем ты приходил к Генри? — Теперь я уже допрашивал всерьез.

— Я решил лично проверить, что он из себя представляет. Я начал сомневаться в правдивости твоих отчетов, старик... Я решил, что ты гонишь липу. Извини.

— Врешь! Ты сказал, что я предатель! Ты поручил убрать меня сразу, как я вернусь из Каира!

— Убить тебя? И ты поверил этому старому дураку? Да он давно не ловит мышей! Ты мне совершенно не мешал! Мне нужен был Женя Ландер! Я боялся его, я боялся его разоблачений. После того, как он сбежал из Мекленбурга, я уже не мог его достать. Мне нужно было вытянуть его в Лондон, привязать к тебе, к «Бемоли»! Я это сделал. Я и не собирался тебя убирать!

Так он и признается, не такой дурак. Очевидно, я случайно чуть не попал под машину Генри, любил старик покататься после полуночи на своем драндулете, побаловаться со своим куратором, а днем поразвлекаться стрельбой по предметам, напоминающим кокосовый орех. И даже сегодня утром пришел он с любимой ко мне за благословением, а бельгийский браунинг так мал, что завалялся в рукаве пальто с прошлого века.

— Понятно, что Юджин тебе мешал. Но почему ты не обратился к своим хозяевам? Они бы запросто его убрали... ведь речь шла о твоей безопасности.

Подул ветер, и яхта закачалась на волнах — мы стояли где-то посредине Ла-Манша. Ночь была нежна, в такие ночи лунатики выходят из своих насиженных углов, безумно улыбаясь, бродят по улицам и плывут по каналам в гондолах.

— Я просил англичан, но они категорически отказались. Сослались на свои дурацкие законы, ограничивающие работу спецслужб... на контроль парламента... на низкий авторитет СИС после дела Филби и еще на тысячу причин. Но они дали мне понять, что не будут чинить препятствий, если я сам займусь этим делом. «Достаньте мне адрес Ландера,— просил я,— остальное вас не касается!» И они раскопали адрес Ландера в Каире, и на том им спасибо! Я начал действовать в одиночку... забавно, правда? У тебя нет закурить? — Он волновался.

Я достал из ящика пачку сигар, которыми иногда пробавлялся. Он чиркнул спичкой, закурил и продолжал:

— Во время командировки во Францию я под другим паспортом перебрался в Лондон и там явился к Генри. Конечно, это было рискованно, но что я мог сделать? Наши не хотели ввязываться в поиски Ландера, Бритая Голова и слышать об этом не мог. И вообще мне неудобно было выступать перед Маней с какими-либо планами в отношении Ландера. Предатели — не мой участок работы, ими занимается другой человек, и моя инициатива могла показаться подозрительной другим заместителям Мани и ему лично. Другое дело, если Ландер всплывает в Лондоне, которым я непосредственно занимаюсь. И тем более в тандеме с тобой и всей «Бемолью». Понял, Алик? Итак, я явился к Генри, придав себе некоторые внешние приметы Ландера и оставив его адрес в Каире. Я не сомневался, что он передаст тебе все и штатники заинтересуются делом... Можно, я выпью джина?

Я налил ему чистый джин, следя за тем, чтобы он не выкинул финта. Мозги Генри он запудрил лихо, ничего не скажешь! А я клюнул на Рамона, святая простота, воистину дурак ты, Алекс, старый осел. Хотя он так ловко разыграл испанский акцент и прочее...

— Комбинация прошла на удивление гладко: Генри сообщил тебе, ты — Хилсмену и в Центр. Тут уже инициатива исходила от тебя, и все дело Ландера само собой привязывалось к «Бемоли». Я снова овладел ситуацией и, главное, вытянул Ландера в Лондон. Твоими руками... но другого выхода не было, старик! Дальше все уже проще.

Самое интересное, что поведывал он эту историю совершенно спокойно, будто он и не был Крысой, прогрызшей днище корабля: такая, мол, приключилась история с географией, и вот сидим мы на яхте и обмениваемся мнениями.

— Я не вру. Во всяком случае, я не планировал убивать Ландера, я думал с ним встретиться и перевербовать...

Ха-ха, вывезти, перевербовать, побеседовать, так я и поверю. Знаем мы эти штучки, не лыком шиты: заманить предателя на корабль и там поговорить по душам, авось он и раскается, и согласится, по пути, между прочим, Ландер поскальзывается на мокрой палубе и мгновенно падает за борт... Впрочем, не довез бы его Челюсть до судна, ликвидировал бы по дороге.

— Мы действительно не хотели его вывозить или убирать. Только поговорить, и тут мы ничем не рисковали — ведь его семья оставалась в Мекленбурге,— продолжал он и неожиданно зевнул, заскрипев своей необъятной челюстью, не от желания подремать, а из-за нервности — у меня самого такие штуки бывали.

— А зачем ты затянул меня в Кале? Неужели нельзя это было сделать в Брайтоне? — Я стал легко подыгрывать, выполз актеришка на сцену и начал корчить наивные рожи, будто и невдомек мне было, что вместе с Ландером планировал он отправить в лучший мир человека благородной внешности и характера, почитателя доброкачественных лосьонов, чей образ надолго врезался в память жителей Хемстеда.

— «Красная селедка» с ирландцами,— отзевавшись, он вытер рот платком,— убивала сразу двух зайцев. С одной стороны, отвлекала противника от операции с Ландером, с другой стороны — укрепляла твои позиции. Разве не так?

Спасибо, друг, никогда не забуду, и спасибо за «с одной стороны» и за «с другой», знакомым холодком повеяло, чижиковым говорком, ароматами знакомыми дохнуло от монастырских стен. Где сейчас Чижик? Какую цидулу сочиняет и считает ли возможным, целесообразным и необходимым само существование Ла-Манша, в середине которого замерла наша скромная яхта, ожидая полицейский катер (меня — в каталажку, Челюсть же — в карету и на аудиенцию к премьер-министру, повесить орден Подвязки на шею, возвести в титул пэра и захоронить в Вестминстерском аббатстве — этого я перенести не мог, все, что угодно, только не это!). Итак, целесообразно ли пребывание пролива Ла-Манш в составе Северного моря?

— Инициатива вывоза Ландера в Брайтон и Кале целиком принадлежит мне. Центр об этом ничего не знал, он был поглощен операцией с «пивом» и ирландцами. Все разработано мною лично на корабле. Болонья тоже ничего не знал о деле Ландера, он выполнял лишь операцию с ирландцами и служил передаточным звеном. Мои шифровки, естественно, он читать не мог. Беседу с Ландером я предполагал провести лично...

И вдруг влез в одно ухо папаша Уилки и заорал: "O! what a fall was there my countrymen"; а Маня, почему-то в орехово-зуевских трусах, впрыгнул в другое и продолжил: "Then I, and you and all of us fell down whilst bloody treason flourished over us"[2]. «Кровавое предательство!» — повторили они уже дуэтом, оглушая мои смутные мозги.

— А какова роль Бритой Головы? — спросил я, выдув из ушей обоих маньяков.

— Нет никакой роли. Телеграммы, которые Болонья передавал тебе за подписью Бритой Головы, написаны мною... Бритая Голова не имеет к ним никакого отношения. Я знал, что на тебя действует авторитет высшего руководства. Как видишь, я не очень ошибся... Я был убежден, что ты мне поможешь.

Тонкая интуиция, потрясающее доверие к другу, преданность и порядочность, как же может обойтись Дон-Кихот без своего верного Санчо Пансы? Правда, идальго никогда и не замышлял убийства своего слуги... Черт побери, они с Риммой делают одно па, затем другое. Кожаный диван. Чижик мог и уйти в другую комнату. Что дался тебе этот диван? Очень он им нужен, у него наверняка для этих целей конскквартира или приятели вроде Юджина. В конце концов по утрам Сергей в школе. Она встречает его в японском кимоно, он надевает мои тапочки, да-да, мои тапочки. Оба смеются от счастья... Он снимает с нее мой подарок... Я, кажется, схожу с ума!

— А какого черта ты направил этого дурака Пасечника к Жаклин? Зачем он попер к ней с подарками? В результате его засекли, а ее уволили...— И снова в глазах обаятельная пара и сцена у фонтана с чуть не прозвучавшим пистолетным хлопком. И лети душа Алекса далеко-далеко, туда, где синеют морские края и шипят сковородки с заблудшими грешниками.

Он искренне расхохотался, будто бы и не мандражил — чертово самообладание было у моего дружка,— раскрыл пасть со своими клыками и превратился в одну огромную челюсть. Прекрасный рот, она, наверное, любила его целовать... языки их сплетались, как поганые змеи...

— Сработал, как говорится, человеческий фактор. Пасечник действительно дурак. Разве ты забыл, что такое наш гражданин за границей? Так что он проявил здоровую инициативу и решил сделать бизнес. Набрал икры и пошел к старой подруге... Никто об этом и не знал. Лишь на следующий день Болонья засек у своего агента валюту, и тот раскололся... Спишем это как брак, как human factor.

Интересно, а как и когда планировалось списать меня, на пароходе или в одном из портов? Ход мой дружок сделал, бесспорно, смелый, дерзости ему не занимать, удар — и один шар в угол, а другой — в середину: вывел штатников и меня на Юджина и озадачил скучающего Генри, осветил последние годы старца свежей идейкой — действительно, что может быть благороднее, чем убийство предателя Алекса?

Какой добрый друг, какой порядочный человек: англичанам не выдал и никак не завалил, наоборот, продвинул по службе перед тем, как пришить,— порядочный человек, патриот, великий гуманист, просто Эразм Роттердамский, помог боевому товарищу, спасибо, дорогой, спасибо!

И все-таки он и Римма — суки. Нормальный человек должен любить кладбища и уважать смерть, нет в этом ничего предосудительного. А они смеялись. Смеялись, а я работал, проверялся до пота, рисковал, верил, честно осуществлял «Бемоль». Боже, сколько сгорело нервных клеток, сколько потрачено времени и сил! А они хохотали. Интересно, в какие моменты? Снова начинается, take it easy, не психуй, Алекс, не нажми случайно на курок «беретты».

— Подумай, старик,— продолжал старый друг.— Самое разумное — возвратиться в Кале и довести операцию до конца. Пока еще есть время. Обещаю тебе, что разорву с англичанами, найду для этого удобный предлог. Или уйду в отставку, а тебя предложу на свое место. Подумай, Алик, ведь жизнь и дружба выше политики, выше разведки, выше всего! Мы выведем тебя из игры... закроем «Бемоль»...

— Я уже выведен из игры... пришлось оглушить «Фреда»...

— Вот как? Это меняет дело. Кстати, Хилсмен на ножах с англичанами, они почти не обмениваются информацией...

Я его и не слушал, суд только начался, а он-то думал, что уже вынесен приговор. Много вариантов сидело в черепе моего дружка и во всех них — продырявленный труп великолепного Алекса[3], и от этой мысли мне стало жарко, и снова накатились на меня волны ярости — плевать мне в конце концов на его предательство, но кто дал ему право распоряжаться моей единственной и бесценной жизнью? Обидно, что она путалась с ним или, не дай Бог, еще и любила серьезно, что обиднее всего, как и эта болтовня насчет кладбищ.

— Ну, а что за дама приходила с тобой к Юджину? — Словно спичку я у него попросил, никаких эмоций.

— Какое это имеет значение? Разные дамы...— И тут он раскололся, и залил его лошадино-аристократическую физиономию яркий румянец.

— Рыжеволосая, если я не ошибаюсь...— продолжал нажимать я, пер уже буфетом, топал, как слон, и плевать мне было на посудную лавку.

— Разные бывали...— сопротивлялся он вяло, затягивая спектакль.

— Это была Римма? — Мне уже нечего было терять, и ему, между прочим, тоже.

— Советую тебе обратиться к своему другу Виктору... кстати, мы через него тебя иногда контролировали... он был нашим внутренним агентом...

Не убил сим известием, нет! Жаль, конечно. Хотя вряд ли Совесть болтал им обо всем: он же хитрец. Совесть Эпохи говорил им обо мне только хорошее, это настоящий друг, хотя и агент, не мог он на меня капать, иначе никто бы меня за кордон не выпустил — такие мы с ним вели крамольные беседы.

— Это была Римма? — повторил я.

Тут он бросился на меня и ударил головою в грудь, сделал это бездарно и непрофессионально, за что и получил коленом в морду по высшему классу и отлетел на прежнее место, утирая кровь и слюни.

— Говори правду, гад! Или я выстрелю!

— Не думай, что я боюсь умереть... чихал я на это!

Он бросил взгляд в иллюминатор — уловил своими локаторами звуки мотора приближающегося катера. Или Кэти действительно дала «SOS», или очнулся Хилсмен и забил тревогу — сопротивление бессмысленно, пуля в лоб еще глупее, а эту суку заберут, приоденут, поселят в хороший коттедж с личным шофером в фуражке, выделят жирное жалованье и даже зачислят в штаты СИСа — английской разведки. Служил он честно и верно, предал всех, одного Алекса, старого дружка, сохранил в целости и сохранности, как сувенир молодости. Спасибо, друг!

Я отступил и случайно задел тело Юджина, он и не думал просыпаться, очнется, наверное, в раю, вместе с Енисеем — Коленька яды не разнообразил.

— Что ты заводишься? Подумай, Алик, я тысячу раз мог тебя завалить, если бы захотел. Давно бы сидел ты в английской тюрьме. Но я уважал тебя, ценил нашу дружбу.

Ценил, конечно, ценил, не хотел наносить травму Римме, да и не с руки иметь в любовницах жену заключенного, гораздо удобнее пиратствовать в счастливой и здоровой семье: никто не настаивает на разводе, все блюдут конспирацию, сор из избы не выносят. Какой наглец, сукин сын, тебе бы сейчас на колени упасть перед Алексом, молить о прощении, пыль ему слизывать с ботинок, а ты...

— Ты жил с нею, сука?! — Я дрожал от ненависти.

Глаза его блеснули, я убил бы его, если бы он сказал «нет», убил бы одним выстрелом.

— Я любил ее, старик. Мы любим друг друга...

Лучше бы он отрекся от нее, растоптал в грязи, заорал бы, что она жадюга и вытягивала из него драгоценности (кто же еще набил бриллиантами ее ларец? Кто еще? Может, и на англичан он работать стал из-за нее? Карамба, тысячу раз карамба!), что она последняя сука и сама его соблазнила.

— Врешь! — заорал я так, что брызги плеснули изо рта.— Врешь, гад! Закрой клюв!

— Да! Мы любим друг друга! — Словно в пику мне, словно красным покрывалом у бычьей морды.

— Врешь! Скажи, что врешь! Убью!

И тут он тоже заорал, трясясь в истерике:

— Стреляй, идиот! Стреляй, кретин! Я люблю ее, и она любит меня, ясно? Как можно тебя любить? С твоим пижонством, с твоей маниакальной страстью к кладбищам, где ты заглядываешь в каждый гроб! Ты же чокнутый, ты же больной! Что ты не стреляешь? Боишься? Где же твое самолюбие? Кретин... мы даже в шутку хоронили тебя... да, да, играли в такую детскую игру, спорили, в какой костюм тебя напоследок одеть, и даже придумывали речи на похоронах...— Он осекся.

Спокойно, Алекс, спокойно, прости меня, Господи, прости меня, отведи в сторону дуло, чтобы, не дай Бог, не нажать на курок, не бери грех на душу, Алекс, пожалей себя, Христос жалел и нам велел, возлюби врага своего как самого себя...

— Замолчи, сволочь! Замолчи! — Пистолет дрожал у меня в руке и прыгал, как артист.

Но он уже не мог остановиться, ненависть вылетала из него, как кипящая лава из вулкана.

— Посмотри на себя, что ты такое? Обыкновенный алкаш с манией величия. Ты же бедолага, неудачник!

Поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне. На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь вовек. По правде Твоей избавь меня и освободи меня; приклони ухо Твое ко мне и спаси меня.

— Ты бездарь и дурак...— Гармошка его уже играла сама по себе.

Раскаленная игла впилась мне в голову, и я выстрелил. Один, два, три, четыре...

Он лежал на диванчике, струйка крови вытекала изо рта. Я поправил валик у него за спиной — спи спокойно, дорогой товарищ, печаль моя светла.

...Суд тянулся недолго, убийства я не отрицал, обвинения в шпионаже отверг категорически.

Кэти, к моему изумлению, отказалась давать показания, иногда навещала меня в тюрьме и приходит до сих пор, принося с собой яблочные пироги, между прочим, очень вкусные.

Генри и Жаклин благополучно отбились от уголовного дела, контрразведка рассчитывала на меня, но получила фигу в зубы.

Так я и живу, и дымятся на потухшем костре и обломки моей веры, и растерзанная душа, и бессмысленно прожитая жизнь, и за весь этот обман ненавижу я не знаю кого, наверное, самого себя.

Философ с ливерной фантазией рассказывал, что в Монастыре в свое время зрел гениальный планчик: задумали люди в кожаных куртках соорудить посредине Северного Ледовитого океана памятник Учителю высотою с небоскреб, а то и выше, чтобы падала от него тень на всю зажравшуюся Северную Америку, приводя в трепет менял и торгашей, дабы дрожали они от страха, прыгали, как букашки, и тряслись перед неминуемым возмездием за эксплуатацию трудового народа. Когда-то я восхищался этим, а сейчас мне смешно и противно, я ненавижу самого себя, и только Бог может мне помочь. Но достоин ли я Бога? Конечно, Он простит меня, но станет ли мне от этого легче?

Из газет я узнал, что в Мекленбурге веют новые ветры. Но что бы там ни дуло, слишком много осталось знакомых харь, а Монастырь стоит, как стояла и будет вечно стоять мекленбургская земля. Писем с родины я не получал, ибо в Австралии у меня никого не осталось.

В детстве мамин подполковник написал мне стишки:

«Он у нас смирней барашка,
А на деле он — Антей.
Алик — настоящий маршал
Детской армии своей».

Сбылось.

И дальше, еще смешней:

«Спи, наш Алик, сладко спится,
Чтоб во сне ты увидал,
Будто у тебя петлицы,
На петлицах восемь шпал».

Сбылось...

[2] «О какой позор, соотечественники! И я, и вы, и все мы лежали ниц, и кровавое предательство цвело над нами!»

[3] Виделся я себе почему-то лежащим ничком, скорчившимся, маленьким, в луже крови самой лучшей группы, и жирные мухи ползали по растрепанной голове.

МАСТЕРСКАЯ

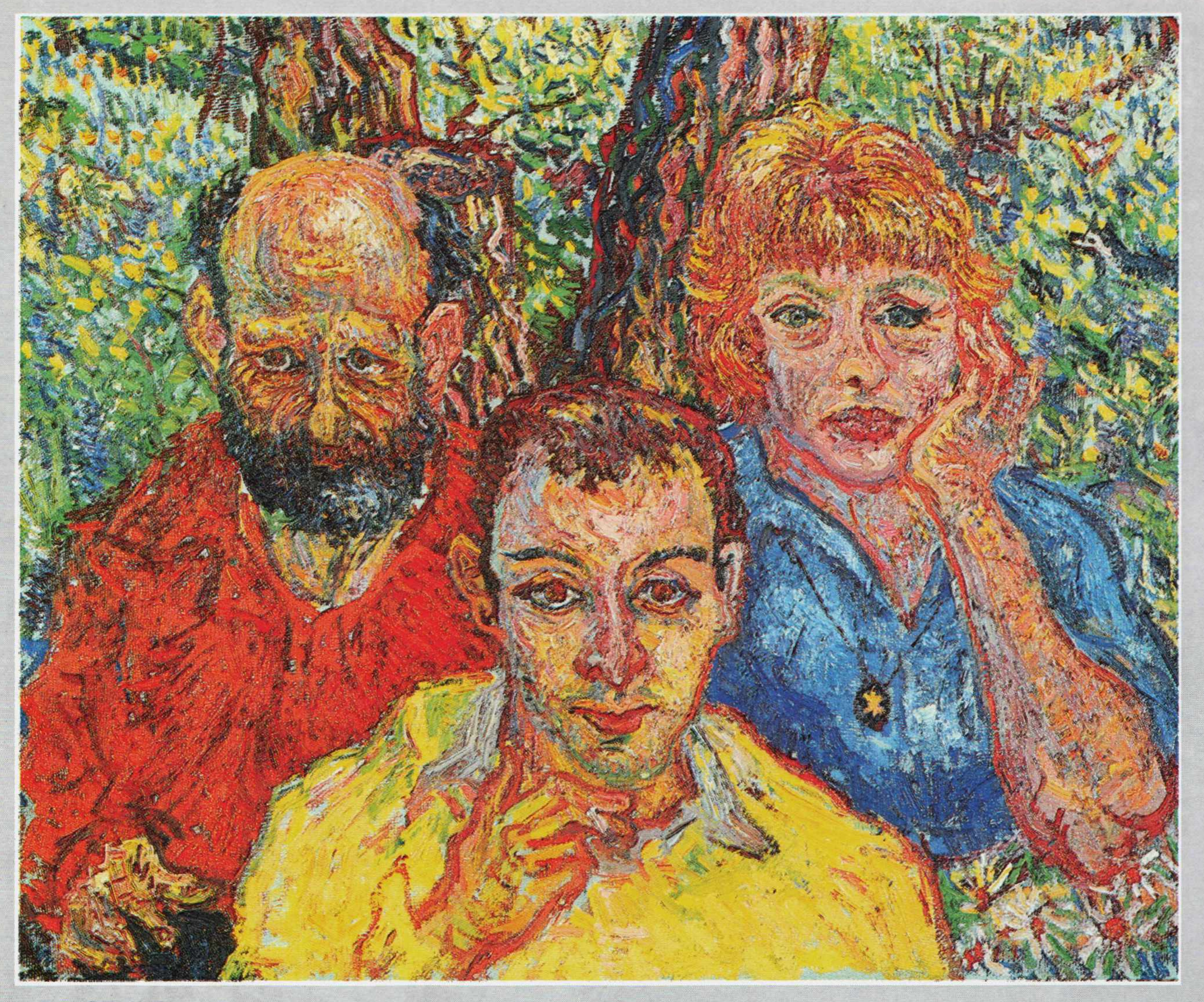
ПРЯМОЙ РАЗГОВОР

Дима Карабчиевский живет в Москве, в этом году ему исполнилось двадцать три года. Хотя возраст тут не имеет значения, любопытно другое: таким живописцем — вполне зрелым, серьезным — он был уже и пять, и шесть лет назад. Он прошел школу Бориса Биргера; замечательный художник и педагог, в то время, на рубеже восьмидесятых, опальный, официально не признанный, с первого взгляда отметил способности двенадцатилетнего мальчика и затем пять непрерывных лет учил его мастерству рисунка и живописи. (Заметим еще — совершенно бесплатно, что в наше время бывает нечасто...)

Дима, впрочем, не сделался ни подражателем, ни даже последователем Биргера — сказалась вполне естественная разница темпераментов, восприятий, способов мышления, но навсегда сохранил к своему учителю благодарные и теплые чувства. Уже к семнадцати годам он сформулировал для себя как бы некую концепцию, наиболее соответствовавшую ему по характеру и мироощущению. Она была, возможно, и не совсем нова, но ведь каждый художник все главные принципы творчества должен открывать для себя сам. Основной тезис был таким: живопись не столько фиксация свойств натуры и модели, настроения и даже ощущения автора, сколько прямой разговор

Дмитрий КАРАБЧИЕВСКИЙ.
ОДЕССА. ГАЗЕТНЫЙ КИОСК. 1988.

МОЯ СЕМЬЯ. 1988.

СЕЛО МОЖАЙЦЫ. 1988.

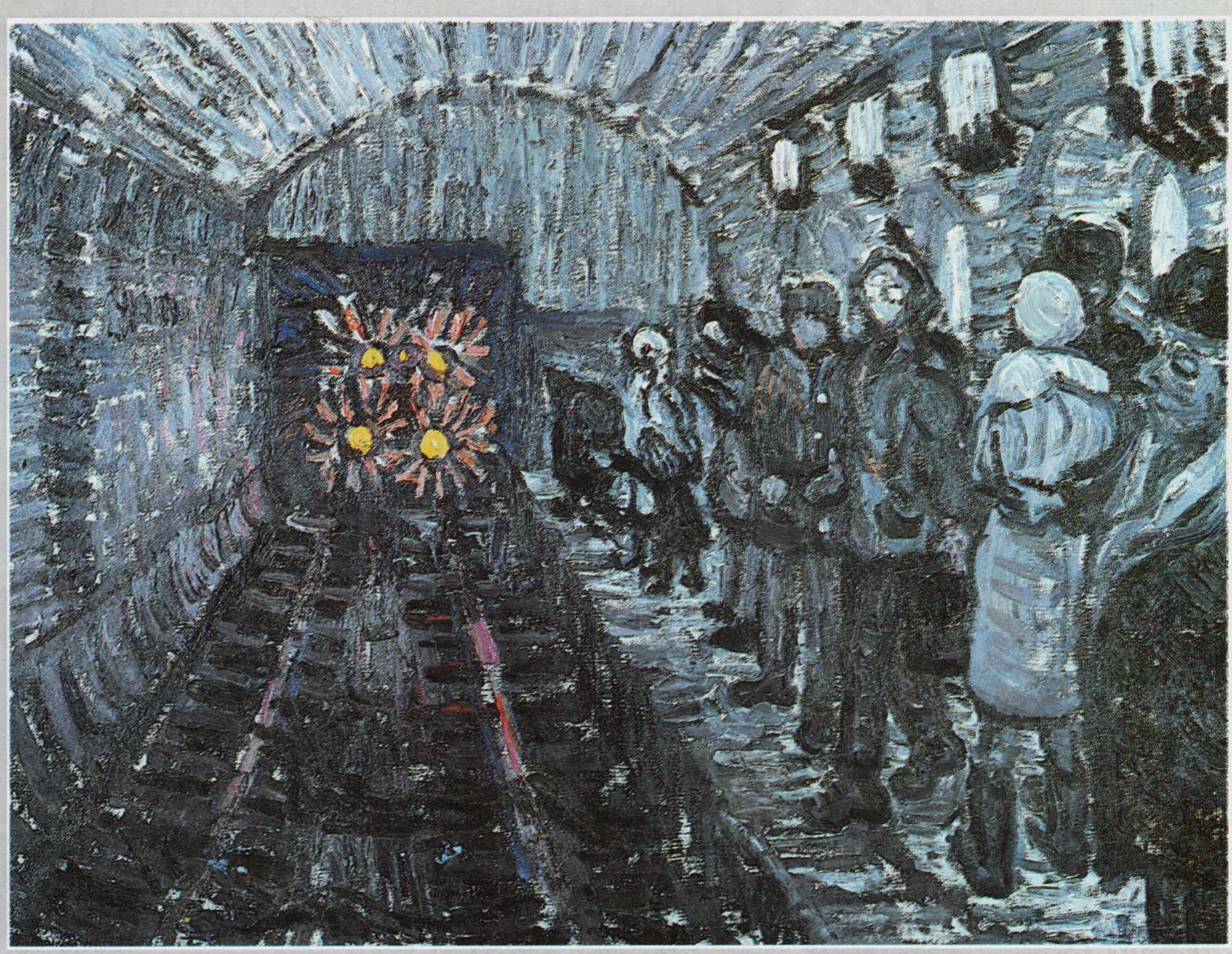
художника со зрителем. Отсюда уже в ранних его работах — предельно активное и свободное отношение к цвету при, казалось бы, вполне традиционном рисунке, резкий, густой мазок, яркие, порой почти «горячие» краски, частое использование цветовых контрастов. Заочные учителя и предшественники молодого художника прослеживаются без особого труда: это французские постимпрессионисты, в первую очередь, конечно, Ван Гог, затем Сёра, Синьяк и Гоген...

Однако любой непредвзятый зритель согласится, что при всей очевидности адресов и отсылок работы Карабчиевского — это только его работы, однажды увидев, их уже невозможно спутать ни с какими другими. Разговор со зрителем ведется с помощью энергетично «звучащего» цвета, но цвет нигде не становится отвлеченным знаком, а всегда остается органическим свойством объекта. Жанры — самые разнообразные: пейзаж, портрет, интерьер, натюрморт, студийная картина. Но все-таки прежде всего — натурный пейзаж. Он работал в самых различных местах: в Москве, в Ленинграде, в российской деревне, на Украине, в Молдавии... Трижды подолгу гостил в Армении, больше пяти месяцев провел в Израиле, где жил в «деревне русских художников» под названием «Са-Нур», что означает «Несущий Свет». Кстати, все написанные им в Са-Нуре картины были оптом закуплены иерусалимской галереей «Алек». Его работы вообще охотно покупают зарубежные коллекционеры, есть они в Нью-Йорке, Монреале, Бостоне, Берлине и Мюнхене. Он давний участник многих выставок — московских, всесоюзных и зарубежных.

Все это, однако, в нашей стране не дает ему никакого статуса, поскольку пять лет учебы у Биргера в качестве высшего образования Союзом художников не признаются. А без этого, как известно, туда никак не вступить. И Бог бы с ним, с Союзом художников, да вот краски стали теперь продавать лишь по членским билетам. Так что Диме Карабчиевскому ни холстов, ни красок, ни кистей, ни подрамников не положено, и приходится ему, как и всей прочей несоюзной творческой молодежи, покупать их из-под полы, с переплатой. Впрочем, это уже другая тема...

Шарафат АНАРКУЛОВА

В ОЖИДАНИИ ПОЕЗДА.
1988.

НА КУХНЕ.
1984.

«ОРТЭКС» НЕ ЖДЕТ РЫНКА — ОН ЕГО ФОРМИРУЕТ, ДЕЛАЯ ВАШИ РУБЛИ СВОБОДНО КОНВЕРТИРУЕМЫМИ СЕГОДНЯ.

ИМПОРТНЫЕ ПОСТАВКИ ОРГАНИЗАЦИЯМ ПО ЦЕНАМ НИЖЕ РЫНОЧНЫХ С ОПЛАТОЙ ТОЛЬКО В РУБЛЯХ ПРОДУКЦИИ ВЕДУЩИХ ФИРМ ЯПОНИИ, США, ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ, ЮЖНОЙ КОРЕИ.

ORTEX

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ КОММЕРЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «ОРТЭКС» ПРЕДЛАГАЕТ:

Оргтехнику и средства связи.
Телевидеоаппаратуру и оборудование.
Бытовые электротовары.
Медицинские инструменты и оборудование.
Новые легковые автомобили, микроавтобусы, джипы.

Единичные, мелкооптовые поставки организациям по договорам лизинга в сжатые сроки. Оплата по аккредитиву.

Наш адрес:
117593, Москва, «ОРТЭКС»
телекс 131310 ORT SU
факс: (095) 426-4500;
(095) 427-5911;

телефон для справок: 427-11-01 (5 линий)

консультации специалистов
тел: 426-64-10 — оргтехника и средства связи
427-64-00 — телевидеоаппаратура и оборудование
427-66-11 — бытовые электротовары
427-63-11, 427-20-11 — медицинское оборудование и инструмент
427-65-22, 427-20-11 — легковые автомобили, микроавтобусы, джипы

Украинское представительство:
г. Киев-1, гостиница «Москва»,
«Ортэкс»
факс: (044) 229-3721
тел: 229-17-41
229-02-38
229-37-21

Туркменское представительство:
г. Ашхабад, ул. Кемине, 154,
«Ортэкс»
факс: (363-2) 25-5377
тел: (363-2) 25-53-77

Юрий В. ДАВЫДОВ

БУРНЫЙ БУРЦЕВ

10. ПЕРВЫЙ ЗЕК НОВОЙ ЭРЫ

За несколько дней до поспешной эвакуации из Зимнего Керенский, спасая демократию от беспартийного Бурцева, прихлопнул его газету «Общее дело». Бурцев поступил, как многие издатели, в том числе большевики-правдисты: изменил название газеты. Аккурат в день рождения Великой социалистической революции в ее колыбели подарочно белел листок под названием «Наше общее дело». Увы, издатель не считал Октябрьскую делом общим, а считал узурпацией. Вечером матросы-кронштадтцы громыхнули прикладами в квартире Бурцева.

Лет сорок спустя случилось мне беседовать за чашкой чая с бывшим кронштадтским матросом А. А. Дороговым — коренастый, крепкий, голомозый, круглолицый. В первую мировую войну он служил на балтийском минном заградителе «Амур». Когда большевистский Военно-революционный комитет вызвал кронштадтцев в Питер, «Амур» возглавил кильватерную колонну. Дорогов был на минзаге председателем судового комитета. И это он, А. А. Дорогов, выйдя из Главного штаба, уже захваченного, пересек сквозь тьму и дождь Дворцовую площадь и передал защитникам Зимнего ультиматум Антонова-Овсеенко. И вот...

Старик резко повернул руль, беседа покатилась в русле рассуждений о том, что раньше коммунисты были не такие, как потом и нынче. Упомянул он сталинского наркома Ежова, коего пренебрежительно назвал Колькой. Самый существенный Колькин недостаток состоял в том, что тот слишком уж закладывал за галстук и частенько дрых у него, Дорогова, в караулке: Ежов учился в Социалистической академии, а он, Дорогов, там комендантствовал и никогда не говорил, что караул-де устал, валяйте, мол, расходитесь.

Ущучил бывший кронштадтец и тов. Фурцеву: «Э, губы намалеванные и вообще шибко миловидная». По мнению старого большевика, ее внешность помешала членам ЦК принять генеральное решение, отчего и вышел перекос с кукурузой.

Постепенно прояснились причины его нареканий. Срабатывали ассоциации сложные.

Первая — Колька — возникала из отношений Дорогова к матросам «Авроры». Незаслуженная слава досталась крейсеру. Ишь, леген-дарный! Пальнуло всего разок, и то сигнально. Вот со стороны Петропавловки садили по Зимнему всерьез. Но главное — «ты послушай»,— эти-то, с «Авроры» сорвавшись на берег, активно грабили винные запасы Зимнего, пили из горла и горланили: «Допьем романовские остатки!» А вот они, которые с «Амура», отымали посуду, били вдребезги. Не-ет, зря этому крейсеру слава-то досталась... Так, с запивохой Колькой все вроде было понятно: действовали по линии НКВД большим коллективом, а ежовы рукавицы одному приписали.

Теперь, значит, возьмем Фурцеву. Старик помедлил, морща лоб, и честно признал, что у той губы-то не были размалеваны. У какой — «той»? Объяснение вышло несколько издалека.

В первые дни Октября назначили Дорогова в отряд кронштадтцев наводить революционный порядок в Питере. Командовал прапорщик Благонравов. Красивый такой, интеллигентный, скромный, потом был крупным чекистом, а еще потом, само собой, разменяли как врага народа. (По сему поводу рассказчик не выразил ни одобрения, ни возмущения.) Так вот, наводили порядок. В гостинице «Астория» по случаю захватили черносотенца Пуришкевича, его сразу узнаешь — на лысой башке шишка. Он, Дорогов, повез Пуришкевича в Петропавловку, куда и временных уже определили. Как повез? «Да очень просто: на извозчике. По дороге Пуришкевич матерился круче боцмана. Да вдруг и говорит: «Слушай, матрос, у меня деньги есть, снеси в такой-то госпиталь, а там отдай такой-то сестре милосердия». Взяли? «А как же». И передали? «А как же? Вот она-то, сестрица, очень была на Фурцеву похожая, но лучше: губы не мазала...»

Наконец удалось-таки вырулить на заданный курс. Нужны были подробности первых дней Октября. И потому сейчас, расслышав стук кронштадтских сапог и прикладов, видишь, как матрос дороговского чекана запихивает «старую козу» в пролетку и везет в Трубецкой бастион, где Львович бывал и молодым бунтарем-народником, и сразу после возвращения в Россию пылким республиканцем.

Примечательно: клеветник, посягавший на честь и достоинство В. И. Ленина, был первым зеком новой эры. Несколькими часами позже в Трубецкой бастион Петропавловской крепости привели членов Временного правительства. Революция, о которой все время говорили большевики, совершилась. Совершившись, лязгнула засовом.

Отклик был веселым:

— Теперь ему пикнуть не дадим!

Кто бы вы думали? Какой-нибудь «богатырь сыска», вроде генерала Герасимова, или какой-нибудь черносотенец, вроде Пуришкевича, жаждущего поймать и повесить Бурцева? Нет, они уже были лишены этого удовольствия. «Пикнуть не дадим!» — весело и кратко отозвался Троцкий. И, должно быть, воинственно вздернул бородку, узнав, что Горький возмущен арестом Бурцева: держать в тюрьме человека, который нанес столько ударов самодержавию, позорно для демократии! О какой демократии речь? О буржуазной, что ли? Хладнокровней, Алексей Максимович, хладнокровней.

«Что бы ни говорили святоши чистого идеализма, мораль есть функция социальных интересов, следовательно, функция политики»,— писал Троцкий уже в изгнании. Писал незадолго до того, как туруханский знакомец Бурцева, функционируя именно в этом духе, чужими руками обрушил альпеншток на череп второго после Ленина творца Октября. В подобных случаях Бурцев выражался грубо: «Гады пожирают гадов».

Его союзником оказался и старорежимный министр Щегловитов. Тот, что упек Львовича в Туруханск. Теперь был досуг для тет-а-тет. Щегловитов признал, что в случае с Бурцевым вышла ошибка, а вот в другом случае — преступление. Да-да, преступление: не пустил в расход большевистских лидеров. «Если бы я это сделал, ни Россия не переживала бы нынешних ужасов, ни я не сидел бы теперь в тюрьме в ожидании расстрела. Каюсь в этой моей главной вине перед родиной». Тоже, знаете ли, не святоша чистого идеализма.

В пятнадцатом году Бурцев не нашел в крепости перемен, разве что деревья вымахали. В семнадцатом перемены заметил бы и незрячий. Ну, что за комендант? Комендантствовал Павлов, приятель упомянутого выше кронштадтского матроса: по словам Бурцева, пьяный и наглый полковой писарь. Крепостная команда прежнего времени, подчиняясь инструкции, ни на миг не помышляла о каком-нибудь самоуправстве. Теперь... Если заменять иностранные слова на русские, массы быстрее овладевают идеей. Пойди пойми: «Экспроприаторов экспроприируют». Любой смикитит: «Грабь награбленное». Скажи: «Юрисдикция» — черт знает, с чем едят. Скажи проще: право на суд. Ну, и рукой подать до самосуда. А в тюрьме этой сидят те, кто «до победного». А теперешний гарнизон Петропавловки — гурьба тыловиков. Для них слово иностранное — «дисциплина» — звучит однозвучно: жди отправки на фронт. Короче, самосудом припахивало жарко.

Неясно, по какой причине, но Бурцева переместили на Выборгскую сторону, в Кресты. Там некогда сиживал действительный статский советник Лопухин, а теперь сидели и Пуришкевич, схваченный — поверим матросу Дорогову — в гостинице «Астория», и монархисты, взятые по его делу, и министры, не успевшие спастись вместе с Керенским, и царский военмин Сухомлинов, и чины охранного отделения, Герасимов, кажется, тоже. Был тут и грузный, бородатый, обильно потеющий Белецкий. Он еще недавно занимал пост директора департамента полиции.

С Белецким у Бурцева нашлось немало «вспоминательных» эпизодов. Но честный не тронули: про то, как жилось Бурцеву в Туруханском крае, в селе Монастырском, по соседству с Джугашвили, и почему его, Бурцева, внезапно выдворили на брега Тунгуски. Нет, об этом — такая мелочь — речь не заходила. О племяннике директора департамента полиции тоже. Жаль! Белецкому-племяшу впоследствии почему-то мирволил Сталин И. В., особливо подозрительный по линии кровных, родственных связей, а племяшу Сергея Петровича, директора департамента полиции, мирволил. Бывают странные сближенья?

И странные бывают появления.

В силах ли вы, не вчера родившийся, вообразить: сидит в тюряге политический зек, клеймивший на всех перекрестках доныне правящую партию, ее лидеров, да вдруг и пускают в камеру американца-журналиста. Нет, ей-богу, сам тов. Троцкий Л. Д. заверил: пикнуть не дадим. И вдруг — пусть пикает, революция великодушна. А может, и прошляпили, не сразу запустишь все жернова.

Бурцев дал интервью. Он спел свою арию о германских деньгах, пломбированном вагоне, об узурпаторах и Брестском мире. Поразительно: песня не была лебединой.

Щегловитов каялся — не расстрелял негодяев. Каялись впоследствии и комиссары — черт догадал отпустить Бурцева. С него взяли подписку о невыезде. А суда он сам требовал. Так же, как до войны.

Из тюремных ворот он вышел в феврале — метель столбами. Знакомые говорили: бегите, они вас прикончат.

Он свиделся прощально с Лопатиным. Герман Александрович жалел, что не погиб от шальной пули год назад, в прошлом феврале. Он не принял Октябрь, не принял «социалистический выбор». Лопатин знал законы политической экономии: они предполагали долгое и плодоносное вызревание российского капитализма. Увы, «уровень» и «формы»...

Чуть не полвека минуло, как Лопатин впервые переступил порог лондонского дома на Майтленд-парк-род. В тот год Маркс предрек России громадную социальную революцию. Подчеркнул: она произойдет в формах, соответствующих «уровню развития Московии». Лопатин поморщился: «Московия». Градус его патриотизма был высок. Но не настолько, чтобы цыкнуть на седобородого: «Русофоб!» Впрочем, старый еврей не зажмурился бы от страха: вдоль Майтленд-парк-род прохаживался рослый бобби, совершенно деполитизированный.

Доктор Маркс поставил свой диагноз в 1870 году. В следующем году высказался Достоевский. Еще определеннее, еще страшнее. Социальное переустройство, сказал он, может обойтись народу в сто миллионов голов.

Первая революция принесла веские показатели и «уровня», и «форм». Розанов писал Лопатину про «общую кровожадность».

Лопатин не был равнодушен к способам и средствам. Знай это Ленин, он повторил бы: «Шутить изволите».

Еще до войны, обсуждая с Горьким литературно-журнальные дела, Владимир Ильич весьма иронически оценивал сотрудничество Алексея Максимовича и Лопатина. «Шутить изволите»,— писал Ленин, хотя и читал у Маркса «в высшей степени лестный отзыв» о Лопатине. Да ведь и Сталин впоследствии пропускал сквозь усы вместе с табачным дымом усмешливые замечания о старых революционерах — только тем хороши, что старые...

Отозвался ли Герман Александрович на сарказм лидера большевиков? Ни звуком единым. То было... Как бы деликатнее выразиться... Учитель Ленина говорил о Германе Лопатине: «Очень ясная *критическая* голова» (курсив К. Маркса.— **Ю. Д.**). Горький, восхищаясь Лопатиным, ставил его вровень с Толстым: столь же грандиозен. Ну, и спрашиваешь себя: пристало ли Герману Лопатину отвечать на это саркастическое: «Шутить изволите»?

Он не принял Октябрь — ясная критическая голова. А к горестным заметам сердца прибавилась на восьмом десятке от роду еще одна, самая глубокая, кровоточащая: русская демократия отцвела, не успев расцвести.

Что он сказал Львовичу перед разлукой? Бурцев ничего не записал. Но мы знаем лопатинское: «Никогда не говори — все кончено».

В мае восемнадцатого Бурцев («при помощи сочувствующих мне финляндцев») добрался до Стокгольма и не переводя дыхания издал брошюру на русском, шведском, французском — «Проклятье вам, большевики!».

11. «ТАЙНА ЕВРЕЙСТВА»

Первая эмиграция длилась примерно четверть века. Вторая, послеоктябрьская, парижская, до ворот пригородного кладбища, столько же.

Маски меняются, маскарад продолжается. Зловещий зал — не только личины, но и призраки. Развеять один из них Бурцев пытался в 30-х годах. Но этот призрак никто никогда не развеет. Быть может, он держится за стремя апокалипсических коней. А может, сидит в седле. Агасфер был пешеходом. Этот мерещится и наездником: конь опустит копыта где угодно, когда угодно...

Году в двенадцатом в Париже на средства эмигрантской кассы и Тургеневской библиотеки, живой и ныне, слава Богу, был дан литературный вечер. Василий Иванович Качалов, уже тогда знаменитый, изображая еврея-часовщика, читал рассказ об «административном чересчур».

Слушали и левые, многопартийные эмигранты, слушали и правые, вояжеры и жуиры с правого берега Сены. Этих-то и задел чувствительно еврей-часовщик. Ногами затопали, закричали в голос: «Безобразие! Вон жидов!» Пуще прочих надсаживался господин с улицы Гре-

Окончание. Начало в № 47.

нель. Посольские чиновники щекотливы. Но родину предпочитают любить издалека; перемещение без достаточного возвышения завсегда сочтут крушением, несчастьем. Такой и надсаживался. Его выставили. Качалов продолжил.

Это самое «чересчур» культивировалось как раз на улице Гренель. Напомним, там еще недавно преуспевал П. И. Рачковский, шеф заграничной охранки. И хотя его уже не было в посольском особняке, но дух витал.

А начинал Петр Иванович не на пустом месте.

Недра ведомств, занятых политическим сыском, богаты ископаемыми. Их выкапывают по мере надобности. Оная бывает локальная и глобальная, тактическая и стратегическая. В 1895 году Фонтанный департамент выдал на-гора документ, включающий все указанные надобности,— «Тайна еврейства».

То был, как указано в тексте, «суммарный очерк». Сумма свидетельствовала о том, что на еврейских дрожжах поднялось все европейское, а вдобавок и заокеанское: крестовые походы, изгнания турок из Европы, открытие Нового Света, революции американская и французская, объединение Италии и проч. А идейные течения, как и идейно-творческие личности, с еврейством не повязанные, были приторочены последним к своему седлу: Эразм Роттердамский, Вольтер, энциклопедисты, Гарибальди и т. д. Все и вся оказывалось расчисленным по еврейским часам — бег светил, морские приливы и отливы, затмения Солнца и фазы Луны. Все и вся подчинялось еврейской ворожбе по рецептам Каббалы, отчего иного и быть не могло, как только всеобщая кабала.

Любой метод, признанный единственным в постижении истории, страдает искривлением позвоночника и плоскостопием. Добро бы лежал на печи и слушал, как философы объясняют мир. Нет, берется переделывать мир. Следуя одному, избавляются от буржуев, следуя другому — от евреев. Потом зализывают раны или посыпают солью — в зависимости от объяснений философов-моралистов. Гармония!

Меморандум не философский трактат. «Меморандум» — от латинского: «память», «для памяти». В данном случае можно со строчных букв и вразрядку: «для памяти». Тем паче, что меморандум в понимании бюрократов — записка ведомственного характера. В данном случае — сыскного, карательного.

А раз так, отзвони со своей колокольни.

Прежде всего укажи капитальную опасность. Указали: в трюм русского дредноута подложена адская машинка. Она в бандероли масонства, а ее главная пружина — «тайное братство, состоящее исключительно из чистопробных евреев как по крови, так и по вере».

Теперь укажи «магистральные подкопы» жидо-масонства. Указали: подняв революционную волну, опрокинуть трон и, отделив церковь от государства, водворить химеру народовластия.

Укажи орудия, укажи средства. Указали: капитализм, враждебный самобытности; мятущаяся интеллигенция, враждебная государственности; крестьянин, лишенный земли и приобщенный к голодной зависти пролетариев. О пролетариях и толковать нечего.

Верно обозначив грунтовые воды, точившие «корни векового уклада», и тем самым опровергнув россказни о ладе, меморандум отмерил сроки: «Пройдет каких-нибудь десять, двадцать лет...» Десять лет спустя бушевала первая русская революция; двадцать лет спустя накатили кануны второй.

Все так. Однако тайну еврейского братства, главной пружины адской машинки, скрывал плотный смог. Любопытно, из этого братства наперед исключались вполне реальные бароны Гирш и Ротшильды — они способствовали распространению учения Христова. Отличная индульгенция! Тряси мошной, пархатый, все будет в порядке. Ну что ж, куда практичнее, нежели способствовать утечке еврейских мозгов. Впрочем, и способствовать практично. В противном случае неизбежна конкуренция с нееврейскими мозгами. В Московском императорском университете ректорат это понял чуть ли не год в год с появлением «Тайны еврейства». Понял, что никакая процентная норма не поможет. Либеральная профессура возроптала. Конкуренция, мол, в интеллектуальной сфере весьма пользительна для развития и совершенства нееврейских мозгов. Да-с, никогда не жди от либералов патриотизма и истинного.

Однако как же все-таки ухватить пружину жидо-масонского заговора? Дожидаться саморазоблачения? На добровольность не надейся, тут пытчики-истязатели нужны. Да где же взять? А лубянские и не снились. Приснись костоломная работушка с пейсатыми кремлевскими медиками, признавшими, что они — отравители, или, скажем, с Антифашистским еврейским комитетом, приснись такое творцам «Тайны еврейства», проснулись бы в знобящем поту... Но что прикажете делать? Не будет добровольного самоизобличения, то есть непыточного признания еврейства, расписывайся, как сказали бы теперь, в профнепригодности.

Огорчал прецедент с Оржевским. Не такой уж и давний, в царствование Александра III. Его отца, царя русского, убили русские. Террористы, нигилисты, революционеры, но не пришлые, не инородцы, а великороссы, и это искренне печалило государя. Генерал Оржевский, второе лицо в министерстве внутренних дел, человек карьерный, но не тяжеловесно, а как бы с танцевальными па, надумал его утешить. Оржевский мог бы отыграться на Гриневицком, метателе роковой бомбы, но не хотел бросать камень в соплеменника, опасаясь рикошета. И посему решил «подставить» евреев.

Гонцы-молодцы посетились в парижской Национальной библиотеке, выуживая «подходящие» пассажи из еврейских философских трактатов, а сверх того и кое-какие сведения о роли вездесущих иудеев во Французской революции. Оржевскому оставалось лишь представить все это государю. Но генерал не имел к нему доступа, вследствие чего обратился к другому генералу — Черевину, ближайшему наперснику Александра III.

Образованностью Черевин не блистал, зато пакостников чуял за версту. Да и вообще делил человечество на две части: государь-император и он, Черевин, а прочие — сволочь. Черевин перелистнул выписки гонцов-молодцов, Оржевского вполуха выслушал, после чего удостоверился, что и Оржевский сволочь.

И Александр III, и, значит, Черевин иудеев не жаловали. Оба, однако, держались правила, делающего им честь: инородцев надо карать, как и коренных подданных, по духу и букве закона.

Так было, но так ли будет?

12. ШИФР: L 566, 1469.

Не на ночь глядя вспомним ворона с улицы Гренель.

Старый враг Бурцева заведовал заграничной агентурой без малого двадцать лет. В девятьсот втором году Рачковский оставил посольский особняк. Он поселился в Петербурге. В департамент на Фонтанке новоиспеченный вице-директор являлся, невзирая на погоду и первые приступы подагры, ровно в десять. Бой кабинетных часов, наследство Бенкендорфа или Дубельта, ласкал его слух.

Педант, но и ученый малый, Петр Иванович цепко следил за подпольными изданиями. Право, дал бы фору партийным агитаторам и пропагандистам. К провокациям, чреватым провалами в подполье, он, как и встарь, относился серьезно. К фабрикации текстов с провокационным подтекстом — как к хобби.

В департаменте был свой, доморощенный умелец. Услуги узкого специалиста требовались все чаще. Ротмистр Комиссаров имел право самодовольно выговаривать, что он-де готов закатить любой «тур-де-валяй» (понимай: погромчик), хотите, на дюжину персон, хотите, на тысячу. Вице-директор, принимая умельца, улыбался поощрительно, но всякий раз подаваясь несколько в сторону: ротмистр благоухал, как панельная кокотка.

Однако листовочки Комиссарова находили лишь кабацкий спрос, как сивуха для умственно отсталых босяков. А дело, задуманное вице-директором, нуждалось в птице иного полета. Тут подавай интеллектуала, на добро и зло взирающего равнодушно.

Головинский? А это тот, кто годы спустя, уже статским генералом, придет в Петроградскую судебную палату послушать дело Бурцева. И, сидя в сонме орденоносцев, тоже слушателей, позлорадствует: ты, братец, раскусил Азефа, а моих «мудрецов» — накось, выкуси.

Бурцев знавал Головинского. Не то чтобы коротко, но достаточно, чтобы мы не оспорили выбор Рачковского. Головинский, по определению Львовича, человек «беспринципный», «поверхностный», «способный». Можно прибавить — и работоспособный. На что именно «способный», Бурцев тогда и не догадывался.

В ожидании немалого маменькиного наследства Головинский променял уфимские поля на Елисейские. Умеренно жуируя, пописывал. Рачковский заагентурил его без особых усилий и не имея особых видов, а так, по принципу — и веревочка в хозяйстве пригодится. Пригодилась. Спецзадание пришлось по вкусу Матвею Васильевичу.

Прежде он просто-напросто испытывал зависть, род чесотки, к франкоязычным литераторам. Правда, здесь, в Париже, он сам был таковым. Да ведь не из этих, курчавеньких, пишущих бойко и щегольски. Вот и все. Но теперь, приступив к исполнению госзаказа, он сознавал свою значительность. Он не какой-нибудь подручный какого-нибудь вице-директора, а едва ли не спаситель отечества. Иди и спасай. И он ходил в Национальную библиотеку.

Усердие вознаграждается. Находка была зашифрована так — «L 566, 1469». (Мы позже поясним, что это такое.) И вот уж Матвей Васильевич, перевязав рукопись широкой тесьмой, покачивал на ладонях свое детище...

Года три назад в газету «Московские новости» прислал письмо Джон Кокс. Канадец с головой выдал растленность западной культуры. Судите сами: «Недавно в советской печати я встретил упоминание о каких-то «Протоколах сионских мудрецов». В доступных мне словарях и справочниках узнать, что это такое, я не мог. Не дадите ли вы необходимые объяснения?»

Дали краткой и точной заметкой Вячеслава Звягина. Прочитав ее, Джон Кокс вряд ли пожелает пополнить домашнюю библиотеку компиляцией полицейского производства, хотя ее рецензировал и, дополнив, выдал знак качества сам Рачковский. А коли пожелает, милости просим на шабаши черных рубашек, озабоченных светлым духовным возрождением отечества. «Протоколы» продают ходко. Цена кусается? Э-э, ворчали в старину извозчики, овес-то нынче почем! Непишущие евреи всю колбасу схавали, а пишущие, русскоязычные, и колбасу, и бумагу. Так что извините.

Неизвинительно другое. Не испытываю ни малейшего желания задевать Станислава Куняева. Как говорится, по старой памяти. Однако не могу молчать. Казалось бы, скала. И вдруг хула на цвет России. Отказывая «Протоколам» в полицейском происхождении, стихотворец и публицист не предполагает, что в «недрах патриархальной царской охранки» служили интеллектуалы. («Наш современник» № 6, 1989, с. 161.)

Служили! Свидетели есть. Будь они левого толка, мы бы обращаться не смели, избегая обвинения в предвзятости. Но тут княгиня старинной голубой крови, хотя, скажем шепотом, не русская, но, скажем громко, славянка. А еще есть полуфранцуженка, полуангличанка, антисемитка крепкая, как крокетный молоток.

В 1904—1905 годах княгиня Радзивилл жила в Париже. Рассказывает: «Головинский явился ко мне с визитом. Я приняла его как человека, с матерью которого я была хорошо знакома; но мне не было тогда известно, что он служит в полиции»; «Однажды он показал мне и нескольким приятелям сочинение, над которым он работал с Рачковским и Мануйловым». Далее: «Рукопись эта была составлена на французском языке и писана рукой, но разными почерками, на желтоватой бумаге. Помню отчетливо, что на первой странице было огромное синее чернильное пятно».

Теперь — слово г-же Генриетте Хэрблет:

— Я антисемитка. Когда я услышала про «Сионские протоколы» и прочитала о них, я немедленно раздобыла себе эту книгу. Мне тогда не приходило в голову, что она может находиться в какой-либо связи с моими парижскими друзьями. Но как только я раскрыла книгу, я немедленно сказала себе: «А, я вижу моего друга Головинского».

Она улыбалась, миссис Хэрблет. Монархист из монархистов не улыбался. «Протоколы» принесли ему свеженькими, отпечатанными под боком, в Царском Селе. И что же? Хорошо бы знать это неомонархистам. Да и сторонникам версии о ритуальном убийстве в Екатеринбурге.

Цитируем: «Николай II, если вначале, при появлении «Сионских Протоколов» и отнесся к ним с доверием и даже был от них в восторге, то скоро он понял, что это — явный подлог, и, несмотря на то, что он сам был настроен антисемитски, он с негодованием отнесся к этим «Протоколам». Мы цитировали заметки личного врага Николая. Цитата делает честь и ему, и Бурцеву.

Во дни суда над Бейлисом (1913) кто-то хотел подсунуть присяжным «Протоколы сионских мудрецов»: дескать, смотрите, с кем и с чем вы столкнулись. Тайный советник, сенатор Белецкий протестующе поднял руки: «Разве можно с такими документами выступать на суде?!» Белецкий говорил об этом Бурцеву, когда оба сидели в тюрьме. Бурцев вспомнил Сергея Петровича во дни иного суда — над «Протоколами». Но это уже при нацистах.

Верующие в «Протоколы» не были озабочены вопросом об авторстве: сионские мудрецы, и баста. А всякие там литературоведческие изыски — от лукавого.

От лукавого не требовалось особой изворотливости, чтобы ловить за руку карманных щипачей-воришек, не способных на что-либо профессионально солидное, вроде взлома сейфов. Анализ «Протоколов» — это обнаружение подлога из подлогов. Занятие забавное и отчасти занимательное. Но хотя исследования давно произведены, они при нежелании поступаться принципами опровергаются способом неопровержимым.

Не где-нибудь, а в Оптиной пустыни...

Подобно вечернему звону много дум наводит обитель у изгибистой речки Жиздры. Доберешься, бывало... Впрочем, не о годах «застоя» речь... Некогда посещали Оптину Гоголь, Достоевский, Толстой. Долго жил близ стен монастырских Константин Леонтьев. Тот, что любовь ко Христу ставил выше любви к России, о чем нынче помалкивают. Жил там в начале нашего века и Нилус, которого почему-то называют религиозным писателем.

Не надо морщиться: хоть имя дико, но происхождения шведского. Можно, однако, и вздрогнуть: Нилус уверял, что

матушка передала ему гены Малюты Скуратова. Как бы ни было, он совершенно необходим наследникам «Союза русского народа».

Да, в Оптиной пустыни спросили его, издателя «Протоколов»:

— Не полагаете ли вы, Сергей Александрович, что, сами того не ведая, оперируете подлогом?

— Пусть так,— ответил Нилус,— но Бог и лжецов заставляет вещать правду, а вера наша и собачьи кости может превращать в чудотворные мощи.

13. СОБАЧЬИ КОСТИ

Их легче выдать за чудодейные, когда костей для холодца не сыщешь. При наличии телячьих труднее.

Бурцев писал: «В России в то время и в обществе, и в правительстве было много самых диких антисемитов, кто искренно верил даже в ритуальные убийства. Но и среди таких зоологических антисемитов я за все время не встретил никого, кто бы решился открыто, за своим именем защищать подлинность «Сион. Протоколов».

На взгляд воинствующих безбожников, Нилуса должна была бы благословлять церковь. Нет, среди высших иереев не обрел он вдохновенного напарника. Впрочем, погодите — один был...

Памятью сердца помню своего почтенного соседа, увы, покойного. Происходил из потомственного — двухвекового! — священства. Однажды прочитал нечто у прозаика-земляка, весьма им ценимого, и огорчился: «Не везет моей бедной сторонушке».— «Что такое?» — спрашиваю. «Да вот, знаете ли, я еще семинаристом был, когда Никон Вологодский стращал нас «сионскими мудрецами», а теперь, глядите-ка, вроде бы продолжатель из лесу выломился. Писатель! Русская литература! А кто возразит? От вашего комитета по делишкам религии не дождешься, там небось никоны заседают, а нашего Карташова да-авно на чужбину выдворили...»

А. В. Карташова, министра вероисповеданий Временного правительства, Бурцев узнал в питерской тюрьме, в Крестах. Потом они часто встречались в Париже, оба участвовали в учредительном съезде Русского национального центра, проходившем в отеле «Мажестик». Мягкий, гуманный Карташов был, по свидетельству Бурцева, «человеком глубокой науки». Писал он о «Протоколах» так, будто обращался к нашей буче, боевой и кипучей:

«Какая бестактность (если только позволительно это слабое выражение) против нравственного смысла переживаемого момента всей русской проблемы вытаскивать сейчас, например, гнусное орудие мнимой государственной мудрости нашего грешного прошлого в виде полицейских «сионских протоколов» и ждать от них какого-нибудь проку для спасения России!»

«Бестактность...» Господи, забытые реченья порядочного общества. Если бы бестактность, неделикатность, если бы они. Нет, не то. И не то чтобы желание непременно пустить в ход «гнусное орудие», а просто-напросто неумение не сделать гнусность. Десятилетиями, поколениями глотая, скажем по Карташову, «тошнотворные лжи», отрыгивают не шампанским, а тухлятиной.

Однако, возразят нам, бывает ложь во спасение. Увы, тотчас вопрос: а допустимо ль чающих самородного потчевать чужеродным? Ведь протоколы-то франко-корсиканско-итальянские.

Ясности ради расшифруем библиотечный шифр, обозначенный несколькими страницами прежде. Стряпчий Рачковского вытянул из фондов парижской Национальной библиотеки книгу под шифром «L 566, 1469»: «Диалог» Мориса Жоли, изданный в 1864 году, переизданный в 1868-м. Французский адвокат едко и, как неосторожно выразился по другому случаю академик Тарле, «с присущим французам блеском» высмеивал Наполеона III. Сатиру свою представил Жоли диалогом Макиавелли и Наполеона I. Увы, как бывает нередко, рассуждения о способах захвата власти и мировом господстве, опрокинутые в прошлое, звучали злободневно. Автор расплатился тюрьмой и штрафом.

Заручившись книжкой, Головинский мог поздравить себя: «Дело в шляпе!» Он лишь подменил персонально действующих лиц собирательным понятием «еврейство».

Много позже русский дворянин, эмигрант, случайно обнаружив подлог, передал материал в «Таймс». Бурцев указал на эту публикацию Лопухину. Бывший директор департамента полиции пожал плечами: секрет полишинеля, Рачковский способен был со своими агентами на любую уголовщину.

Резюмируя по-бурцевски, у сионских протоколов не находилось таких защитников, «с кем было бы необходимо считаться». Он ошибался. Рачковские-головинские приходят и уходят, а уголовщина остается.

Уголовник пустит в ход и лопатку саперную, и пулю браунинга, и фомку «протокольную». Подбросив красного петуха в рейхстаг, разжигают ненависть к красным. Стреляя в Смольном, убирают однопартийного соперника. Приманивая «мудрецами», сманивают на мокруху.

В «зловещий маскарадный зал» Гитлер вошел при свете факелов. О «Мудрецах» он упоминал в «Майн кампф». Ефрейтор знал — фальшивка. Бурцев подчеркивал огромную разницу между Николаем II и Адольфом I: царь с негодованием отверг «Протоколы»; фюрер пользовался широчайшим образом.

Бурцев обратился к «Протоколам» не потому, что юдофильствовал. Никогда в жизни, говорил Львович, я не останавливался «перед борьбой с каким-нибудь предателем, хищником, преступником только потому, что он еврей. Я с такими евреями боролся вдвойне и как с предателями России, и как с предателями евреев».

Авторы с культовым ознобом в душе и бляшками извести в сосудах не прощают бурцевский антибольшевизм. И правильно: не надо унижать Бурцева. Но когда, например, Э. Генри называет Бурцева специалистом по делам охранки в кавычках, это не что иное, как отстранение компетентного человека от затянувшегося спора по поводу германских денег. Или нежелание трогать евреев типа Парвуса, кредитора большевиков, только потому, что они евреи. Кстати сказать, полковник русской контрразведки Б. В. Никитин, нащупывая «технику» передачи этих денег, не делал различия между православными и иудеями, как и положено профессионалу.

Вопрос о германских деньгах волновал Бурцева дважды. До революции, когда речь шла, по его мнению, о гибели России, и теперь, в 30-х годах, когда, по общему мнению, гитлеровцев в первую очередь, речь шла о гибели малого народа.

Все в тех же архивных заметках, в подготовительных материалах для будущей книги, есть такие строчки: «Озверевшее немецкое правительство уже готовит систематическую борьбу со всеми, кто отрицает подлинность «Протоколов». Для этой борьбы немцы уже ассигновали огромные средства».

«Протоколами» Бурцев занялся так же, как занимался Азефом, провокаторами, охранкой. Не без помощи жандармского генерала Спиридовича (Лопухин умер) выискивал старорежимных знатоков дела. Одни отзывались, другие отмалчивались, третьи «неохотно шли навстречу». Но чего же было требовать от К. И. Глобачева, крупного охранника, жившего за океаном? Полковник во время оно закулисно дирижировал «Союзом русского народа». Спасибо и на том, что пусть и неохотно, но шел навстречу.

Бурцев, как следователь высокой марки, нуждался не только в свидетелях, но и в оппонентах. Вспомнил Н. П. Измайлова, когда-то издателя московского журнала «Фонарь», а теперь гражданина Штатов, и, вспомнив, написал в Вестпорт: «Я знаю, что Вы совсем иначе относились к «Сионским протоколам», чем я. Это-то и заставляет меня обратиться к Вам». Бурцев ждал «самой обстоятельной и даже придирчивой критики».

В 1932 году в Берне осудили распространителей «Протоколов» — швейцарских фашистов. Они были признаны сознательными мошенниками. Апелляцию отклонили.

Книга Бурцева называлась: «ПРОТОКОЛЫ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ» — доказанный подлог». Расисты рейха по заданию партии и правительства бросились терзать опровергателя. Поясняя немецкому читателю, кто он такой, указывали — «известный революционер». Раскрыв БСЭ, тогдашний советский читатель воскликнул бы: «Ложь! Известный контрреволюционер!» (Вечная с ним история: куда ни кинь, все клин.) А Львович в частном письме сообщал, что «за еврейский вопрос» гитлеровцы пошли на него «целым походом». Ничего, усмехался испытанный борец с провокациями, ничего, я их «встречу, хорошо вооруженный». Так же встречал он эсеров-цекистов, нападавших на него «за вопрос об Азефе».

Странная штука: Бурцева обезоружили посмертно. Загляните в первый том биографического словаря «Русские писатели» (М., 1989). О Бурцеве — обстоятельно, объективно, но книга о доказанном подлоге и мифических «сионских мудрецах» не упоминается. Это что — страха ради иудейска? Или молчаливое порицание Бурцева?

Так ли, нет ли, а ущербность информации зачастую оборачивается ущербностью суждений. В «Нашем современнике» (№ 6, 1990) Михаил Лобанов опубликовал заметки, интересные по настрою ума и души, да вдруг и предложил нам... собачьи кости. Известный литературовед и критик признает достоверность «Протоколов», ибо все сбылось как по писаному.

Нельзя не оценить личное мужество М. Лобанова: он, в сущности, признал «сионских мудрецов» мудрецами всемогущими. Но, право, не все ж так бесстрашны. Как было не учесть возможность всероссийской паники, матери отчаяния, чреватого капитуляцией перед малым народом?

Иной коленкор — отдать авторство компатриотам. Мы сами углядели опасность бесовщины в еврейской мурмолке, сами и управимся. Пусть с опозданием, но управимся. Вперед, заре навстречу!

Ах, всплеснут руками совестливые интеллигентики, источник-то полицейский. Негоже, мол, и т. д. Плевать! Эвон люди военные плюют смачно. Откройте «Военно-исторический журнал» номер восемь за нынешний год, набрякший кровью межнациональных «отношений». Орган Министерства обороны СССР напечатал именно полицейский, департаментский документ о чудовищной вредоносности армянского народа, уподобленного еврейскому. Своевременно! Мы крепко надеемся, что в этом же органе невдолге прочтем и протоколы армянских мудрецов.

Люди военные к штыку приравняли перо и потому откровенны, как штык. Они не скрыли, что автор шовинистических сентенций — русский штабс-офицер корпуса жандармов. Вот так бы и публицисты в штатском. По-старинному, стрюцкие. Ан нет, досадливо губу прикусишь. Черт догадал Матвея Головинского и Петра Рачковского... Не в том загвоздка, что мародеры-провокаторы. Оно бы куда ни шло. Лен не родится — мочало сгодится. Кручина иная: мочало-то с чужих липок. Рогожку сплели нашенскую, а липки чужие. Хочешь не хочешь, списывай Матвея и Петра в штрафбат космополитов.

Ладно. То есть совсем не ладно, однако главный аргумент остается в силе. Возвещенное иудейскими мерзавцами подтверждается, указывает М. Лобанов, «последующими событиями, ну хотя бы в нашей стране» (с. 172).

Коли так, возникает пренеприятнейшая ситуация, когда сказавшему «а» воленс-ноленс надо произнести «б». А именно: последующими событиями, ну хотя бы в нашей стране, подтверждается не только стремление иудеев господствовать над русскими, но и стремление русских господствовать над нерусскими. Мы имеем в виду «Завещание» Петра Великого. В суете вокруг да около «Протоколов» никто, кажется, не вспомнил сию фальшивку. А между тем...

За век до «Протоколов», в годину Наполеонова нашествия, француз Лезюр сработал трактат об устрашающей агрессивности России. (Здесь и далее мы либо цитируем, либо излагаем доклад Е. Н. Даниловой, прочитанный в 1945 году в Историко-архивном институте.) «В этой книге, полной тенденциозно подобранных сведений о захватнической политике России, искажений исторической действительности и инсинуаций по адресу русского народа, было сообщено, что в личных архивах русских царей имеются секретные мемуары, написанные собственноручно Петром Первым. В этих мемуарах якобы изложен план (проект) политической деятельности, рекомендованный Петром вниманию своих преемников, который большинством из них выполнялся твердо и неуклонно. Автор названной книги привел в скромной сноске «резюме» этого плана, разбитое на 14 пунктов».

Е. Н. Данилова разыскала всех или, скажем осторожнее, почти всех версификаторов «Завещания». Дореволюционные историки смеялись: «Курьез». Дивились: «Дикий миф». Отмахивались: «Басня». Сердились: «Химера». И презрительно заключили: «Старый хлам».

Советский историк извлек его не ради антикварных забав. Нет, говорит Е. Н. Данилова, им пользуются «всякий раз, когда готовится прямое нападение на Россию или когда надо затушевать собственные агрессивные действия, натравить общественное мнение той или иной страны на русский народ».

Так было при кайзере, так было при Гитлере. Аргумент тот же, что и у М. Лобанова,— все сбылось. Упомянув о 14 пунктах в начале доклада, Е. Н. Данилова затем вывела их поочередно, веренницей — ах, какие иллюстрации к этому «сбылось»...

Фальшивое "Завещание» распаляет ненависть к большому народу. Фальшивые «Протоколы» — к малому. Одним охота полизать славянскую кровь, другим — еврейскую. Разницу на вкус ощутит язык, вываливающийся из разъявленного рта. Увы, это один из признаков кретинизма. Есть и другие, не столь приметные.

* * *

Лет пятьдесят с лишком масляный холст Дж. Констебля, живописца прошлого века, считался фальшивкой. Недавно пейзаж признан подлинным шедевром, оценен в пять с половиной миллионов долларов, назначен аукцион.

Художество Головинского-Рачковского не стоит и пяти пенсов. Но пятерку, а то и красненькую дают. Есть резон поспешить с аукционом, пока неконвертируемый рубль свободно обменивается на фальшивки.

А выручку отдать осквернителям могил. Пусть смотаются в Париж. Само собой, и тут дел невпроворот, но пора рассчитаться с Бурцевым. Его упустили пуришкевичи и троцкие, сталинисты и нацисты. Последние оплошали пуще всех: Бурцев доживал свой век в оккупированном Париже.

«Старик,— писала дочь А. И. Куприна,— старик продолжал неутомимо ходить по опустевшему, запуганному городу, волновался, спорил с пеной у рта и доказывал, что Россия победит, не может не победить».

Он умер в августе сорок второго. Бои шли на Волге.

ПАРУС ОДИНОКИЙ

Леонид ГАЛИНСКИЙ,
Валентина ПОЖИЛОВА

Хотя Манкину минуло пятьдесят, для нас он все равно остается Валей, так как знакомы мы с ним с давних пор, с тех лет, когда он только подбирался к славе.

Итак, наш собеседник — Валентин Манкин, трехкратный олимпийский чемпион, чемпион мира и Европы, заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР. Короче, нет в нашем спорте таких званий, которые бы не венчали его. И пусть не подумает читатель, что фамильярное обращение к «звезде» — дань моде. Это — право дружбы.

— Валя, если бы мы готовили материал для какого-либо спортивного издания, то не стали бы представлять тебя — твое имя хорошо известно болельщикам и в стране, и за ее пределами, но сегодня, очевидно, развернет журнальные страницы иной читатель. Вот для него-то расскажи немного о себе.

— Сегодня я — старший тренер сборной страны по парусу. Занимаюсь любимым делом. Дома почти не бываю, хотя там у меня — магнит невероятной силы: внук. Поэтому стараюсь уговорить жену, как только есть такая возможность, брать Димку и приезжать вместе с ним туда, где работаю с командой. А выдастся хоть один свободный день — рвусь в Киев. Очень люблю его, считаю родным городом, хотя родился на Житомирщине, но с детства жил в Киеве.

— Валя, а что было «до сегодня»?

— Была целая жизнь. И всегда был спорт. Это шло от отца, учившего меня, что на земле нужно стоять на крепких ногах. От моих первых тренеров — в гимнастике, плавании, акробатике...

Знаете, в годы моего детства мальчишка, коль уж он увлекался спортом, пробовал себя во всем. Не было пресловутой сегодняшней ранней специализации. Может быть, потому мы держались так долго на волне, что научились крепко стоять на своих ногах. Нас никто не вел за ручку. Думаю, в той системе «на выживание» не все было плохо: выживали действительно сильнейшие. И даже те, кто откалывался от спорта, остались надолго преданными ему.

Побывайте сегодня в наших яхт-клубах. Нет, я не затрагиваю вопроса о том, каковы они, эти клубы. Я о другом. У причалов — масса лодок, особенно детских классов. Мальчишкам и девчонкам, решившим заниматься парусом, сразу предоставляют яхту. С ними возятся. Не дай Бог, у кого заметили способности — перестает ходить на тренировки, так за руку тащить станут. Не так было у нас. Не было лодок, мы зарабатывали право выйти под парусами самоотверженной работой на берегу. Учились всему: столярным и малярным делам, да просто с метлой в руках убрать территорию, навести порядок. И в награду — яхта. Матвеевский залив Днепра. Удивительные весенние гонки на приз открытия сезона. Шли все, на чем только можно было. И одинаково стремились к победе все. Не потому ли киевские яхтсмены, не видевшие морей, все-таки попадая на морские регаты, не терялись там. Нашим козырем было тактическое мастерство, хорошее владение материальной частью, умение подогнать под себя какую угодно яхту.

Парусный спорт в годы моей молодости был целым миром.

Фото А. БОЧИНИНА
и С. ГОРБАЧЕВА

Валентин МАНКИН

— Но не одним парусом ты жил?

— Учился в вечерней школе, работал на стройке. Со временем поступил в строительный институт. И снова — работа, учеба, спорт. Конечно, парус приносил самые большие радости.

— Но и огорчения тоже? Ведь ты мог своей первой Олимпиадой назвать Римскую. В этом тогда почти никто не сомневался.

— Мог... Не забывай, какие это были времена. Нас в стране было двое явно сильнейших на «Финне»: я и таллиннец Александр Чучелов. Он — старше, опытнее. Но к Олимпиаде больше побед было на моем счету. Однако преимущество отдали Чучелову. Я не мог понять почему... Объяснили... Мой «пятый пункт» стал причиной того, что меня сделали «невыездным». Знаете, был такой термин.

— Да, я помню, как уже в более поздние годы в разные инстанции шли анонимные письма, в которых так явно и писали: мол, Манкин — сионист, выпустите его — этот еврей не вернется. И помню, как, узнав об этих письмах, твои друзья бросились в Спорткомитет Украины, к тогдашнему заместителю председателя Андриану Алексеевичу Мизяку, готовые разнести, если понадобится, и комитет, доказывая абсурдность писанины. А он, умный, все понимающий человек, сразу остудил пыл: что, пришли доказывать, что Манкин честный? А кто в этом сомневается? И от этих простых слов как будто все стало на свои места: а действительно, кто в этом сомневается? Подонки, рассылающие анонимные письма?

— Подонки-то подонки. Но, увы, на анонимки принято было реагировать. Они не раз уже в те годы, когда и побед у меня хватало, и олимпийские золотые медали были, снова опускали передо мной шлагбаумы на границе. Вот так целый сезон выпал накануне Олимпиады 1976 года. Нет, я не утверждаю, что из-за этого получил не золотую, как дважды перед тем, а серебряную награду. Однако ничего не бывает без последствий. Не говорю уж о том, что, когда я появился на первых соревнованиях после перерыва, ко мне подходили и очень сочувственно осведомлялись о здоровье, о том, сросся ли мой перелом. Оказывается, именно такая версия была выдана о причинах моего отсутствия.

— Времена меняются, и сегодня, будем надеяться, таким вот образом никому не закроют путь к успеху. Акцентирую — таким образом. Но все ли чисто нынче в парусном спорте?

— Чистота в спорте — это понятие всеобъемлющее. Применительно к нашему прежде всего равные возможности для совершенствования. Дело в том, что в судьбе яхтсмена очень большую роль играет то, на какой яхте он тренируется и выступает, под какими мачтами и парусами. Да будь ты хоть сверхталантлив, но если ты — на развалюхе, а твой соперник — на современном судне, построенном известной фирмой, то шансы твои на победу ничтожны.

— Так как же уравнять их?

— Вот над этим-то я и бьюсь постоянно. Когда-то у нас в стране были лодки национальных классов. Но по мере того, как спорт получал все более явно выраженный олимпийский крен, национальное уходило в небытие. У нас перестали культивироваться те классы, которые не входили в олимпийскую программу. Те же, что входили, тоже развивались уродливо. Фактически наше отечественное спортивное судостроение влачило жалкое существование. Даже то, что производилось, не шло ни в какое сравнение с зарубежным. И вот начались гонки: кто кого переплюнет в раздобывании импортной матчасти. Причем ее обладателем нередко становились средние спортсмены. Но, получив отличную лодку, они уже вмешивались в спор сильнейших и нередко его выигрывали. Думаю, именно в этом уродстве причина того, что так невыразительно выглядели наши первые номера на международных соревнованиях. Ведь они вырастали не в конкуренции равных. Они у нас побеждали в гонках с гандикапом, обусловленным качеством материальной части.

— Валентин, в этих далеко не спортивных играх в стране выросли настоящие мастера закулисных дел. Тренером сборной нередко становился тот, кто умел ловчить, доставать. Не отражалось ли это и на моральном климате команды, да и всего вида спорта в целом?

— Как не отражаться? Ведь с мальчишек уже понимали, что есть тренеры и тренеры. Вот мой — он все может. А твой — только тренирует и ничего не достает... Может быть, я немного упрощаю, но именно так формировалось иждивенчество спортсменов, меркантилизм их наставников, а в целом — обстановка, далекая от истинно спортивной.

— Когда ты ушел из спорта?

— После того как в 1980 году выиграл третью золотую олимпийскую медаль.

— И сразу — в тренеры сборной?

— Ну, нет. Я ведь ношу офицерские погоны. И когда перестал выступать, меня назначили заместителем начальника севастопольского яхт-клуба. В мои прямые обязанности входило чуть ли не сауну готовить для вышестоящих. Конечно, я сопротивлялся. И спасибо моему доброму товарищу, начальнику физподготовки Черноморского флота Александру Петровичу Гонтареву, который всеми силами старался предоставить мне возможность быть тренером. А в общем-то это было время, заполненное работой. Я придумывал тренажеры, разрабатывал методику тренировки качеств, необходимых яхтсмену. Проверял на деле свои концепции, которые зрели у меня на протяжении долгих лет, что я занимался парусом.

— А потом ты вдруг стал начальником управления водных видов спорта Госкомспорта СССР...

— Не так уж вдруг. Я все-таки работал в сборной, хотя и на птичьих правах. Я не уставал прошибать лбом стены, чтобы доказывать свое. А оно сводилось к тому, что необходимо развивать отечественное судостроение, культивировать национальные классы, создавать равные условия для спортсменов. То есть мне хотелось, чтобы восторжествовал принцип справедливости. Только воистину лучший должен получать импортную материальную часть, а с ним вместе в сборную должен приходить его личный тренер. Боролся за то, чтобы не стало пожизненных членов сборной и в такой же степени пожизненных тренеров сборных.

— И как, удалось?

— Именно для этого очень кстати пришлось назначение меня начальником управления. Хотя по моему характеру мне просто противопоказана кабинетная работа, но я окунулся в нее.

— Сколько тогда довелось услышать и недоуменных вопросов: «Зачем ему это надо?», и сочувственно-понимающих: «Сломает себе шею на бюрократических играх», и... Да всего и не вспомнить. Да ты и сам тосковал по атмосфере тренировок, говорил, что ненавидишь каюту на барже, куда тебя поселили в Москве.

— После тяжкого дня — а легких дней не было — мне буквально некуда было деться. Семья — в Киеве, а здесь, в Москве, ни кола ни двора. Время от времени приезжали жена с внуком, но и они долго не могли выдержать без квартиры, без элементарных условий для жизни. А знаете, как необходим дом? Дом в широком понимании: место, где тебя ждут, на коне ты или под конем, где тебя понимают, где, нашумев на тебя, все-таки пожалеют и помогут. Фактически вся моя жизнь в разъездах. Моя жена — просто герой, жить с таким мужем... Я не видел, как росла моя дочь. Я не заметил, как стал дедом. Но дом — он очень нужен человеку, особенно когда тяжко.

Но, конечно, дело не только в доме. Мое бюрократическое сидение в кресле, как некоторые оценили пребывание на этой должности, смею надеяться, не было сидением. Мне кажется, что мы — я ведь не один работал — сумели коечего добиться. Для паруса, в частности. Мы «закрутили» дело с производством материального обеспечения паруса. Мы ввели изменения в программу соревнований: теперь все крупнейшие регаты будут проходить на отечественных лодках. Много других, принципиальных изменений было сделано. И когда я стал старшим тренером сборной команды СССР, уже сам должен был осуществлять то, что как начальник управления вводил.

— И как, легко осуществлять свои идеи?

— Во всяком случае, не противно. Имею единомышленников, помощников. Наша Всесоюзная федерация парусного спорта берет на себя уже и конкретные дела.

— Раньше, помнится, все по разговорам специализировались...

— Было такое, впрочем, мы и сегодня любим поговорить. Но если за разговорами вырисовываются определенные поступки, то такие разговоры не во вред.

— Недавно команда провела несколько сборов далеко за пределами нашей страны. Какова их необходимость?

— Никакой!

— Как это — никакой?

— Раньше я тоже был сторонником зимних тренировок на Кубе — они у нас традиционно проводились. Но вот побыл со спортсменами в этом году чуть ли не месяц. Обошлось нам это в копеечку, «съели» чуть ли не половину всего бюджета. Ну и что? Смотрите, что получается. В ноябре, когда Черное море еще теплое, мы завершаем сезон и объявляем отпуск. А в январе — феврале едем тренироваться на Кубу. Не рациональнее ли тренироваться дома, пока не наступила зима, а самый холодный месяц отдать отдыху? Тем более что и на Кубе в зимние месяцы не всегда работаешь в полную силу. Например, нынче почти неделю бушевал шторм, да такой, что на берег страшно было выйти, не то что в океан. Думаю, с будущего сезона начнем деньги считать рациональнее, сопоставляя их с результатами.

— Ну а соревнования на лодках национальных классов? Ведь и здесь приходится слышать очень много возражений. Первое: а сам-то Манкин тренировался и выступал на импортной матчасти.

— Так сколько пудов соли перед тем я съел на своих, отечественных лодках! Кстати, до сих пор вспоминаю свой «Финн», построенный в Таллинне, на котором я выступал много лет, на котором пришел ко мне первый международный успех. И на котором, наверно, не было сантиметра площади, не усовершенствованного мною самим.

— И другие возражения против национальных классов: это что же — с «Луча» да на «Солинг»? А когда его осваивать?

— Отстаивал и буду отстаивать убеждение в том, что, лишь проявив себя в соревнованиях в равных условиях, яхтсмен в качестве поощрения и стимулов для дальнейшего совершенствования должен получать импортную матчасть. Что же касается времени для освоения, то ведь это же не тот случай, когда на том же «Солинге» у нас никто не ходит. Но вот подросла смена, и теперь новобранец будет расти параллельно с основным. То есть сегодня любой мальчишка может жить надеждой, что его труд, его талант не останутся незамеченными только потому, что дома ему никто не купил дорогую яхту. Вот это и есть возвращение парусному спорту чистоты.

— А не хочется ли, забросив все эти тренерские заботы, дипломатические ходы (а их у старшего наставника сборной, наверное, хватает), просто взять в руки руль яхты — и туда, где волны, где ветер?

— Еще как хочется! Что ни говори, а парус над головой — это для меня превыше всего.

Вот в этом он весь. Когда выступал, говорили о нем, что он фанатик. Когда боролся с несправедливостями, шептали за спиной: что ему, больше всех надо?

Да, и фанатик, и надо больше всех, не потому ли в советском парусном спорте не было яхтсмена, поднявшегося выше его? Не потому ли и в мировом парусе имя Манкина — в первом списке мастеров, которыми гордятся? За высокие успехи, за высокие человеческие качества.

Ему никогда не было легко. Он умел лавировать только на дистанции, а на берегу всегда выбирал прямые курсы. И хотя седина на висках, и хотя все реже к нему обращаются по имени, а все чаще — по отчеству, он все такой же: бескомпромиссный, прямой, неравнодушный...

P.S. ...Поистине, неисповедимы пути Господни. В жизни Валентина Манкина неожиданно произошел крутой поворот: Госкомспорт СССР решил откомандировать его на два года для работы в Италию. И это — в разгар подготовки к Олимпиаде?

— Чем вызван отъезд? — спрашиваю Манкина.

— Прежде всего — семейными обстоятельствами,— сказал он.— Сейчас у меня дома беда: больна дочь. Очевидно, необходима сложная операция, которую советуют сделать в заграничной клинике. У внука, родившегося вскоре после Чернобыльской трагедии, настолько плохие показатели крови, что его даже не берут в садик. У меня безвыходное положение — я обязан им помочь.

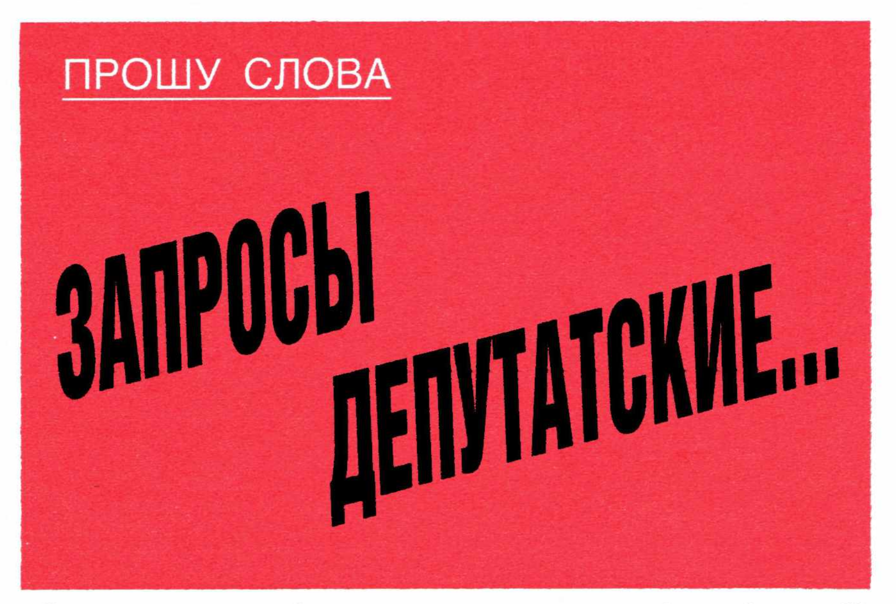
На время моей вынужденной командировки гостренером остается Слава Орешкин. Он будет продолжать то, что вместе начинали: распространение лодок национальных классов, развитие спортивного судостроения. Да и в Италии я договорился: наши яхтсмены смогут приезжать в лучшие клубы для тренировок, участия в регатах без своих лодок — хозяева предоставят яхты. Это в значительной степени удешевит поездки, то есть и наша федерация будет в выигрыше. Обидно только, что так и не удалось сломать сопротивление тех, кто не хочет видеть путь для развития нашего парусного спорта. Он — в увеличении стартов на яхтах национального класса. Я хотел, чтобы в Спартакиаде народов СССР соревновались только на таких судах. Но не получилось...

Надеюсь, что и в Италии смогу реально помогать нашим тренерам, работающим со сборными экипажами. Кстати, то, что сегодня именно личные тренеры работают со своими воспитанниками, ездят с ними за рубеж, считаю одним из главных стимулов (и своей победой!) для роста мастерства.

— Не боитесь, что те, кого вы отстранили от работы в сборной, воспользуются вашим отъездом, снова повернут не туда?

— Конечно, они до сих пор не смирились со своей отставкой. Но я оптимист: у нас так много талантливой молодежи! К старому нет возврата. Иначе — беда.

...Манкин уехал — с женой и внуком. Клуб, в котором он будет работать, берет на себя организацию лечения дочери. И все-таки в том нашем последнем разговоре Валентин Григорьевич снова и снова возвращался к теме сделанного и несделанного. Он будто уговаривал себя, что имел право на такую командировку. Между прочим, Госкомспорт СССР получил за него сто тысяч долларов. Только вот непонятно — за что? За то, что отпустил?..

Полтора года всего и наберется с памятной всем выборной весны, когда общество полнила вера, что страна наконец обрела опору на власть подлинно народных депутатов. Но уже иная мысль крепнет в обществе, что тщетны наши надежды, пустыми вышли посулы депутатов и народ накормить в считанные месяцы, и поднять его жизненный уровень хотя бы до сносного. Наоборот, с каждым днем все тягостнее жить. Причин тому находим множество, но не ищем их в верховной власти, и потому до сего дня не устоялись в обществе два истинных понятия, что депутатство — это не высокая обязанность, не почетное поручение и, конечно же, никакой депутат не слуга, как пропагандировалось долгие десятилетия, депутатство — это работа, и, как всякая работа, она своего мастера кажет. Коли есть работа — есть и хлеб, должен быть результат, коли нет его — значит, плохи работники, плохо наше депутатство, или, скажем иначе, так мне кажется точнее, не то оно.

Первый новоизбранный народный депутат, которого мне довелось увидеть, как говорится, в деле тогда же, еще в мае прошлого года, был Аркадий Павлович Айдак, хороший председатель крепкого чувашского колхоза «Ленинская искра», и вот тогда еще от встречи с ним обдало остужающим ветерком сомнения: действительно ли те к власти пришли, кто может истинно опорой и надеждой стать у государства, всего народа, большую страну населяющего?

Аркадий Павлович приехал в Москву в самом конце мая после только что закончившейся для него победно предвыборной борьбы, приехал уже как народный депутат и уже по делам депутатским, рассудив по-мужицки хитро и просто, что спозаранок в этом деле не помешает: пока другие поздравления принимают, всякие программы разрабатывают, мандатов со значками дожидаются, можно кой-какое дело успеть. Еще не остывший от предвыборных дебатов, Аркадий Павлович ходил по высоким кабинетам (в одном из них и встретились случайно) с районной газетой в руках, где были крупно пропечатаны наказы избирателей, и, глубоко продавливая ногтем печатные строки, доказывал Аркадий Павлович правоту своих требований.

— Не для себя прошу, для избирателей,— считал он должным лишний раз подчеркнуть.

А нужно было Айдаку, чтобы кто-то в Москве, он хотел узнать кто, распорядился увеличить закупочные цены на картофель, сбереженный до весны в хозяйстве и теперь готовый к продаже. Еще о газовых трубах хлопотал Айдак; действительно абсурд, когда через Чувашию проходит десяток газопроводов, а из всех хозяйств, избравших Айдака депутатом, только один колхоз имеет газ. И третья просьба, продолжал излагать Аркадий Павлович наказы избирателей, хозяйства в районе сильно издержались на строительстве дороги и школы, пусты их расчетные счета, а так как объекты эти социальной важности, не лично колхозные, то кто-то должен в Москве их оплатить.

— Кто? — спрашивал Айдак и не хотел вступать в разговор, откуда сейчас, в середине года и пятилетки, могут взяться свободные газовые трубы при их острейшем дефиците, разве только за счет кого-то.

— Мне народ поручил, я исполняю,— упорно повторял он.— Я обязан выполнить обещанное.

Конечно же, прав был Айдак, требуя решения выстраданных наказов земляков, и симпатичен был депутат Айдак верностью данного односельчанам слова. И понятно было, что власть, данная депутату с таким обостренным чувством ответственности, как у Айдака,— прекрасное сочетание, гарантия успеха. Однако и другое уже проглядывалось в истории Айдака: что, если все депутаты, движимые здоровым ревностным чувством не ударить в грязь лицом перед избирателями, примутся трясти без того хилое экономическое древо страны: «Дай! дай! дай!» — не важно откуда и за чей счет? Нам-то, избирателям, казалось, что мы наделяли высшей властью садовников, способных оздоровить больное дерево, трясти ж его — дело нехитрое, было и до них кому, но даже аграрий, хороший председатель этого не хотел понять.

— У меня наказы, я должен их исполнять,— стоял он на своем.— От меня люди конкретной помощи ждут, а не разговоров...

Тогда, в конце жаркого мая, Айдака можно было понять и оправдать, хотелось ему, совестливому человеку, не мешкая доказать людям, его избравшим, что не ошиблись они. Думалось, поостынет Аркадий Павлович от предвыборной борьбы, придет к нему сознание, что он депутат народный, страны депутат, а не землячества, и таким же ответственным грузом, как прежде лежала на надежных и крепких плечах Айдака судьба колхоза, а потом легли наказы избирателей, ляжет и осознанная ответственность за судьбу всей страны, придет к нему государственное мышление, которое не в том, чтобы добыть, урвать нужное для своих избирателей, ни с кем и ни с чем более не считаясь, а которое в том, чтобы не только твоим землякам от твоей депутатской работы жить стало лучше, но действительно всей стране. Можно, конечно, успеть черпануть пару-тройку ведер чистой воды из пересыхающей речки и прослыть кормильцем-спасителем, но надо сделать так, чтоб не пересохла река, а полноводилась — на то ты и верховная власть.

Истина эта и в малости не усвоена целым рядом депутатов, и продолжают они активно действовать по принципу «чего думать, трясти надо». И трясут, и хорошо трясут. В канун второго Съезда народных депутатов СССР мне довелось посмотреть депутатские запросы на имя главы правительства страны. Добрая треть запросов с категоричным и уже повелительным «дайте!». Дайте пиловочник, крепежный материал, сырье для шелкового комбината, подшипники для автозавода, спортинвентарь для горняков, металл, плиты, товары широкого потребления, мебель, машины, сборные садовые дома... Понятно, что заставляет нужда, но поразило меня то, как не утруждают себя депутаты решением выставляемых проблем. Поистине чего тут думать, трясти надо. Ни одного письма не встретил я тогда с толковым, продуманным анализом причин возникших затруднений, ни один народный депутат не предлагал ни одного решения для устранения первопричин возникшего дефицита, даже попытки не делал к тому, лишь только короткое повелительное «дайте!».

Интересно было наложить на карту страны все предложения депутатов о закрытии экологически вредных или по каким другим причинам нежелательных в их регионе производств — получалось, что следует закрыть практически все химические заводы, все металлургические, почти все электростанции, не только атомные, это само собой, но и тепловые, и на воде, и опять же понятно, что все это выражение воли избирателей и право избирателей требовать этого от своих депутатов, а через них от правительства и Верховного Совета. Но кто-то же должен думать при этом: а что взамен? Где брать металл, электричество, сырье? Конечно же, сами депутаты не семи пядей во лбу, но у них власть, возможность привлечь экспертов, специалистов, способных подсказать выход из тупика. Ничего подобного. Пальцем никто из депутатов не шевельнул, труда задуматься себе не дал и попытки даже к тому не сделал. Вот эта леность мысли и поразила тогда меня больше всего.

Прежде говорили и много писали об эгоизме ведомств, потом добавился групповой эгоизм предприятий, в пору пополнить список еще одним нарождающимся опасным себялюбием — ведомственным мышлением народных депутатов. Поразительный порой контраст, когда стыкуешь прилюдные, очень верные и точные слова народных депутатов о кризисе в экономике, дефиците материально-технических ресурсов, недопустимости волюнтаристских решений с теми письмами, в которые, сойдя с трибуны, народные депутаты вкладывают всю силу обретенной ими власти, чтобы, как они сами пишут, «в порядке исключения», «ввиду сложившихся обстоятельств», выбить необходимое для себя, не считаясь при этом с другими. Складывается еще один, новый, очень опасный элемент, укрепляющий командно-административную систему, когда державная власть депутатов используется на потребу своих, ведомственных, групповых интересов.

17 (семнадцать!) писем адресовал правительству страны народный депутат СССР, председатель колхоза «Дружба» из Днепропетровской области А. Вуйчицкий. Семнадцать — это только то, что довелось мне посмотреть, на самом деле их, вероятно, больше. В одном из писем депутат просит выделить технику его родному колхозу, через неделю просит помочь с техническим маслом, опять же для своего колхоза, еще через неделю ему уже нужна машина «Волга» и электросварные трубы, потом пошли просьбы о приобретении телок голштино-фризской породы, автокранов, шифера, других строительных материалов. От коллеги по депутатскому корпусу не отстает председатель колхоза имени Калинина из Краснодарского края А. Кузовлев, заполняя листы с депутатским титулом ходатайствами о химикатах, станках, машинах... Круг интересов и этого народного депутата СССР мало простирается дальше своего колхоза. Один и тот же запрос — о выделении хозяйству двадцати автомашин «КамАЗ» и самосвалов «ММЗ-554 м» — с разницей всего в несколько дней А. Кузовлев адресует сначала Председателю Совета Министров СССР Н. Рыжкову, а вслед — его первому заместителю Л. Воронину. То ли забывает депутат, кого о чем просит, то ли хорошо усвоил закон о переходе количества в качество...

Когда читаешь сотни запросов народных депутатов — то им дать, другое, третье, возникает ощущение, как будто не терпится депутатам от приобретенной власти что-нибудь материальное, ощутимое получить. Некоторых просто пьянит заполученное всесилье, и вот уже народный депутат СССР Д. Пайзиев ни мало ни много требует правительственного решения, чтоб не чинили препятствий экскаваторному заводу реализовать... бракованные экскаваторы. Что за довод приводит депутат? Заказчики готовы приобрести и такие машины — вот вся его аргументация в телеграмме на имя премьер-министра.

Разом пять писем прислал в Совет Министров СССР народный депутат, первый секретарь Спитакского райкома Компартии Армении Н. Мурадян, по сути, пять категоричных поручений правительству страны, чтобы обязало Минавтотранс Российской Федерации вывезти строительные плиты из Ленинграда в Спитак, чтобы дало указание руководителям Узбекской ССР, а то те мешкают с выполнением порученного им объема строительных работ, чтобы Госплан СССР и Совмин России выделили деньги «Спитакагропромстрою»... Понятны и драма Спитака, и нужды многострадального города, но почему народный депутат избирает столь директивный путь решать встающие перед ним проблемы? На трибуне ратование за региональный хозрасчет, установление республиканской территориальной самостоятельности, расширение межреспубликанских связей, на деле же седлание привычного командного конька.

Как в этой ситуации выжить тем хозяйствам, предприятиям, городам и поселкам, что не имеют доставал с высокочтимым, многоразрешающим депутатским мандатом? Избиратели наивно думали, что придут страждущие за народ и Отечество, не понаслышке знающие о проблемах и нуждах, а пришли новые могущественные снабженцы для своих ведомств и коллективов.

Слишком обременительно для общества местническое мышление людей, облеченных высшей государственной властью, да и просто обидно, когда народных депутатов СССР ретивые руководители используют как примитивных вышибал, доставал, снабженцев. Прежде ходили по кабинетам, выбивали дефицит секретари обкомов, председатели облисполкомов, их не избрали, избрали других, и теперь они пошли по тем же дорожкам с теми же просьбами, и действительно некогда им в круговороте снабженческих хлопот оглядеться, задуматься, как разорвать порочный круг.

Еще одна, тягостная своими последствиями грань описываемой беды. Пока одни депутаты истово трудятся на бла-

го Отечества, мучительно, тяжело решая накопившиеся государственные проблемы, и не видно пока их результатов, другие, взяв ношу полегче, решают проблемы только своего колхоза, и результаты их налицо. И подойдут новые выборы, и действительно государственного мужа, действительно решавшего все годы депутатства должные по его рангу задачи, накопившего немалый опыт, могут по новой в депутаты уже и не избрать, а ретивый депутат, что все эти годы обеспечивал трубами да телками своих земляков, запросто может оказаться снова при высшей власти.

Понятно, что государственное мышление не вручишь разом с депутатским алым значком и темно-вишневым мандатом, понятно, что депутатам необходим период взросления, похоже, однако, что болезнь роста переходит в хроническую. Как, скажите, объяснить депутатские заботы членов Верховного Совета СССР М. Зокирова и Б. Эргашева из Узбекистана, республики, чьи тяжелейшие проблемы известны и хорошо понятны всем, может, даже вызывают сочувствие больше, чем свои? И о чем же хлопочут уважаемые народные депутаты, о чем просят заместителя Председателя Совета Министров СССР? Жалуются депутаты на Московский опытный завод конноспортивного инвентаря, который затягивает с изготовлением восьми фаэтонов для санатория «Шахант», что в Наманганской области, просят правительство оказать содействие в решении столь неотложной, жизненно важной проблемы.

Все явственнее, все обнаженнее проступает депутатская корысть. Академик Р. Сагдеев просит ежегодно выделять семь легковых автомашин для продажи в личное пользование сотрудникам возглавляемого им Комитета советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы. Депутат скрупулезно перечисляет, каких именно машин жаждут противники ядерной угрозы: «а/м «Волга» — 2 шт., «Жигули» разных моделей — 4 шт., другие марки — 1 шт.». Ежегодно! Трогательная забота народного депутата о своем штате в 30 человек (многие искренне считают подобные организации бескорыстно общественными). Правда, Р. Сагдеев подчеркивает, что всего в составе комитета 51 человек да еще 200 привлекаемых экспертов.

Просит «Волгу» для себя Ф. Сефершаев из Ташкентской области. С. Платон тоже хочет купить машину, просит помочь ему в этом на депутатском бланке. Народный депутат Е. Бобылева из Тульской области сначала успешно хлопотала о лучшей квартире для своей племянницы-москвички, а потом и сама надумала переехать в столицу, благо от избирателей своих она независима: ей высокую честь оказала, избрав в парламент страны, Всесоюзная организация ветеранов войны и труда...

Правительство народным депутатам не отказывает. На их запросы тут реагируют четко и оперативно, незамедлительно рассылают правительственные поручения, издают распоряжения. Предупредительные чиновники одно время даже урывали время от сна, приходили чуть свет и уходили затемно, чтобы дозвониться депутату, тут же сообщить ему о вчера принятом положительном решении. Понимаете, что происходит? Депутаты сознают, что просьбы эти не к лицу им, незаконны они, потому и оговариваются стеснительно «в порядке исключения», но, заметьте, просят. И руководители страны понимают, что просьбы эти не что иное, как корыстное использование депутатского мандата, но исполняют, и как еще это назвать иначе, кроме как сделкой. Мы-то, простаки, поражаемся порой неожиданным результатам голосования на съездах и сессиях, неоправданно подобострастным выступлениям депутатов, забываем, что перед нами лишь плоская сцена, за которой невидимые нам глубокие кулисы...

* * *

А теперь представьте предвыборный митинг и страстную речь на нем кандидата в депутаты: «... И если вы, дорогие мои земляки, окажете мне высокую честь представлять и защищать ваши кровные интересы в парламенте страны, я тотчас, как вы меня изберете, поступлю учиться в Академию народного хозяйства или, может, даже в Дипломатическую академию, думаю, мандат мне поможет, а потом перееду в Москву или уж махну разом на работу за границу и буду вам, дорогие мои земляки, до конца дней своих благодарен, что помогли мне и моей семье в этой жизни недурно устроиться. Вы мне только мандат депутата дайте, а там уж я не пропаду...» Не было таких речей, и представить сие невозможно. Никто не говорил: «Окажите мне доверие, потому что я хочу переехать в Москву, хочу учиться в академии, хочу в дипломаты, хочу в министры, хочу хорошую квартиру, хочу машину...», никто не говорил, что будет бороться с привилегиями, чтоб самому их заполучить... Никто не говорил, но не говорить еще не значит не думать об этом, не делать этого. И теперь в санаториях бывшего Четвертого главного управления, войну с которым объявляли почти все будущие депутаты, за символическую плату отдыхают сами депутаты, и в сохранившейся Первой поликлинике, задиристо клейменной, лечатся они, и лучшие квартиры для них, и машины также, и за границу теперь скопом и в розницу едут они с дипломатическими паспортами, и у трапов самолетов теперь их встречают черные «Волги». При этом депутаты по предвыборной привычке продолжают громогласно клеймить незаконные привилегии партаппарата, не заметив или делая вид, что не замечают, как сравнялись с теми, кого так жестко критиковали и на критике этой в основном и взошли к власти, а кое в чем даже преуспели. Сегодня секретнее информации о ЦК, КГБ, МВД и Минобороны стала информация о народных депутатах. Попробуйте раздобыть сведения, сколько депутатов отдыхали этим летом в санаториях бывшего Четвертого управления, или сколько и каких квартир ушло народным депутатам, сколько машин выделено им для продажи... Вот только «студенчество» с депутатскими флажками на лацканах не стесняются пока выставлять напоказ, демонстрируя их тягу к знаниям. Но разве учиться их избирали? Их избирали работать. Ведь ни один из них в своей выборной кампании не подчеркивал свои незнания, свою некомпетентность, напротив, каждый выпячивал свою абсолютную готовность быть депутатом, работать на депутатском поприще. Хочешь учиться — учись, а когда выучишься, иди в депутаты. Я не верю, да и кто поверит в высокую отдачу депутата, что совмещает, к примеру, свою депутатскую деятельность с периодическими занятиями в группе Дипакадемии по подготовке руководящих кадров загранучреждений СССР. И что, у такого депутата голова будет болеть за народ? Нет, конечно! Тогда какой же он народный депутат, это лишь крыша для карьеры.

Все хуже живется в стране. Единственная отрада — наши депутаты выглядят все краше. Бодрее. Увереннее. Самоувереннее. Господи, только и остается, что в очередной раз пожалеть народ, доверивший им власть.

Борис МИРОНОВ

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Пишу вам по горячим следам полученного вчера «Огонька» № 46, поэтому сумбурно, а еще больший сумбур от волнений, навеянных воспоминаниями. Прочитал публикацию Михаила Корчагина «Спитфайру» — взлет!», которая тронула меня до глубины души. Большое вам, сердечное спасибо от старого механика-покрышкинца. Очень бы хотелось также поблагодарить отважного лондонца Руперта Вилбрахама и пожелать ему удачи в благороднейшем деле, за которое он взялся и в успехе которого не сомневаюсь. Еще раз вам большое сердечное спасибо.

Во время Великой Отечественной войны я был радиоэлектромехаником звена управления (3 самолета) 16-го Гвардейского истребительного авиаполка, которым командовал до мая 1944 года прославленный советский ас, трижды Герой Советского Союза Александр Иванович Покрышкин. Наш полк, как и 9-я Гвардейская истребительная авиадивизия, в состав которой он входил, воевал на «Аэрокобрах». Некоторые из них погибли в боях, поэтому на местах былых сражений можно разыскать останки сбитых самолетов. Не все английские самолеты дошли до Союза — тысячи из них оказались на дне Северного моря в результате бомбежек гитлеровской авиации английских транспортных судов.

Еще раз сердечно благодарю «Огонек» от имени ветеранов за память о нас. Пусть вам сопутствует удача.

И. ГУРВИЦ, ветеран Великой Отечественной войны,
Москва

Не прошло и недели, как поток телеграмм, писем захлестнул редакцию. Пишут, телеграфируют все, начиная с безусых юнцов и кончая седовласыми ветеранами. Сообщаются точные местонахождения английских, американских, немецких самолетов, оставшихся на нашей земле со времен второй мировой. И поиски читателей «Огонька» уже дают результаты: студент Е. Лопатин, например, принес часть военного снаряжения и опознавательные таблички с номерами американских истребителей «Аэрокобра» *(см. снимок.— М. К.)*, указав точные координаты. Конкретные адреса сообщили и читатели В. Сивков, Б. Васильев, В. Мелешенковский (бывший военный летчик), Е. Коноплев, А. Акишев, А. Милановский и десятки других читателей.

Естественно, в силе остаются и условия поисков («Огонек» № 46): *«ЦВЕТНОЙ ЯПОНСКИЙ ТЕЛЕВИЗОР И ВИДЕОМАГНИТОФОН будут вручены за каждый найденный самолет тому, кто первым сообщит в редакцию о точном его местонахождении. Вручение призов состоится сразу же после отправки самолета в Лондон (на реставрацию.— М. К.)»*.

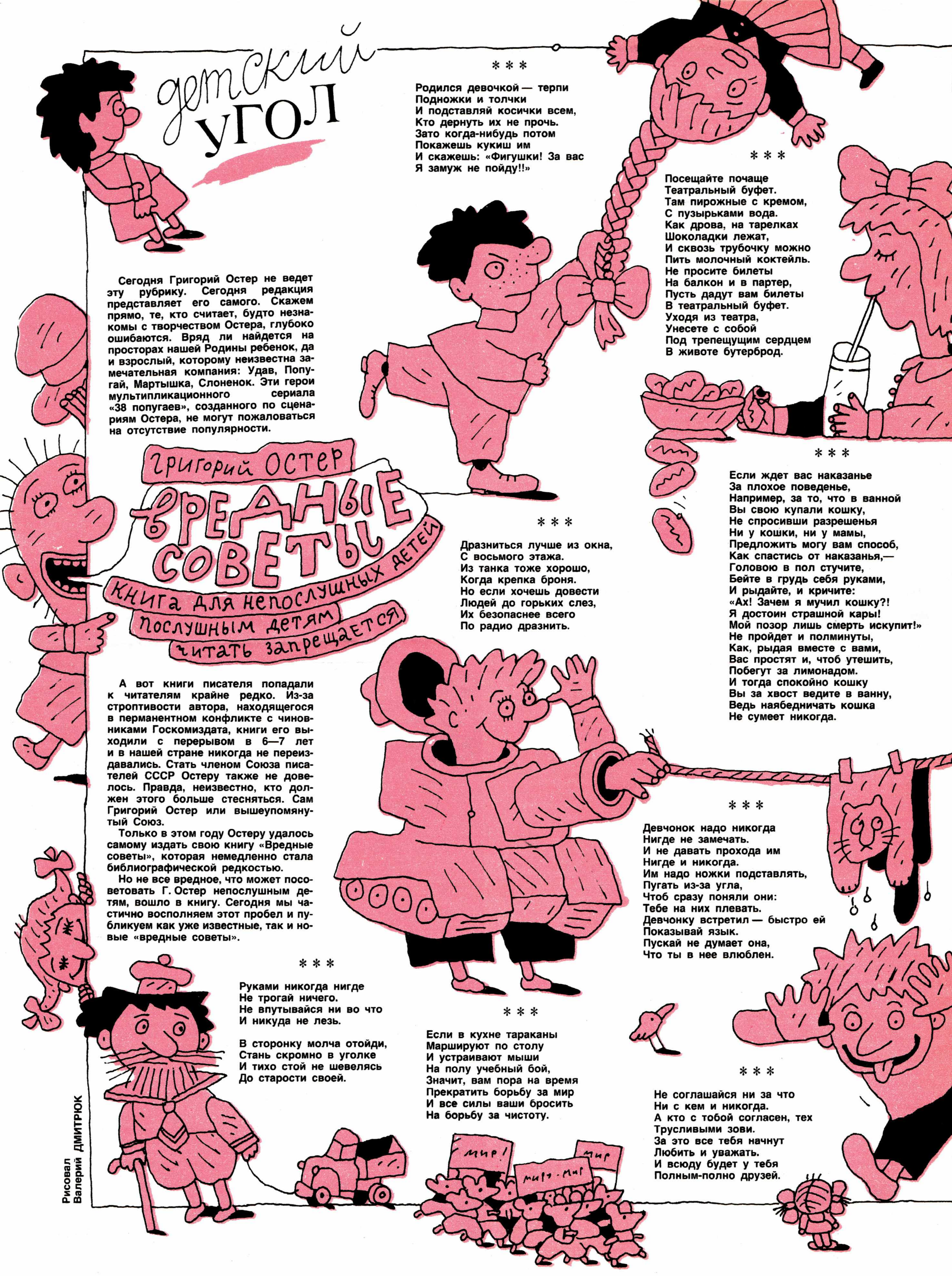
Условие, конечно же, будет соблюдено. Но отнюдь не из-за этого откликнулось большинство читателей. Далеко не коммерческие цели преследует огоньковская акция: *когда отреставрированные в Лондоне самолеты будут проданы на аукционе, около 50% вырученной валюты пойдет на нужды советских ветеранов войны* (столько же английским ветеранам). Это главное, из-за чего взялся за эту акцию «Огонек». И я не сомневаюсь в том, что валюта пойдет именно на нужды инвалидов, ветеранов, а не в копилку «слуг» народа.

В беседе с председателем благотворительного Фонда ветеранов за Великобританию 1940 года Дэвидом Кантерберном последний недвусмысленно заявил, что у фонда есть возможности проследить за тем, чтобы деньги были употреблены по назначению (не без помощи «Огонька», естественно).

Не остался в стороне от этой благородной акции и КГБ СССР, первым откликнувшийся на публикацию «Спитфайру» — взлет!». В частности, Центр общественных связей, возглавляемый генерал-майором Карбаиновым А. Н., обещал оказать посильную помощь в пробивании вставших на пути бюрократических барьеров. А они-то, несомненно, появятся и при организации подъема английских, немецких, американских самолетов со дна морей, озер и при перевозе находок в английский реставрационный центр. Чтобы благое начинание не захлебнулось в бюрократическом омуте, не случайно изъявили желание помочь и Советский комитет ветеранов войны, и Международный неправительственный благотворительный фонд «Вечная память солдатам», и первый заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК КПСС А. Я. Дегтярев, и поисковый отряд «Крылатая гвардия» (г. Ижевск). Но не только от этих организаций будет ждать помощи «Огонек». Обязательно понадобится помощь от Министерства обороны. Без содействия специалистов и техники ВМФ поднять обнаруженный истребитель со дна моря будет невозможно.

Итак, поиск самолетов продолжается. А «Огонек» ждет реальной помощи от всех желающих. Просьба телеграммы и письма слать с пометкой: «Спитфайру» — взлет!».

Михаил КОРЧАГИН

детский угол

Сегодня Григорий Остер не ведет эту рубрику. Сегодня редакция представляет его самого. Скажем прямо, те, кто считает, будто незнакомы с творчеством Остера, глубоко ошибаются. Вряд ли найдется на просторах нашей Родины ребенок, да и взрослый, которому неизвестна замечательная компания: Удав, Попугай, Мартышка, Слоненок. Эти герои мультипликационного сериала «38 попугаев», созданного по сценариям Остера, не могут пожаловаться на отсутствие популярности.

Григорий Остер

Вредные советы

Книга для непослушных детей

Послушным детям читать запрещается

А вот книги писателя попадали к читателям крайне редко. Из-за строптивости автора, находящегося в перманентном конфликте с чиновниками Госкомиздата, книги его выходили с перерывом в 6—7 лет и в нашей стране никогда не переиздавались. Стать членом Союза писателей СССР Остеру также не довелось. Правда, неизвестно, кто должен этого больше стесняться. Сам Григорий Остер или вышеупомянутый Союз.

Только в этом году Остеру удалось самому издать свою книгу «Вредные советы», которая немедленно стала библиографической редкостью.

Но не все вредное, что может посоветовать Г. Остер непослушным детям, вошло в книгу. Сегодня мы частично восполняем этот пробел и публикуем как уже известные, так и новые «вредные советы».

* * *

Руками никогда нигде
Не трогай ничего.
Не впутывайся ни во что
И никуда не лезь.

В сторонку молча отойди,
Стань скромно в уголке
И тихо стой не шевелясь
До старости своей.

* * *

Родился девочкой — терпи
Подножки и толчки
И подставляй косички всем,
Кто дернуть их не прочь.
Зато когда-нибудь потом
Покажешь кукиш им
И скажешь: «Фигушки! За вас
Я замуж не пойду!!»

* * *

Дразниться лучше из окна,
С восьмого этажа.
Из танка тоже хорошо,
Когда крепка броня.
Но если хочешь довести
Людей до горьких слез,
Их безопаснее всего
По радио дразнить.

* * *

Если в кухне тараканы
Маршируют по столу
И устраивают мыши
На полу учебный бой,
Значит, вам пора на время
Прекратить борьбу за мир
И все силы ваши бросить
На борьбу за чистоту.

* * *

Посещайте почаще
Театральный буфет.
Там пирожные с кремом,
С пузырьками вода.
Как дрова, на тарелках
Шоколадки лежат,
И сквозь трубочку можно
Пить молочный коктейль.
Не просите билеты
На балкон и в партер,
Пусть дадут вам билеты
В театральный буфет.
Уходя из театра,
Унесете с собой
Под трепещущим сердцем
В животе бутерброд.

* * *

Если ждет вас наказанье
За плохое поведенье,
Например, за то, что в ванной
Вы свою купали кошку,
Не спросивши разрешенья
Ни у кошки, ни у мамы,
Предложить могу вам способ,
Как спастись от наказанья,—
Головою в пол стучите,
Бейте в грудь себя руками,
И рыдайте, и кричите:
«Ах! Зачем я мучил кошку?!
Я достоин страшной кары!
Мой позор лишь смерть искупит!»
Не пройдет и полминуты,
Как, рыдая вместе с вами,
Вас простят и, чтоб утешить,
Побегут за лимонадом.
И тогда спокойно кошку
Вы за хвост ведите в ванну,
Ведь наябедничать кошка
Не сумеет никогда.

* * *

Девчонок надо никогда
Нигде не замечать.
И не давать прохода им
Нигде и никогда.
Им надо ножки подставлять,
Пугать из-за угла,
Чтоб сразу поняли они:
Тебе на них плевать.
Девчонку встретил — быстро ей
Показывай язык.
Пускай не думает она,
Что ты в нее влюблен.

* * *

Не соглашайся ни за что
Ни с кем и никогда.
А кто с тобой согласен, тех
Трусливыми зови.
За это все тебя начнут
Любить и уважать.
И всюду будет у тебя
Полным-полно друзей.

Рисовал Валерий ДМИТРЮК

* * *

Нет приятнее занятья,
Чем в носу поковырять.
Всем ужасно интересно,
Что там спрятано внутри.
А кому смотреть противно,
Тот пускай и не глядит.
Мы же в нос к нему не лезем,
Пусть и он не пристает.

* * *

Не обижайтесь на того,
Кто бьет руками вас,
И не ленитесь каждый раз
Его благодарить
За то, что, не жалея сил,
Он вас руками бьет,
А мог бы запросто схватить
И палку, и кирпич.

* * *

Кто не прыгал из окошка
Вместе с маминым зонтом,
Тот лихим парашютистом
Не считается пока.
Не лететь ему, как птице,
Над взволнованной толпой,
Не лежать ему в больнице
С забинтованной ногой.

* * *

Если вы еще не твердо
В жизни выбрали дорогу
И не знаете, с чего бы
Трудовой свой путь начать,
Бейте лампочки в подъездах,
Люди скажут вам спасибо,
Вы поможете народу
Электричество беречь.

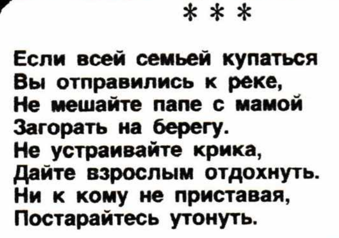
* * *

Когда тебя родная мать
Ведет к зубным врачам,
Не жди пощады от нее,
Напрасных слез не лей.
Молчи, как пленный партизан,
И стисни зубы так,
Чтоб не сумела их разжать
Толпа зубных врачей.

* * *

Посмотрите, что творится
В каждом доме по ночам.
Отвернувшись к стенке носом,
Молча взрослые лежат.
Шевелят они губами
В беспросветной темноте
И с закрытыми глазами
Пяткой дергают во сне.
Ни за что не соглашайтесь
По ночам идти в кровать.
Никому не позволяйте
Вас укладывать в постель.
Неужели вы хотите
Годы детские свои
Провести под одеялом,
На подушке, без штанов?

* * *

Если всей семьей купаться
Вы отправились к реке,
Не мешайте папе с мамой
Загорать на берегу.
Не устраивайте крика,
Дайте взрослым отдохнуть.
Ни к кому не приставая,
Постарайтесь утонуть.

Общественная благотворительная организация фонд «Профессионал», Украинский институт усовершенствования врачей и Союз ученых Харьковщины объявляют конкурс на лучшие лекарственные вещества и способы диагностики и лечения пострадавших от последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Учреждаются премии:

— 25 000 рублей и содействие в налаживании выпуска за лучшие лекарственные вещества, препараты и пищевые добавки, прошедшие доклинические исследования.

Срок заявки для проведения клинического внедрения — до 20.01.91 г.

— 15 000 рублей за диагностические, экспертные и компьютерные системы и программы обследования.

— 10 000 рублей за оригинальные предложения, направленные на лечение заболеваний, связанных с чернобыльской катастрофой.

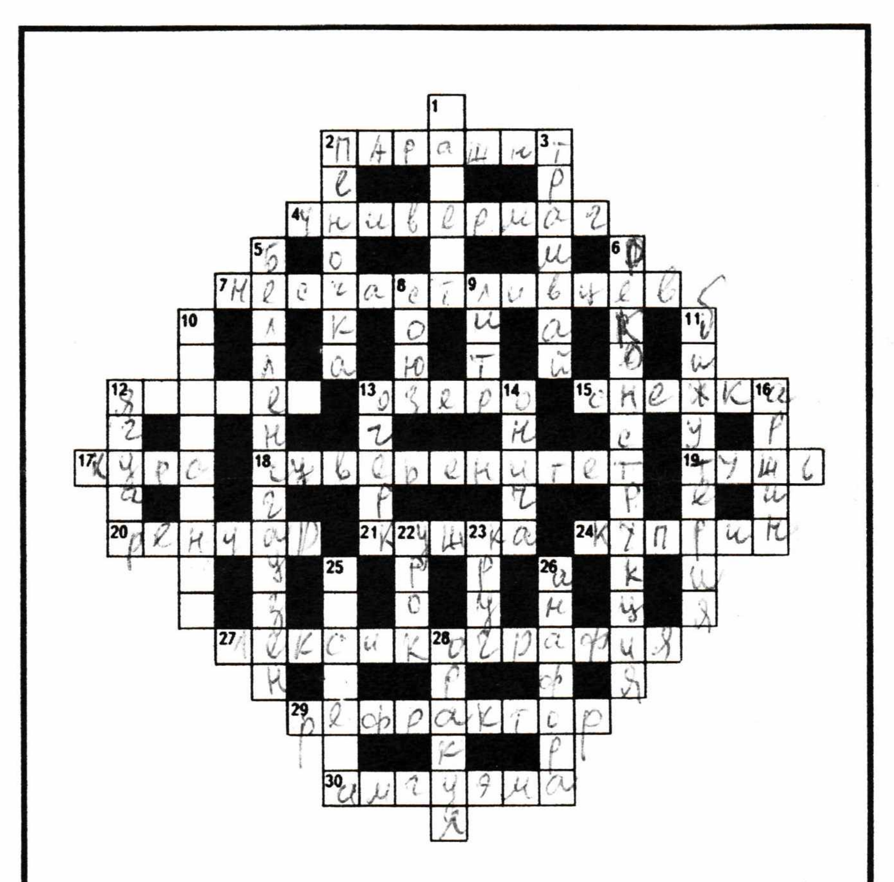
Срок подачи предложений — до 1 марта 1991 года.

Конкурсная комиссия подведет итоги на международной конференции, которая состоится 25—27 апреля — в день пятой годовщины чернобыльской трагедии.

Ждем ваши предложения. Авторские права гарантируем.

Наш адрес: 310057, г. Харьков, ул. Пушкинская, 33, фонд «Профессионал».

Телефон: 43-40-46.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Устройство для прыжка с самолета, спуска груза. 4. Крупный магазин. 7. Действующее лицо в пьесе А. Н. Островского «Лес». 12. Литовский поэт. 13. Естественный водоем. 15. Вершина в Судетах. 17. Направление движения, путь. 18. Независимость государства во внутренних делах и внешних отношениях. 19. Краска для черчения, рисования. 20. Французский живописец, график и скульптор. 21. Город в Марыйской области. 24. Русский писатель. 27. Теория и практика составления словарей. 29. Телескоп. 30. Река, впадающая в Чукотское море.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Документ, удостоверяющий какие-либо права, полномочия. 2. Небольшая северная птица. 3. Городской транспорт. 5. Русский мореплаватель, адмирал. 6. Коренное переустройство. 8. Серия советских космических кораблей. 9. Единица объема и емкости. 10. Декоративное растение, цветок. 11. Женские украшения из недрагоценных камней и металлов. 12. Хищное животное семейства кошачьих, обитающее в Америке. 13. Разновидность документального рассказа. 14. Город в Нигерии. 16. Старинная мера длины. 22. Основная форма организации учебных занятий. 23. Часть плоскости, ограниченная замкнутой кривой. 25. Рыба семейства карповых. 26. Стилистический прием, повторение одних и тех же слов, предложений. 28. Басня И. А. Крылова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Айвазовский. 8. Стиль. 10. Браслет. 11. Яркость. 12. Эзоп. 14. Суматра. 17. Граб. 18. Андерсен. 19. Инверсия. 21. Этна. 22. Частица. 23. Лист. 26. Арекипа. 28. Скандий. 29. Пилот. 30. Интродукция.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Эйфель. 2. «Фауст». 3. «Кориолан». 4. Устья. 5. Физика. 7. Крузенштерн. 9. Стравинский. 13. Пьеса. 15. Унеча. 16. Ранец. 17. Горал. 20. Стерлядь. 24. «Сирена». 25. Гамбит. 27. Апуре. 28. Стека.

Это Ваш Успех

ВАО «АВТОЭКСПОРТ» имеет в 100 странах мира разветвленную дилерскую сеть, которая включает в себя 7 акционерных обществ в странах Западной Европы, Северной Америки и Африки, 5000 станций технического обслуживания и центров запасных частей.

ВАО «АВТОЭКСПОРТ» всегда готово к новым контактам с инофирмами и советскими организациями на закупку отечественных и импортных автомобилей и запасных частей к ним, а также товаров широкого потребления с расчетами в СКВ и по клирингу.

Общество является учредителем четырех совместных предприятий с фирмами Англии, Италии, ФРГ, Панамы и Ирана.

МАРКЕТИНГ и РЕКЛАМА: общество разрабатывает и реализует крупные целевые программы и отдельные мероприятия, связанные с продвижением новых товаров на внутренний и внешний рынок. Организует выставки, презентации, симпозиумы в СССР и за рубежом.

ВЫСОКИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АВТОРИТЕТ И БОЛЬШОЙ ОПЫТ ВАО «АВТОЭКСПОРТ» — ЭТО УСПЕХ НАШЕГО СОВМЕСТНОГО БИЗНЕСА.

40 коп. Индекс 70663

ЭСКАРТ